

АЛЕКСАНДР ПОДОБЕД
НА ВСЮ ЖИЗНЬ

АЛЕКСАНДР ПОДОБЕД

НА ВСЮ ЖИЗНЬ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ СССР
1983

ББК 84Р7
П44

Рецензенты — **Аксенов В. П., Аржаева Л. В.**

Подобед А. И.

П44 На всю жизнь: Докум. рассказы. — М.: ДОСААФ, 1983. — 208 с.

45 к.

Документальные рассказы о партизанах и юных подпольщиках, боровшихся с гитлеровскими захватчиками на территории временно оккупированной Белоруссии.

Фамилии некоторых ныне здравствующих участников тех событий, а также описание одного из боевых эпизодов (рассказ «Крушение») изменены.

Автор книги двенадцатилетним подростком включился в борьбу против фашистских оккупантов, был партизанским связным; награжден медалью «За отвагу».

Для юного читателя.

П $\frac{4702010200-026}{072(02)-83}$ 90—83

ББК 84Р7
9(С)27

Александр Иванович Подобед

НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Документальные рассказы

Заведующий редакцией Г. М. Некрасов
Редактор Т. А. Соколова
Художник А. Г. Тюрин
Художественный редактор Г. Л. Ушаков
Технический редактор В. Н. Кошелева
Корректор Н. В. Матвеева

ИБ 1451

Сдано в набор 01.04.82 г. Подписано в печать 07.01.83 г. Г 63516. Формат 84×108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура лит. Печать высокая. Усл. п. л. 10,92. Уч. изд. л. 11,24. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3-26. Цена 45 к. Изд. № 1/е-82.

Ордена «Знак Почета» Издательство ДОСААФ СССР. 129110, Москва, Олимпийский просп., 22.

Отпечатано с матриц на книжной фабрике им. М. В. Фрунзе, 310057, Харьков-57, Донец-Захаржевского, 6/8.

Мальчишкам и девчонкам Великой Отечественной — партизанам и подпольщикам, юнгам и сынам полков — посвящается.

Автор

ТАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА

Стоял июнь 1941 года. Было по-летнему тепло, ярко светило солнце, на полях зрели хлеба. Наступили и долгожданные каникулы. Из городов разъезжалась детвора: кто в пионерские лагеря, кто с родителями в деревню. Море тогда у сельской белорусской ребятни было не в моде. По правде сказать, может быть, мало о нем знали. Больше тянуло к тихим речкам, озерам и лесам.

О близкой войне ползли разные слухи. Немало было людей, которые решительно пресекали всякие разговоры на эту тему. А если разговор заходил между двумя-тремя сельчанами, то вопрос решали просто, как настоящие мужчины, тут же, одним взмахом руки да крепким русским словцом. От таких слов у женщин краснели уши. Понятно, что каждый судил да рядил, как говорится, со своей колокольни. Люди обстоятельные, до всего досужие в который уж раз читали документы московской встречи Молотова и Риббентропа, заключенный договор. Причем все уверяли, что советская сторона будет строго соблюдать условия договора. Правда, горячие головы категорично заявляли, что если германец сунется, то шапками его закидаем.

А война между тем стояла у самого порога...

В тот памятный субботний день Портновы провожали дочерей к бабушке на каникулы. Паровоз был уже под парами. Портновы с дочерьми (старшая с матерью, младшая с отцом) прохаживались по шумному перро-

ну Витебского вокзала Ленинграда. И хотя вокруг, как и на всех вокзалах мира, было немножко и грустно и весело, что-то доселе неведомое тугим жгутом скручивало сердце, бередило душу. Желая отвлечься от тревожных мыслей, Мартын Нестерович начал рассказывать приходящие на ум истории и всякие небылицы. Девочки смеялись, задавали отцу по-детски наивные вопросы. Особенно резвилась младшая, Галя: то ей непонятно, это смешно.

«Это ж надо, — думала Зина, шагая в ногу с мамой. — Без родителей — в Белоруссию!»

— Мам, а мам? — внезапно остановившись посреди перрона, спросила старшая. — Как думаешь, поверят в классе, что мы с Галкой вдвоем ездили в Белоруссию?

— Ну а ты как считаешь? — спросила мать, поджидая немного отставших мужа и младшую дочь.

— Думаю, поверят, — решила Зина. — Расскажу им самое-самое интересное, все как будет. А ведь и правда: сколько можно будет рассказать ребятам разных разностей. И как будем учиться верхом на лошадях ездить. В лес будем часто ходить. Увидим лисьи и барсучьи норы, а может, и маленьких лисят, да, папа? — повернулась она к подошедшему отцу. — Ты ведь обещал показать эти норы, когда приедешь к нам.

— Покажу. Непременно покажу. Это же не день-два, а целый мой отпуск. Времени будет предостаточно.

Размечтавшись, Зина снова оказалась с мамой, а Галя с отцом позади. Подойдя к жене и старшей дочке, Мартын Нестерович дал несколько практических советов. И хотя он при этом хмурился и глядел необыкновенно серьезно, все отчего-то улыбались. Зина видела, как приподнимались уголки маминых губ и нежно, с грустинкой блестели ее глаза. О чем она думала, мама, о чем мечтала?..

Галя, взяв за руку сестру, все шептала, чтобы та скорее шла к вагону. «Что, если мама передумает? В вагоне надежнее: там мама уже не решится высадить меня», — рассуждала младшая.

Тем временем Анна Исаковна, взяв Галю за руку, прижала ее к себе и поцеловала в розовощекое лицо. На глаза навернулись слезы и крупными каплями скатились на платьице дочери.

Там, в далекой, казалось сестрам, Белоруссии, в деревне Зуя живет их бабушка. Зина уже представляла встречу с ней, то, как, усевшись в телегу на пахучее свежее сено, они прикатят к бабушкиной хате.

Девочки знали, что через две недели к ним приедут родители и все вместе они будут ходить за ягодами, пить парное молоко и на лугу сушить колхозное сено. Не ведали одного — что задуманному не суждено сбыться, что спустя семнадцать лет Зине Портновой посмертно присвоят звание Героя Советского Союза, что нежный прощальный поцелуй Зины для родителей будет последним, а для Гали на долгие и тяжелые годы войны родителями станут бабушка, пятнадцатилетняя сестра да партизаны из отряда имени Ворошилова.

На перроне царила деловая сутолока. У одного из вагонов под гармонь отплясывали «барыню». С чемоданами бежали трусцой носильщики, покрикивая на зазевавшихся пассажиров и провожающих: «Посторонись, посторонись!»

Подали состав. С лязгом стукнулись буфера, и вагон, вздрогнув, чуть откатился назад. Засуетились люди, как всегда, не успевшие сказать самого главного и самого важного перед расставанием. Взгрустнули отъезжающие. Просвистел свисток кондуктора — сигнал к отправлению, и паровоз дал длинный гудок, как бы напоминая, что провожающим пора покинуть вагоны, а отъезжающим занять свои места. Пыхтя и чихая: «пфу-пфу, чша-чша», как бы нехотя, поезд стал набирать скорость.

Через открытое окно вагона, высунув головы, девочки махали руками, пока станционные постройки не скрыли из виду их родителей.

Поезд шел неровно: замедлял ход перед станциями, стоял больше положенного на остановках; потом, миновав стрелки, снова набирал ход. На одной из станций поезд и вовсе на целый час словно бы прирос к рельсам. А мимо него туда же, в Белоруссию, шли и шли красноармейские эшелоны. «Не иначе, на маневры», — авторитетно сказал один из пассажиров, кивнув на окно, за которым промелькнули платформы с пушками, гаубицами, танкетками, обозом.

Прошла ночь. Наступал рассвет. Казалось, что за лесом и вон за тем поворотом покажется станция

Оболь. И вдруг послышался шум низко летящего самолета и совсем рядом прогремел взрыв. Огненно-черный веер осколков, камней и земли резанул по вагонам. Кое-где вылетели стекла, раздались крики, детский плач.

Пассажиры, сразу и не поняв, что произошло, бросились к окнам.

Поезд еще шел, но вот снова вздрогнула земля, качнулся вагон, и поезд, заскрипев и заскрежетав тормозными колодками, остановился. Тишину солнечного воскресного дня прорезала пулеметная очередь. Вот так они встретились с войной.

Немецкие самолеты с черными крестами на фюзеляжах и крыльях проносились над поездом то справа, то слева, расстреливая из пулеметов разбегавшихся пассажиров. Так впервые в жизни Зина Портнова увидела убитых и покалеченных детей, женщин, мужчин.

Горели развороченные бомбами вагоны, стонали раненые, суетились те, кто уцелел. Вместе с другими прячась в придорожных кустах, Зина и Галя видели, как на бреющем полете фашисты гонялись за каждым живым человеком. Что это? Что же происходит?

«Кто бы мог подумать! — рыдая, приговаривала лежащая в канаве женщина. — Кто бы мог подумать, что вот так внезапно начнется война! — ни к кому не обращаясь, выплакивала она свою боль. — Дома остались двое детей и мать-старушка. Муж в командировке. И надо ж мне было собраться в дорогу именно теперь!»

В юном сердце Зины в эти горестные минуты появился страх. «Что же с нами будет? Как добраться домой, в Ленинград?» Она еще в лицо не видела этих убийц, но уже подсознательно поняла, что враг жесток даже к детям. «Ну как же можно, — размазывая грязными руками по лицу слезы, спрашивала себя девочка, — вот так просто убивать людей?»

А люди все бежали и бежали — кто куда, только подальше от этого страшного места. И если вначале их было много, то теперь Зина вдруг с испугом заметила, что они с Галкой остались вдвоем. Где же остальные? Куда они делись?

Вспомнила Зина и о чемоданчике, забытом в вагоне, о платьицах, ленинградских гостинцах бабушке. А бе-

жать становилось все тяжелее. Галя то и дело спотыкалась, всхлипывала, жалуясь на усталость.

Лесок. Безлюдная проселочная дорога, извиваясь между орешником, ольхой и березой, влекла их в неведомую даль. Они даже не задумывались, куда ведет эта дорога. И вдруг Зина заметила бегущего невдалеке мужчину. Продираясь сквозь кустарник, сгорбившись в три погибели под тяжестью вещевого мешка, он выскочил на дорогу. Прихрамывая, подошел к ним. Его злое, сосредоточенное лицо все в поту, бегающие глаза напугали до смерти. Бежать? Спрятаться? Но куда?

Девочки остановились, потупив глаза. Колюче, настороженно и подозрительно, секунду-другую всматривался мужчина в лица девочек; бросал косые взгляды на противоположные кусты, пыльную и безлюдную дорогу. Никого, тихо вокруг. Самолеты, сделав свое гнусное дело, давно улетели. Бредут где-то по дорогам люди. Бредут, ошеломленные и подавленные, кто куда.

Мужчина облегченно вздохнул и на лице его появилось подобие улыбки: губы растянулись в две тонкие и длинные полоски, брови приподнялись.

— Откуда топаете, бедняжки? — елейно спросил незнакомец.

— С поезда, — боязливо прижимаясь друг к дружке, еле слышно ответили девочки.

— Ну, ну, и как же там было, расскажите, — оживился мужчина. И поспешил уточнить: — Одни вы, что ли? Без родителей? А куда ж идете?

Теперь Зине он не казался таким страшным, как прежде, и глаза будто бы стали нормальными.

— Поезд разбомбило, — ответила она услышанной в толпе фразой. — Одна бомба попала прямо в вагон. Людей поубивало — ужас! И детей тоже...

У неизвестного заблестели глаза. Он ускорил шаг, да так, что девочки едва поспевали за ним.

— Сработали что надо! Асы! — тихо, будто про себя, говорил он.

Ничего не поняв из его слов, Зина продолжала рассказывать:

— Где-то здесь наша бабушка живет.

— А как деревня называется? — спросил мужчина.

— Зуя.

— Откуда ехали?

— Из Ленинграда.
— Отец где? Мать?
— Мама с папой? Они дома, в Ленинграде. Но скоро должны приехать к нам.
— Так, так. Скоро, говоришь? Это верно. Скоро! Осталось совсем недолго ждать, — ухмыльнулся он.
Из кармана вынул карту, нашел их деревню и показал, как туда пройти. Взгляд его изменился. На лице снова появилась настороженность, подозрительность. Он стал часто оглядываться по сторонам, будто выискивал кого-то.
Зина опять почувствовала страх, стала боязливо озираться. Хотелось кого-нибудь встретить. А хромоногий, казалось, уже потерял к ним всякий интерес. Но это было не так. Он протянул было руку Гале, но та отстранилась от него и крепче вцепилась в руку сестры, перестала хныкать и только боязливо глядела на чужого мужчину.
Не успели они подойти к развилке дороги, что вела в Зую, как из-за кустов навстречу им вышли двое военных. «Командиры», — определила Зина, увидев в петлицах кубики.
Хромовые сапоги в пыли, у одного разорвана гимнастерка. Нагловато-веселые лица. Обнялись с хромым. Помогли ему снять мешок, осторожно положили у обочины дороги. Заговорили разом, все трое. Возбужденно, в полный голос.
Зина боялась, что их позовут, опять начнут расспрашивать, а у нее уже не было сил. Хотелось лечь и не двигаться. Она вздохнула, тряхнула головой, крепче сжала в своей руке ручонку сестры и прошла мимо мужчин, стараясь делать вид, что не обращает на них никакого внимания. Девочки уже свернули на дорогу к деревне, как услышали позади грубовато-басовитый оклик: «Эй вы! До скорой встречи в Ленинграде!»
Зина обернулась; ничего не ответив, помахала рукой. От усталости ныло тело, особенно болели ноги. Хотелось пить.
За бугорком обозначилась деревня. Солнце уже садилось. По дороге тянулось стадо коров, подгоняемое пастухом и подпаском. Невдалеке показался грузовик. Приблизившись к стаду, шофер начал сигналить. Но коровы сигнала не испугались и с дороги не ушли.

Даже подпасок, нещадно щелкая кнутом и покрикивая, не мог ничего сделать. Тогда водитель остановил машину, из кузова выскочили трое военных, четвертый вышел из кабины. В петлицах два кубика: лейтенант.

Пастух пошел к машине, велев подпаску гнать стадо по дворам.

— Как поживаешь, отец? — обратился к нему лейтенант.

— Да ничего себе. Живем — не тужим. Скотину пасем, — ответил старик.

— Здешний?

— А то как же? Тутошний!

— Не замечали в лесу или на дороге, в поле какнхнибудь подозрительных людей? — спросил командир.

— Подозрительных не видели. Военных видели. У Зеленой балки.

— Что за военные, как выглядят? Расскажите.

— Да как тебе сказать, сынок. Обыкновенные военные. В форме, с портупеями, петлицами, вроде вас, — заключил пастух.

— А много их было?

— Да нет! Немного. Всего двое. Поинтересовались, как быстрее и на каком транспорте добраться до Витебска.

— О войне вас не расспрашивали?

— О какой такой войне? — не понял пастух.

— Фашистская Германия без объявления войны сегодня утром напала на Советский Союз. Мирное время кончилось, отец. Так куда же пошли те двое?

— В лес пошли, в сторону железной дороги... — растерянно проговорил старик.

В это время к машине подошли Зина с Галей. Малышка уже несколько раз присаживалась отдохнуть прямо на пыльную дорогу, не слушаясь сестру. Выбилась из сил и Зина.

— А детишки чьи? — спросил лейтенант.

— Не знаю. Не наши, не здешние. Нашнх, деревенских, я хорошо знаю, — ответил пастух.

— Девочки, чьи вы будете? — спросил лейтенант, когда они поравнялись с машиной.

— Мы из Ленинграда. С поезда, который утром бомбил германец, — сказала Зина и опустилась на дорогу рядом с Галей.

— К кому же вы идете?

— К бабушке Фросе.

— Это к какой такой бабушке Фросе? — вмешался пастух. — Не к Яблоковой ли Ефросинье?

— К Яблоковой, к Яблоковой, — обрадованно закивала Зина. — Мы внучки ее.

— Ждала она вас, ждала. Мне о вас сказывала.

Подошел лейтенант. Галя уже спала, свернувшись комочком. Лейтенант провел рукой по ее русой головке, осторожно поднял на руки, перенес в кабину, а после попросил пастуха проводить детей к бабушке. Старик охотно согласился.

Уже сидя в кабине, Зина сказала лейтенанту, что на развилке дорог им встретились два командира, а прежде — хромой: он шел с ними довольно долго. Зина припомнила все, что он говорил, не забыла упомянуть и о тяжелом вещевом мешке, что был у хромого за плечами.

— Страшно нам было с хромым. Боялись мы его.

— Спасибо тебе, — поблагодарил лейтенант. — Как тебя звать, девочка?

— Меня — Зина, а ее — Галя...

— Спасибо тебе, Зина! — сказал лейтенант еще раз. — Молодец! Мы ведь этих «командиров» с утра ищем. — И, уже обращаясь к пастуху, добавил, что это вовсе не командиры Красной Армии, а немецкие диверсанты, заброшенные к нам на парашютах.

— Ну что ж, поезжайте. Передай привет бабушке, Зина.

В стороне от дороги стояли трое военных, приехавших вместе с лейтенантом, к ним и пошел командир.

Не проехав и десяти метров, машина остановилась.

— Товарищ командир, товарищ командир! — взволнованно закричала Зина.

— Что случилось? — встревожился лейтенант и поспешил назад, к машине.

— Я заметила, — торопливо заговорила Зина, — что у тех военных наганы были слева и спереди, не так как у вас — справа на боку!

— Спасибо тебе. Молодчина! Наблюдательная ты.

...Бабушка встретила внучек слезами.

— Живы! Нашлись мои белочки, нашлись! — приговаривала Ефросинья Ивановна сквозь слезы, которые

градинами катились по лицу, растекаясь по глубоким морщинам.

Прибежали знакомые, соседи, родня. Спешили расспросить девочек, рассказывали сами, перебивая друг друга. Успокаивали, подбадривали. А разговор снова и снова возвращался к тому, как искали девочек: как добрались до разбитого поезда, ползали по кустам и канавам, ходили по вагонам, звали, кричали, плакали...

— Всё искали, искали... — вытирая уголком платка слезы, говорила Ефросинья Ивановна.

— Хорошо, что живы. Слава тебе... — Бабушка хотела закончить привычной для нее фразой, но спохватилась, увидев фотокарточку Зины с пионерским галстуком, которая стояла у нее на комоде, и только повторила: — Хорошо, что живы остались.

ПОЛИТРУК

Огонь был кинжальным, а сам бой — скоротечным. Так обычно сообщалось во фронтовых донесениях. Фронта здесь уже не было — пылая и грохоча, он отодвинулся далеко на восток.

Но бой был — жестокий, беспощадный, смертельный...

У самой обочины дороги, догорая, чадил танк. Поодаль — еще одна бронированная громада с крестом на перекосившейся башне. А близ нее, в кювете, колесами кверху валялись два мотоцикла. Все еще надрывно ревел двигателем третий танк, в клочья раздирая уцелевшей гусеницей землю. Во все стороны изрыгал свинцовые струи его пулемет, раз за разом гулко ударяла пушка. Но уже языки пламени, едва различимые при ярком солнечном свете, лизали его броню, на которой от жара пузырилась и лопалась краска.

Остальные танки с фашистскими крестами на башнях внезапного удара не выдержали. Отступили, отползли на исходную, чтобы после, уже во второй раз, с остервенением ринуться на позиции наших артиллеристов, оказавшихся в их тылу, смять, всей мощью раздавить горстку советских храбрецов.

На месте, где кипел и грохотал ожесточенный бой, внезапно воцарилась жуткая, звенящая тишина.

И вдруг издали послышался глуховатый, видимо сорванный, голос командира орудия — единственного орудия, уцелевшего в неравной схватке:

— Товарищ политрук, товарищ политрук! Последний снаряд дослан в казенник! Как быть дальше? — оторвавшись от прицела, кричал командир орудия. — Не услышав ответа, закричал снова: — Товарищ политрук, что дальше делать будем? — Надрывно-глуховатый голос его эхом прокатился по опушке леса и внезапно растворился среди могучих сосен.

Командир орудия еще раз настороженно огляделся по сторонам. Здесь, у опушки, он остался один, выполнял обязанности всех номеров расчета: и наводчика, и заряжающего, и снарядного. Где-то неподалеку должен быть политрук.

А политрук и впрямь был рядом. Но, оглушенный, контуженный, с трудом державшийся на ногах, он не сразу разобрал, о чем спрашивал его командир орудия. А когда наконец понял, в чем дело, — подошел к брустверу, иссеченному осколками и пулями. Командир орудия, завидев политрука, крикнул снова:

— Товарищ политрук! Стрелять или как?

— Самому соображать надо. Как-никак командир орудия, — невесело проговорил политрук Варкиянов. Постоял в минутном раздумье и, опять не повышая голоса, напомнил: — Вы, сержант Лузиков, вполне можете батареей командовать, а в более критической обстановке — и дивизионом.

«Куда уж там более критическая, — подумал Лузиков, — бывает ли?»

Порывшись в усеянном гильзами и осколками бруствере, политрук вытащил противотанковую гранату, Сдул с нее песок, взял в левую руку, правой сжал автомат.

— Что дальше делать будем? — переспросил политрук командира орудия и, слегка улыбнувшись, сам же ответил: — Воевать, сержант Лузиков, будем. Воевать!

— А чем? Ведь в казеннике — последний снаряд!

Политрук огляделся. На лесной дороге, где батарейцы, уцелевшие после многодневных боев, устроили врагу засаду и вступили в последнюю схватку с его танковой колонной, не было теперь никого, кроме самого политрука и сержанта Лузикова. Да и у них силы были на исходе. Не хватало дыхания — едкая гарь пороха

забила легкие. От песка, попавшего иа зубы, в гортань, все виутри горело. Казалось, разожми только зубы — изо рта вырвется пламя. Ломило виски, острый звон, не прекращавшийся в ушах, тупой болью отдавался в затылке. Кружилась голова, иыла, как при радикулите, поясиица.

Оцеиив обстаиовку, политрук Варкияиов поиял: еще одну атаку фашистских таиков им, коиечно, не отбить. Едииственным сиарядом и противотаиковой граиатой этого не сделаешь. Зиачит, остается одно: отходить. Отходить, ие мешкая, прямо сейчас. Чтобы потом, собравшись с силами и, главиое, соедииившись с другими бойцами, тоже оказавшимися в окружеиии, сиова схватиться с неиавистным врагом, ианося ему удар за ударом.

О своем решеиии политрук сообщил сержаиту.

— А орудие как же? — спросил Лузиков.

— Подорвать придется, — ответил Варкияиов.

— Как это — подорвать?

— А очеиь просто. Рвать будем, Лузиков. Рвать! — повысил голос политрук. — Где толовая шашка? Вот она, держи. Привяжи ее поскорее к замку и сиаряду. Понял?

— Поиял, а то как же, — угрюмо отозвался Лузиков. — Только рука на это ие поднимется. Вот уж ие думал, что свое же орудие подрывать придется.

— Приходится, Лузиков, приходится... Не оставлять же его врагу целым да исправным! Словом, действуй! Пока фашисты снова ие полезли. А я подползу к тому танку. Видишь, ои уже больше ие стреляет? Навериое, у фашистов боеприпасы коичились. Поиял меня?

— А то как же! Поиял! А может, оии только притаились?

— Все равно им в танке не отсидеться. Скоро начнут выпрыгивать оттуда, как караси с горячей сковородки. Так я вот ие дам им уйти.

— Разрешите, товарищ политрук, мне с ними разделаться, — попросил Лузиков. — Ведь это они побили мой расчет. И мне с ними за товарищей рассчитаться иадо. А вы пока орудием займитесь. Этот экипаж на моей совести, — продолжал иастаивать иа своем Лузиков.

— Совесть у тебя, Лузиков, чиста, — устало и опять

негромко, с великим напряжением произнося каждое слово, ответил политрук.

— Так ведь расчет... За мой расчет надо расквитаться. За командира батареи... товарищей, — настаивал Лузиков. — Я их, гадов, за здорово живешь... — И он ткнул кулаком в сторону фашистского танка.

— Нет, Лузиков, — твердо сказал Варкинов, — сейчас нам с тобой не до личных счетов. У тебя еще будет такая возможность, гарантирую. А сейчас — выполняй мой приказ. Подрывай орудие! И в случае чего — прикрой меня.

— Слушаюсь, прикрыть! — крикнул в ответ Лузиков и побежал к орудию.

Из всех задач, что пришлось сержанту Лузикову выполнять с первого дня боев, эта была самой тяжкой. Легко ли сказать — подорвать собственное орудие! С этой пушкой он принял бой у Бреста, из нее бил фашистов под Минском, где его 151-й артиллерийский полк несколько суток отражал яростный натиск фашистских танков и мотопехоты, рвавшихся к белорусской столице. Не подвело Лузикова это орудие и потом, в самое трудное для их батареи время: прикрыв отход остатков полка, она оказалась во вражеском кольце и вынуждена была прорывать его, сосредоточив весь огонь по фашистским танкам и бронетранспортерам, зашедшим с тыла. Лузиков не петлял в ходе сообщения, как полчаса назад, поднося снаряды, а прямиком летел к орудию по выжженной солнцем и огнем траве, по кустам черники.

И вот теперь, когда в казенник дослан последний снаряд, приходится своими же руками уничтожать орудие, с которым породнился в довоенную пору. Но политрук прав: пушку оставлять врагу нельзя. «Задачу командира полка батарея выполнила, враг не только задержан, но и отброшен назад с потерями в живой силе и технике», — про себя подводил итог боя Лузиков.

К толовой шашке тонкой змейкой потянулся темносерый бикфордов шнур. В его булавочном отверстии тоненькой струйкой, хорошо различимой в тени орудийного щита, потрескивают и шипят искрометные огоньки. Вот-вот грянет взрыв, и орудие, из которого Лузиков

еще недавно вел меткий огонь по вражеским машинам, обратится в груду обгорелого металла.

«Всё, — пробираясь поближе к политруку, говорил сам себе Лузиков, — отвоевались!»

Но безликие и невидимые огоньки уже мечутся по броне танка — черная и смрадная туча окутывает махину. Хорошо видно, как из ближней воронки политрук ведет прицельный огонь по фашистскому экипажу. «Тутуту, ту-туту», — слышатся короткие очереди.

— Всё, отвоевались, товарищ политрук, — подползая к Варкнянову, почти в затылок кричит Лузиков. И трудно понять его: сами они отвоевались или фашисты?

— Всё! — в тон Лузикову говорит политрук и по довоенной привычке стряхивает с гимнастерки песок. Заметив, что Лузиков не расслышал, кричит снова: — Всё, уходим! Задача выполнена!

Пошатываясь, пересохшими и потрескавшимися губами он что-то невнятно произносит, забрасывает ППШ за спину, ставит на предохранитель противотанковую гранату и медленно карабкается из воронки.

Окидывая взглядом панораму только что закончившегося боя, они подходят к свеженасыпанному холмику, возвышающемуся у переломанной снарядом сосны. Политрук снимает потемневшую от пота и пыли пилотку и, не глядя на Лузикова, тяжело опускается на колени. Потом сдавленным голосом говорит:

— Запомни, сержант Лузиков, это место, прошу тебя как друга. Запомни навсегда. Когда наша армия вернется сюда, то здесь обязательно поставят памятник. Чтоб и дети наши, и внуки, и правнуки знали о павших героях. Дружище, как брата прошу, не забудь это святое место, — тихо и мягко, совсем не командирским голосом проговорил политрук.

— Запомню, товарищ политрук. Все запомню. И как наши товарищи сражались, и как погибали за Родину.

Они еще несколько минут стояли у холмика. Потом политрук, поправив автомат, висевший на груди, и положив в гранатную сумку противотанковую гранату, решительно зашагал к лесу. За ним поспешал Лузиков.

— Если останусь жив, товарищ политрук, то до последнего своего вздоха помнить буду эту клятву. И врагу от меня пощады не будет.

— Кто-то из батареи должен же, черт побери, остаться, а? — Политрук внутренией стороной пилотки вытер потиое лнцо и снова иадел ее. — Пока мы с тобой жнвы — будем воевать, — сказал Варкияиов. — Как твой карабин, исправеи?

— В полиой исправиостн, — заверил сержаит.

— А патронов хватает?

— Еще целых пять обойм.

— Гранаты?

— Тоже имеются.

— Это хорошо. Вот только с харчами как?

— Малеиько есть еще сухариков, товарнщ полнтрук.

— Ну тогда все в порядке. Будем счнтать, что к новым боям мы с тобой, Лузиков, вполие готовы.

Позадн раздался одиночный взрыв. Птнчками чирикнули в густой лнстве деревьев осколки. От края до края, по всему лесу проиеслось эхо, а через минуту все затнхло. Лес стоял мертвый, угрюмый — без шороха, без щебета птиц, без дуновеиия ветерка, вмиг утратнвший всю свою прелесть, всю красоту свою и снлу. Тихая ярость раздирала грудь, мозг, отчаяиие охватывало при взгляде иа эти вековые сосиы. А в памяти вставалн одиополчане — юиые, крепкие, еще полчаса иазад жнвшие, дышавшие, как н ты, этнм целебиым лесным воздухом. Как все днко, протнвоестествеино...

— Когда есть оружие и боепрнпасы к нему, ие чувствуешь и усталости, — виовь заговорил полнтрук. — А главное, Лузиков, тогда и иа душе спокойиее. Так-то, комаидир орудия! Мы еще, дружище, ие расквнтались с фашистами за иашнх с тобой одиополчан, это ты верио отметнл. В долгу мы перед иими с тобой. Поиял, Лузиков? Сколько воевать будем, сколько жить будем, все одио в долгу перед иими... Недалеко отсюда Смолеиск, — в раздумье сказал Варкнянов. — Может, наш полк уже там, бой держнт? А может, как н мы, в лесу, нехожеными тропами пробнрается к своим? Смоленск сдать ие должны, — размышлял Варкиянов. — Нет, не должиы! Это ключ к Москве. А впрочем, каждый город — ключ к Москве... И вот еще что: еслн иам придется действовать только вдвоем, то все равно должиы пробнться к своим, вернуться в полк.

— А где же мы полк найдем? Он, наверное, под Смоленском.

— Что ж, коль потребуется, дойдем и до Смоленска.

— А если фашисты нам путь перережут? Что тогда?

— В бой зазря ввязываться не будем, — ответил Варкиянов. — Но уж если иного выхода не найдем, станем драться до последнего.

Политрук сбавил шаг и, повернувшись к Лузикову, доверительно и слегка виновато произнес:

— А где сейчас может находиться наш полк, этого я и сам не представляю. Что ж, если не догоним нашу часть, вольемся в любое подразделение, только бы пробиться к своим. Наше место в строю.

Опасения Варкиянова, что им так и не удастся добраться до своего 151-го артиллерийского полка, оказались не напрасными. Уже не одну неделю пробирались они по лесным чащобам и болотным топям, но так и не встретили никого, кто указал бы хоть приблизительно, как выйти к линии фронта. И сколько еще шагать им до той линии? Хватит ли для этого сил?

И силы были уже на исходе. Никаких НЗ: от сухарей после боя на лесной дороге осталось одно воспоминание. Так что давно уже перешли на подножный корм. А какой же корм мог быть под ногами? Только картошка, клюква да грибы. Клюквы, правда, хватало с избытком — от нее на болотах было красным-красно. После этой клюквы зубы скрипели, как колеса немазаной телеги. Грибы тоже попадались, но реже.

— До грибов я всегда был большой охотник, — рассказывал Лузиков. — До войны, бывало, соберешь белых десятка три-четыре. Да таких, что один к одному, хоть витрину оформляй. Ну так, покрошишь их на сковородку, поджаришь как следует, сметаной подзаправишь, и кажется, нет ничего на свете вкуснее да слаще.

Все это Лузиков говорил, не переставая помешивать в котелке, в котором в несоленой воде, с трудом доведенной на слабом костре до кипения, всплывали и плескались всякие там боровички да маслята. Царским казался обед, когда выгребали из кучи золы и углей печеную картошку.

— Да, белых со сметаной сейчас бы очень даже кстати отведать, — мечтательно произнес Варкиянов. —

А то ведь на этих маслятах долго мы, пожалуй, не протянем.

Правда, изредка кое-что перепадало от сельчан, да один раз раненый заяц попался. А в общем, ремни были затянуты туже некуда. Да и с одеждой и обувкой не все ладно.

Варкиянов критически оглядел свою гимнастерку. От долгих блужданий по лесам и болотам форма истрепалась, износилась вконец. От прежней формы одно лишь название осталось. Разве только красноармейские пилотки, ремни да петлицы со знаками различия убеждали, что это — военнослужащий Красной Армии.

На сапоги и вовсе смотреть было жутко. Подошвы едва держались, голенища истерлись, покоробились, порыжели. А сколько еще верст в таких, с позволения сказать, сапогах шагать придется? Ведь лето, считай, уже прошло. Дни стали короче, ночи — длиннее, и все сильней донимает прохлада.

— Нет, одним нам не выбраться, — решил Варкиянов. — Нужна помощь местных жителей. Без нее не обойдешься. Только так, запросто в деревню не зайдешь. Осторожность тут требуется большая. Глаз да глаз нужен.

Еще сутки шли Варкиянов и Лузиков сквозь чащи. Наконец лес поредел, меж деревьев забелели просветы.

Дойдя до опушки, они увидели небольшую деревеньку. Притаившись в кустах, долго наблюдали, высматривали, не появится ли кто на огородах, примыкавших к хатам.

В первые минуты им показалось, что деревня вымерла. Не было слышно ни собачьего лая, ни куриного кудахтанья. Но вот у крайней хаты скрипнула дверь, и на пороге показался старик. Свернул самокрутку, закурил и неспешно зашагал к огороду. Варкиянов и Лузиков переглянулись: пора!

Пригнувшись, короткими перебежками добрались до огорода. У забора залегли, тихонько окликнули деда. Тот от неожиданности замер, выронил цигарку. А разглядев двоих мужчин в красноармейских пилотках, успокоился, поманил их рукой:

— Давайте, сынки, до моей хаты. Потолкуем, отдохнете да поснедаете. У меня, правда, с харчами небогато — фашист проклятый пограбил. Но бульба есть пока.

— А где немцы, не знаете?

— Два дня назад прикатили на машинах. Всех кур с петухами перебили. У кого кабанчика, у кого поросенка... Что плохо припрятано, все позабирали, да с тем и уехали.

Варкиянову и Лузикову явно повезло. Старик, позвавший их в свою хату, оказался человеком добрым, гостеприимным и, главное, понятливым. Без расспросов смекнул, что за люди наведались к нему и в чем они нуждаются. Выставил на стол чугунок с еще теплой картошкой, выложил и крупными ломтями нарезал краюху ржаного хлеба. Да еще огурцов и луковиц принес, чугун воды кипятить поставил.

— Снедайте, сынки, снедайте, — проговорил старик. — Для вас мне ничего не жаль. Были бы вы только крепкими, сильными, воевать с фашистами способными. У меня ведь у самого сын в Бресте служил, правда, чина невысокого, только боец, а вот зять — муж старшей дочки, которая учительницей в Витебске работала, — тоже кубики в петлицах носил. Лейтенантом, значит, был. А как война началась — ни одной весточки от них не получили. Не знаем, живы ли? Сын у самой границы служил. Зять чуть-чуть подальше — в Барановичах. Может, тоже по лесам-дорогам ныне, как вы, скитаются. Покалечила война людей, — тряся бородой, говорил дед Михась.

Вдоволь поев и согревшись морковным чаем, Варкиянов и Лузиков расспросили хозяина об обстановке, что сложилась в округе. И старик поведал: до фронта далеко, о нем тут ничего уже и не слыхать. Немцы в деревню наезжают нечасто — не больше одного раза в неделю. По возрасту в основном немолодые — тыловики, значит, обозники. Вот, правда, те, что два дня назад заявились и кур всех позабирали, — вроде помоложе. Да и форма на них другая — черная. Так вот они — каратели — бахвалились, что германская армия не сегодня завтра в Москву войдет. Только этому никто в деревне не поверил. Потому как совсем другие вести доходят от партизан.

— Поговаривают, что застрял немец под Смоленском. Там немчуре жару поддают что надо. Припекли хвост.

— Постой, постой! От партизан? — переспросил старика Варкиянов. — А где они?

— Партизаны-то? Этого вам с точностью никто не укажет. Это тайна строжайшая. Одно только скажу, что фашист теперь в лес нос сунуть боится. Вот из соседней деревни выехало пять подвод с награбленным добром в райцентр. И охраны при них было достаточно — все равно ни одна подвода не доехала. Весь обоз как в воду канул. Не иначе партизаны перехватили.

— Мы тоже пару подвод с тремя фашистами в лесу однажды повстречали и тоже не выпустили, — вспомнил Лузиков. — Правда, трофеи достались нам небогатые. Только карабины с патронами. Подводы-то порожними шли. Как-то фашистского часового сняли. Бывало, немец и сам на нас напорется, огоньку ему подбросим, но все это комариные укусы, — закончил Лузиков.

— Ну, настоящими трофеями, вы, сынки, еще разживетесь, — заверил гостей старик. — Вам бы только к партизанам поскорее примкнуть.

— К партизанам — это уже на крайний случай, — ответил Варкиянов. — А главная наша задача другая. Мы люди военные, наше место на фронте.

— Так до фронта еще идти и идти, — возразил старик. — Выдержите ли? Сил-то у вас хватит?

— Должно хватить!

Впервые за долгие дни и ночи наевшись досыта и переночевав под крышей, Варкиянов и Лузиков к утру чувствовали себя как бы заново рожденными, были полны сил и энергии. На прощание старик напомнил им, какими путями-тропами вернее, надежнее продвигаться к востоку, еще раз предупредил, чтоб села и большие деревни огибали и чтоб не выходили на наезженные дороги.

Над зубчатой кромкой леса заалела заря, предвещая ясный, погожий день.

Крепко обняли старика Варкиянов и Лузиков, расстались с ним, как с отцом родным.

— Прощай, отец, — пожимая сухую, костлявую руку старика, сказал Варкиянов. — Спасибо за хлеб-соль, за советы добрые, спасибо за одежду теплую. Нам теперь холода нипочем.

— Доброй дороги, сынки, — напутствовал их дед Михась.

И пока Варкиянов с Лузиковым шли опушкой, поросшей невысоким, но густым кустарником, старик все стоял у дороги, провожая их долгим взглядом, и все думал, думал при этом: «Как там младшенький, надежда моей старости? Зятек не подал весточки. По каким дорогам крутит и вертит их это лихолетье? Э-эх! Были бы только живы».

Эти двое — политрук и сержант — стали ему отныне близкими и дорогими людьми. Ведь то, что после долгих мытарств в глубоком вражеском тылу оба они не сняли со своих пилоток звездочки, а с гимнастерок — петлицы, то, что они и теперь продолжали считать себя воинами Красной Армии и поступали подобающим образом, — вызывало у старика гордость, восхищение. И он, быть может, впервые так крепко подосадовал на свой преклонный возраст, на свою старческую немощь, которые не позволяли ему быть вместе с этими бесстрашными людьми и на равных идти с ними навстречу любым невзгодам, испытаниям.

А Варкиянов и Лузиков, свернув на едва приметную тропку, уходящую в глубь леса, с благодарностью думали о старом крестьянине, который принял их как сынов родных, поделился с ними всем, что имел.

— Хороший человек этот старик, — сказал Варкиянов. — Настоящий труженик. И, по всему видать, очень душевный.

— Да, это верно, — отозвался Лузиков. — Сапоги свои — единственную пару! — отдал. Я вот все не могу понять, как это он заставил меня их надеть. Совсем новые, только три раза надеванные. Ведь что он про эти сапоги сказал? Пошиты они к его свадьбе. Тогда он в первый раз их надел. А во второй раз — когда царя Николашку скинули, в третий же — когда с гражданской домой вернулся... И подумать только — сам в лаптях остался! — продолжал свои рассуждения Лузиков. — Как же мне теперь отблагодарить его за такое доброе дело? — И мысленно вновь представил деда Михася: с непокрытой головой, в длинной телогрейке, подпоясанной широким кожаным ремнем с медной бляхой, в лаптях, с палкой в рост и шапкой из собачьего меха, прижатой к посоху. Еще стояли в ушах его слова: «Дорог наезженных избегайте, леса держитесь. Оно хоть и не с руки так, зато спокойнее...»

Думая о доброте деда, Лузиков даже и не вспомнил о своих делах и поступках. А ведь разве это не он последнюю рубашку порвал на бинты и перевязал ими раненого товарища, которого потом нес на себе пять километров, пока не передал в руки медиков? Поверил старик им. Как родному сыну, сапоги дал. «Тебе нужнее, я и в лаптях проживу, сколько отпущено, — сказал при этом. — Носи на здоровье». Вот ведь как.

В тот день Варкиянов и Лузиков прошли вдвое больше, чем в дни предыдущие. Только под вечер сделали они привал, выбрав для этого густо разросшийся ельник. Там подкрепились дедовыми припасами, сверили свой маршрут со стариковыми «инструкциями». По всему было видно, что с пути они не сбились.

В ельнике они и на ночлег устроились. А с рассветом — снова в путь. Отшагали час, другой. Лес заметно поредел. Впереди меж стволов что-то забелело. Остановились, пригляделись. Ну точно — это гравийка, о которой и предупреждал дед. Дорога как дорога. Не магистраль, не автострада, но все же дорога. И судя по всему — не заброшенная. Гитлеровцы ею пользуются, коли по обеим сторонам впервые вырубили деревья и крупные кусты, чтобы партизаны не могли устраивать засады.

Но в этот утренний час дорога была еще пустынна. Пересечь ее труда не составляло. На той стороне — тоже лес. Если через него пройти напрямую еще километров двадцать — двадцать пять, наверняка выйдешь в ближние тылы немцев. А оттуда и до линии фронта недалеко. Но вот вопрос: удастся ли им эту линию перейти? А перейти непременно надо. Ну а коль не удастся перебраться, придется искать партизан.

— Много времени потратили впустую, то и дело останавливаясь, — сказал Варкиянов. Лицо строгое, колюче на Лузикова смотрят глаза.

— Там воюют, а мы прохлаждаемся, грибочки собираем.

— Итак, решено: двигаем вперед! — сказал Варкиянов и тут же замер, весь обратившись в слух. — Что это? Никак мотоциклы?

Лузиков тоже прислушался:

— Точно, товарищ политрук, мотоцикл стрекочет.

И ясно, катит к иам. Вот оттуда, нз-за того — видите? — взгорка.

Варкияиов и Лузиков перегляиулись. Руки сами потяиулись к оружию. Одиим броском выбрались они из редколесья и, у самой дороги залегли, притаились в иизкорослом кустарнике.

— Вот так удача! — сказал Лузиков.

— Подожди, сержант, радоваться, — охладил его пыл Варкияиов. — Снимать фашистов с мотоцикла будем, если нх окажется ие больше двух. А вот если трое или еще более — придется пропустнть.

На взгорке, что виднелся вдали, н впрямь показался мотоцикл с двумя солдатами: одии за рулем, другой — в коляске. Лавируя между рытвииами и колдобииами, мотоцикл медлеино приближался к месту, где затаились в засаде Варкияиов и Лузиков.

Политрук еще раз огляделся. Ничего, кроме мотоцикла, иа дороге ие появилось.

— Действовать иадо так, чтобы мотоцнкл ие повредить, — предупреднл он Лузикова. — Нам эта машииа может пригодиться. Понял?

— Конечио, понял, товарищ политрук, — ответил сержант, измеиив иа этот раз своему излюблеииому выражеиию «а то как же?» — Будет у иас мотоцикл — тогда прн случае непремеиио верну деду сапоги.

— Ладно, хватит разговоров, — оборвал Лузикова Варкиянов и скомаидовал: — К бою!

Уже можио было ясио различить каски солдат, иадвииутые почтн иа самые глаза. Уже было видио, как оин вооружены. У обонх иа груди болтались шмайсеры, к передку коляски был прикреплен пулемет.

«Вооружены что иадо, — отметил Варкияиов. — Трофеи будут богатыми, еслн, коиечио, повезет иам».

И вот наступили решающие минуты. Мотоцикл почти вплотиую подъехал к месту засады, и по фашистам разом, в упор ударили две короткие автоматные очереди. Пулеметчик, будто столкнувшись с иевидимой преградой, дериулся, подался вперед и, стукиувшись каской о ствольную коробку, мешком осел в коляске. А водитель, качнувшись вправо, выпустил из рук руль, и мотоцикл, уже ие управляемый, вильнул в сторону. Мотор, фыркиув раз, другой, заглох. Машнна по иерции катилась прямо в кювет.

Лузиков не мешкал ни секунды. Подбежал к мотоциклу, и, ловко перехватив руль, остановил его.

— Готово! — радостно воскликнул он. — Машина наша!

И вдруг до Варкиянова и Лузикова донеслись стрекот мотоциклов и рокот мощного двигателя. Они оглянулись и замерли от неожиданности. С того самого взгорка, за которым наблюдали они, находясь в засаде, скатилось несколько мотоциклов, за ними — танк, а следом — легковая машина.

Мотоциклисты сбавили ход. Они, видно, еще не успели разобраться, что приключилось с мотоциклом, умчавшимся вперед.

Медлить было нельзя. Всё решали секунды. Схватив убитого пулеметчика за ворот мундира, Варкиянов вышвырнул его из коляски. Лузиков же никак не мог сбросить с сиденья тело водителя — у него нога застряла между мотоциклом и коляской. К тому времени, когда сержант наконец управился с немцем, Варкиянов снял с обоих шмайсеры.

Вскочив в седло, Лузиков завел мотор. Мотоцикл рванул вперед, и Варкиянов уже на ходу прыгнул в коляску.

Вот когда Лузикову пригодились знания и навыки, которые он получил, занимаясь до призыва в армию в мотокружке Осоавиахима! Мотоцикл он вел уверенно, где надо — притормаживал, а где мог — давал полный газ.

Свернув с дороги, Лузиков и Варкиянов устремились к лесу. На кочках, кустах, мелких пнях и корневищах мотоцикл бросало из стороны в сторону. Лузиков, казалось, только чудом удерживал машину, не давал ей опрокинуться. А самым опасным препятствием были пни. Их приходилось объезжать, теряя секунды.

Между тем гитлеровцы уже разобрались, что произошло с головным дозором, и увеличили скорость. С дикой яростью заработали их пулеметы, автоматы. Невдалеке повизгивали пули. Расстояние между гитлеровцами и нашими воинами быстро сокращалось.

— Жми, Лузиков, жми, дорогой! — кричал сержанту политрук.

Позади них с нарастающей силой гремели, сливаясь в сплошной гул, выстрелы, шумели моторы; посвисты-

вая, то совсем рядом, то где-то вдали пролетали пули.

И тут на пути политрука и сержанта вздыбился разрыв снаряда — фашисты повели из танка огонь.

Четыре машины шли следом за Лузиковым и Варкияновым. Пятая помчалась к опушке, чтобы отрезать им путь к лесу.

Развернувшись, Варкиянов вскинул автомат и выпустил по преследователям длинную очередь. Огневая выучка, которой он всегда отличался в полку, не изменила ему и на этот раз. Один из мотоциклов, вильнув, замер на месте. Пулеметчик на другом тоже умолк, сраженный меткой очередью.

Два мотоцикла, преследовавшие их, приотстали. У Варкиянова появилась было надежда, что все же удастся оторваться от погони. Но тут позади разорвался второй снаряд. «В «вилку», гады, берут», — смекнул Лузиков. Опытный артиллерист, он резко повернул мотоцикл в сторону и, не сбавляя скорости, направил его параллельно опушке. Сержант рассчитал точно. Третий снаряд разорвался именно там, где была бы их машина, не сверни он в сторону.

Больше танк не стрелял. Видимо, гитлеровцы опасались поразить свои мотоциклы. После метких очередей политрука осталось только три машины на ходу: две катили следом, третья шла наперехват.

Казалось, еще один рывок, один удачный маневр — и Варкиянов с Лузиковым уйдут от погони. Но их подстерегла беда. Не разглядел Лузиков пень в кустах, наскочил на него со всего разгону. Этот проклятущий пень оказался ловушкой — вклинился между мотоциклом и коляской. От внезапного удара Варкиянов выронил автомат. А Лузикова выбросило из седла.

Мотоцикл засел на пне накрепко. Возиться с ним было бессмысленно. Пришлось бросить. Отбежав в сторону, Варкиянов и Лузиков залегли, заняли оборону. Они видели, как от леса к ним подбирались два спешившихся гитлеровца. А тем временем остальные, тоже кинув мотоциклы, приближались ползком. Уложить их было непросто — они скрывались за пнями, за кустами. А Варкиянову, лишившемуся своего ППШ, вести огонь из шмайсера было несподручно.

— Держись, Лузиков! — крикнул он сержанту. — Будем драться до последнего... Живыми не дадимся!

Политрук понимал, что выбраться из этой ловушки они смогут только тогда, когда уложат спешившихся мотоциклистов. Правда, у гитлеровцев были еще танк и легковая машина. Но даже если он и пойдет на них, то не легко танкисту в кустарнике разглядеть человека.

Варкиянов и Лузиков смерти не страшились, обидно было до слез погибать, не достигнув, казалось, уже близкой цели.

В эти минуты, которые для двух наших воинов могли стать последними, Варкиянову, конечно, было неведомо, что их уже увидели и услышали, что помощь, на которую они даже и не надеялись, рядом.

В тяжкую военную годину судьбы людские становятся непредсказуемыми, непредугадываемыми. В тот самый миг, когда Варкиянов вконец отчаялся из-за недостатка боеприпасов, а гитлеровцы, окружавшие политрука и сержанта, уже предвкушали скорую победу, обстановка изменилась. И что же произошло?

А вот что...

Еще когда Варкиянов и Лузиков попытались оторваться от преследовавших их мотоциклистов, по тропе, петлявшей в лесу, где надеялись укрыться наши воины, шла группа партизан и подпольщиков во главе с членом Сиротинского подпольного райкома партии Синко. Услышав перестрелку, партизаны поспешили к опушке. Укрывшись за деревьями, они увидели, что происходило на придорожной лесосеке.

Вначале Варкиянов и Лузиков ничего не поняли. Не разглядев еще как следует людей, которых преследовали мотоциклисты, они поначалу подумали, что гитлеровцы затеяли какую-то игру. А может, провокацию? Может, они, стреляя холостыми патронами, задумали привлечь внимание партизан, выманить их из лесной чащи?

Но вот один из мотоциклов, круто свернув в сторону, застыл на месте, его водитель опрокинулся навзничь, а пулеметчик, наоборот, припал к ствольной коробке, но признаков жизни тоже не подавал. У другой машины замолк пулемет — пулеметчик, схватившись за плечо, откинулся назад. Мотоцикл, мчавшийся вдоль опушки леса, остановился и замолк, столкнувшись с каким-то

препятствием; двое людей, сидевших в нем, выпрыгнули на землю и залегли, изготовившись к стрельбе.

Да это же бой, настоящий бой! Приглядевшись, партизаны заметили, что эти двое одеты совсем не так, как окружавшие их гитлеровцы. На них гимнастерки. Пусть изношенные, изорванные, но наши — красноармейские! И пилотки тоже... Но откуда же они, эти люди, появились, какой судьбой занесло их сюда, за десятки верст от фронта?

Впрочем, долго раздумывать партизаны не стали. Решение напрашивалось само собой: надо помочь этим двоим, помочь немедленно. Но как? Это непросто. Действовать тут надо без малейшей промашки, только наверняка. Чтобы не подстрелить этих двоих, а самим не угодить под их огонь. И чтобы экипаж танка, все еще стоявшего на дороге, не сразу разобрался в изменившейся обстановке.

Из числа своих бойцов Силко отобрал самых расторопных, самых метких.

А на лесосеке вдруг все стихло. Гитлеровцы, попав под прицельный огонь Варкиянова и Лузикова, из укрытий не выглядывали. Политрук же и сержант патроны, которых осталось у них немного, зря расходовать не собирались.

— Лузиков! — окликнул Варкиянов сержанта.

— Я!

— Помни — у меня противотанковая... Если что со мной случится, возьмешь. Пригодится!

— Понял, товарищ политрук. Прибережем гранату для танка.

— Вон за тем пнем, что рядом с кустами, фашист притаился. Ждет, когда мы себя обнаружим. А сам, гад, не высовывается. Ну-ка попробую его выманить...

Варкиянов накинул пилотку на ствол шмайсера и приподнял его над головой. Гитлеровец тотчас дал очередь. При этом сам он чуть высунулся из-за укрытия и тут же повалился замертво. Но не ответный выстрел Варкиянова сразил его, На миг раньше, чем политрук нажал на спуск, из лесу грянул винтовочный выстрел. Он-то и уложил фашиста.

Это было столь неожиданно, что Варкиянов забыл про осторожность. Он приподнялся, пытаясь разглядеть, кто же убил фашиста. И в ту же секунду, прежде чем

политрук услышал дробь автоматной очереди, у его виска просвистели пули. Перестрелка разгорелась с новой силой. Гитлеровцы патронов не жалели. Варкиянов же с Лузиковым боеприпасы берегли, отвечали одиночными, прицельными выстрелами.

Другой гитлеровец приподнялся и рухнул, раскинув в стороны руки. Ни Лузиков, ни Варкиянов его на мушку не брали. Чья же пуля сразила его?

Еще один выстрел ударил из лесу. И еще одного фашиста не стало.

— Лузиков! Чуешь? Кто-то нам на помощь пришел. Из лесу гадов бьет.

— Важно ли, кто? Главное — свои!

А гитлеровцы, потеряв уже несколько солдат, рассвирепели вконец. Броском попытались добраться до политрука и сержанта, чтобы расстрелять или захватить их живыми. Но не тут-то было! Едва фашисты оторвались от земли, как из лесу ударили уже не винтовочные выстрелы, — автоматные очереди. Уцелели лишь два немца, что пытались зайти с тыла. Но и они поспешили отползти, убраться из зоны огня.

— Наша взяла! — радостно воскликнул Лузиков. Он приподнялся, стараясь получше разглядеть, куда отползли те двое, но тут по лесосеке огненной струей хлестнула трасса пуль, посланная из танка. Лузиков вздрогнул, приник к земле.

Варкиянов это заметил не сразу. Когда пулемет танка умолк, политрук окликнул сержанта:

— Ползем к лесу! Вон туда!

Лузиков даже не шевельнулся. Варкиянов, пренебрегая опасностью (из танка могли дать по нему прицельную очередь), пригнувшись к земле, кинулся к сержанту. Лузиков был недвижим. На его порыжелой, в заплатках гимнастерке расплылось темное влажное пятно.

— Лузиков! Дружище, что с тобой? — Варкиянов приподнял товарища и на груди его увидел кровь. Пуля прошла навылет.

— Лузиков! Слышишь меня? Лузиков, дружище! Ранило? Скажи, дорогой!..

Сержант смотрел на Варкиянова широко раскрытыми глазами, силился что-то сказать, но вместо слов слышался лишь хрип. Варкиянов обхватил товарища за пояс и, прикрывая его от пулеметных очередей, все еще

выплескивающихся из танка, пополз с ним к лесу. А оттуда на подмогу спешили вооруженные люди в штатском. Они легко подхватили сержанта и устремились обратно в лесную чащу. Варкиянов едва поспевал за ними.

Все это произошло так быстро, что в танке не успели опомниться: пулеметная очередь, посланная оттуда, запоздала, никого не задела.

Укрывшись за деревьями, все остановились перевести дух. Тут политрук и люди, так неожиданно, но ко времени подоспевшие ему на выручку, чувствовали себя более-менее безопасно. Правда, и сюда доносился рокот танкового двигателя, стрекот уцелевших мотоциклов.

— Кто вы? — спросил Варкиянов вооруженных людей.

— Мы партизаны! А вы?

— А я...

У Варкиянова от волнения перехватило дыхание, в горле навернулся горячий ком. Ведь это же просто чудо — столько дней искать встречи со своими и встретить их именно в тот час, когда мысленно с этим уже распрощался.

Но прежде чем назвать себя, Варкиянов спросил у партизан, кто среди них старший.

Вперед выступил немолодой, бородатый, коренастый мужчина, туго перепоясанный широким кожаным ремнем.

— Я старший, — поправляя маузер, сказал член подпольного райкома партии Антон Владимирович Сипко. — С кем имею честь говорить?

Варкиянов достал из нагрудного кармана гимнастерки свое удостоверение и протянул его Сипко, представился по-армейски:

— Военком второй батареи сто пятьдесят первого артиллерийского полка политрук Варкиянов. — И добавил тише, указав на сержанта, над которым склонились, пытаясь помочь ему, двое партизан: — А это мой друг — командир орудия сержант Лузиков.

Услышав свое имя, Лузиков вдруг шевельнулся, чуть приподнял голову и что-то тихо произнес. Варкиянов припал к нему:

— Потерпи, друг! Сейчас тебя перевяжут, и станет легче...

— Не надо перевязки, — прошептал Лузиков. — Оставьте меня и уходите скорее. А то немцы настигнут... Со мной вам не уйти... Только сапоги с меня снимите. Чтобы деду их вернуть...

Пожилой партизан, который, как позже узнал Варкиянов, до войны работал фельдшером в селе, осмотрев рану Лузикова, сокрушенно развел руками. Без слов стало ясно: надежды никакой. Рана оказалась смертельной.

— Надо уходить, — сказал Сипко. — Раненого заберем.

— Может, следует оставить прикрытие? — предложил Варкиянов. — У меня граната противотанковая имеется. Если танк сюда сунется — будет чем встретить.

— Танк сюда не пойдет, — уверенно ответил Сипко. — Фашисты лесов наших опасаются. А потом, вы же сами видели — за танком спряталась легковая машина с их начальством. Ее-то танк без охраны не оставит.

Сипко рассудил верно. Танк в лес сворачивать не собирался. Он только выплеснул в ту сторону несколько снарядов, взревел мотором и скрылся за перелеском. Но то была стрельба наобум. Снаряды рвались далеко от тропы, которой шли партизаны.

А тропа эта была едва приметна. Петляя меж кустов и деревьев, ныряя в топкие, вечно прохладные и сумрачные низины, а потом вновь взбираясь на взгорки, она все дальше и дальше уводила Варкиянова и его новых товарищей от места недавнего боя. Усталость временами сковывала все тело. Однако политрук усилием воли превозмогал ее. О себе Варкиянов в эти часы не думал. Шагая следом за членом подпольного райкома партии, он при каждом случае оглядывался на людей, которые несли Лузикова. И все сильнее тревожила его мысль о раненом сержанте. Трудно, даже невозможно было свыкнуться с мыслью, что этот отчаянно храбрый и находчивый парень, вместе с которым столько пережил и испытал, — обречен.

Двое бойцов, что были помоложе, покрепче, соорудив из стволов молодых деревьев носилки, несли Лузикова. Когда вся группа остановилась на привал, сер-

жант слабеющим голосом сказал склонившемуся над ним Варкиянову:

— Товарищ политрук, не выполнил я до конца свою клятву... в долгу я перед ними... да и сапоги вот... — Голос раненого дрогнул и оборвался.

— Лузиков, дружище, — тормошил его политрук.

Но Лузиков больше не отвечал.

— Здесь оставлять не будем, — сказал Сипко. — Похороним на базе.

А до базы, что устроили себе партизаны, было далеко. Пришлось сделать еще привал. Выставив наблюдателей, Сипко подсел к Варкиянову. Тот даже не оглянулся. Сидел, прислонясь к замшелому стволу старой березы, понурив голову и прижав ладони к вискам. Вся его застывшая фигура выражала нестерпимую душевную боль, вызванную смертью Лузикова, который за последние дни стал ему близок и дорог, как брат.

Антону Владимировичу пришлось несколько раз тронуть Варкиянова за рукав, чтобы хоть на время отвлечь его от горьких дум. Когда наконец политрук пришел в себя, Сипко сказал ему:

— Гляжу, политрук, на тебя, и чудится мне, будто я тебя где-то уже встречал. Сам-то ты из каких мест будешь?

— Места мои отсюда недалеко, да только их теперь отвоевать у фашиста надо. Из Оболи я...

— Из Оболи? — Сипко от изумления привстал. — Постой, постой... Не ты ли там в школе комсомольским секретарем был?

— Да, секретарем я был. А что? Вас я что-то не признаю, не припомню...

— И немудрено. Ведь до войны я бороду не носил. Это уже здесь, в лесах, отрастил ее. Так сказать, для маскировки, для конспирации. А в тот раз, когда я приезжал к вам в школу, тебя, тогдашнего комсомольского вожака, сразу взял на заметку и даже фамилию твою — Варкиянов — теперь вспомнил. Вот только как звать тебя — этого, извини, не знаю.

— Борисом меня звать. Или просто Борька.

— Ну нет уж, Борька в школе остался. Теперь у тебя, дорогой ты мой земляк, иное имя. Ты — политрук. Политруком был в своей артиллерии, политруком — я в это твердо верю — будешь и в партизанах.

— Спасибо за доверие, — ответил Варкнянов. — Жизни не пожалею, но оправдаю его.

— Вот и ладно. А придем на базу, потолкуем подробнее, все обсудим, решим. Такие, как ты, которые армейскую выучку имеют, партизанскому отряду позарез нужны. Так что знай: самые трудные задачи будут твоими. И еще запомни: ты у нас в отряде будешь не только сам воевать, но и других этому учить. Ведь народ к нам идет и идет. Но не все новички с делом военным знакомы по-настоящему. Винтовок у нас пока хватает. Да и автоматами мы разжились. А вот метких стрелков у нас по пальцам сосчитать можно. Надо, чтобы без промаха стреляли все, чтобы никто понапрасну патронов не жег — их, сам понимаешь, добывать тут очень трудно. Так кому же, как не тебе, кадровому военному, заниматься с бойцами стрелковым делом? Разумеешь?

— Разумею, — ответил Варкнянов и снова сказал: — Спасибо за доверие!..

Лишь под утро прибыли на базу. Похоронили сержанта Лузикова у одинокой сосны, которая, словно часовой, стояла близ тропы, ведущей в лагерь партизанского отряда. И стало у партизан правилом: отправляясь на боевое задание, придержать тут шаг, а то и постоять минуту в молчании.

ВЫСТРЕЛ В ОВРАГЕ

В деревню ворвались фашисты. Ревели моторы, лязгали траки танковых гусениц, стрекотали мотоциклы...

Стремглав вывалившись из танков, мотоциклов, грузовиков, все это спесивое воинство ринулось в хаты и хлева, на огороды колхозников. Наглые, жестокие, самоуверенные. На глазах у Нины Азолиной, Володи и Жени Езовитовых эти палачи застрелили двух раненых красноармейцев, оставленных в доме колхозницы Агапы выходившими из окружения товарищами. Раненые понимали, что, если их обнаружат, фашисты сожгут хату, а всю многодетную семью расстреляют. Поэтому, чтобы не причинять селянам горя, улучив подходящую минуту,

решили отползти подальше от дома и спрятаться в кустах крыжовника на заброшенном огороде...

Схватили местного жителя Григория Пацука и бросили в закрытую машину, считая его переодетым красноармейцем, хотя никаким красноармейцем он не был — от призыва в армию его освободили из-за болезни. По чистой случайности Григорий оказался стриженым под машинку.

На шум прибежала из огорода его жена. Она бросилась к одному из гитлеровцев, умоляя отпустить ее больного мужа, но не успела произнести и нескольких слов, как оказалась в пыли, под колесами грузовика... Ее муж домой так и не вернулся.

Фашисты шарили по всем дворам и закоулкам, хлевам и чердакам, выискивая коммунистов, комсомольцев, евреев.

— Никс комиссар, никс юде? — надрываясь, горланили оккупанты.

Деревенский пастух, облокотясь на забор, задыхался от бессилия и астматического кашля, между приступами говорил Нине, Володе, тем, кто случайно в тот роковой час оказался на улице:

— Запоминайте, детки, запоминайте разбой этих фашистских ублюдков. Я прошел первую мировую войну, немало повидал горя и слез людских, сам много выстрадал и натерпелся. И скажу вам, что и в четырнадцатом был германец таким же. В гражданскую им не уступала белогвардейская контра. Запоминайте, дети мои. Запоминайте надругательства этих бандюг над беззащитными ранеными, бабами да малыми детьми.

Как прикованные, не шелохнувшись, стояли бабы, старики, дети.

Потихоньку проходило оцепенение. «Что же это происходит? — думали люди. — Неужели не найдется на иродов управы?» И закипала в жилах кровь, в душах поднималось негодование.

Где-то рядом снова прозвучала короткая автоматная очередь. Защемило болью сердце. Может, эти выстрелы сразили мать, сестру, братишку или соседа? В другом конце деревни визжали подстреленные свиньи, кудахтали куры. И во всю эту разноголосицу вплеталось зычное гоготание фашистских солдат. Все дозволено — стреляй, бей, насилуй, грабь, жги.

Из соседнего двора вышел плюгавенький кривоногий гитлеровец, волочивший за задние ноги поросенка. Другой тащил с полдюжины кур, все еще трепыхавшихся в окровавленных руках фашиста.

Никто не роптал, не ругался, как бывало прежде из-за какой-нибудь курицы, зашедшей в чужой огород. Никто не собирался кому-то и на кого-то жаловаться. Каждый, от мала до велика, понимал, что на их улице мародерствуют враги.

Вокруг пастуха по-прежнему стояли люди, свои, деревенские. Правда, были тут и чужие — дальние родственники. В трудную годину потянулся человек к человеку, как никогда раньше. Бывало, таких в гости в деревню на аркане не затащишь. Теперь некоторым горожанам деревенская родня вспомнилась. Хотелось уйти подальше от больших дорог, городов, забраться в захолустье, в далекую деревню, в глушь. Вспоминали кумовьев и крестных, троюродных теток и их деток... Расспрашивали, искали. Всех их собрала и перемешала военная дорога.

Настороженно, со страхом смотрели люди на бесчинства фашистских солдат. Потом страх прошел, в душе появилась злость, жажда мести. Володя Езовитов стоял рядом с пастухом, и в его глазах вспыхивали огоньки негодования. Гневом и болью кипело все внутри у Нины Азолиной, Жени Езовитова, Зины Портновой. Пунцовой краской заливало лица от сознания бессилия. А главное, от постоянной мысли: «Что же делать? Как дальше жить? Мстить! Мстить!»

С той поры прошло немало горьких дней и ночей. Как-то под вечер Ефросинья Ивановна, управившись по хозяйству, решила поговорить с внучками. А поговорить было о чем. Хотелось поделиться с ними своими житейскими заботами, рассказать все как есть, по-взрослому. Усадив рядом с собой Галю и Зину, бабушка начала издалека.

— Внученьки вы мои милые, — сказала она, нежно прижимая к себе Галю, ласково поглаживая другой рукой по плечу Зину, — о том, что идет война и что фашист пока лезет и лезет на нас, вы сами знаете. Успели многое повидать, запомнить. Папа с мамой далеко, теперь за вашу жизнь я в ответе. Тяжело нам, девочки

вы мои. Жизнь наша теперь ничего не стоит. Эти изверги могут ни за что ни про что убить любого человека. Для них все равно — старуха, раненый, ребенок или больной. Их надо остерегаться. На улицу зазря не ходите. Лишнего ничего никому не говорите. Всякие пошли нынче люди. Галстук твой пионерский я уже спрятала, книжки о Ленине и Сталине тоже сховала. Молчать надо. Держать язык за зубами. Не попадаться этим душегубам на глаза. Ну вот и все, что я хотела сказать вам, а теперь пора спать.

Ефросинья Ивановна пошла укладывать Галю, а Зина, оставшись одна, поджав на лавке под себя озябшие ноги, думала о счастливом времени, о Ленинграде, где никого не надо было бояться и можно было говорить кому угодно что угодно. Вспоминались ей школьные подружки, мать с отцом, родной седьмой класс, учителя...

Уложив спать Галю, бабушка вернулась к Зине, присела возле, посмотрела в ее не по-детски задумчивые глаза, хотела продолжить начатый разговор, подбодрить, но Зина опередила ее вопросом:

— Скажи, бабушка, почему так внезапно перевернулась вся наша жизнь?

Что ей сказать? Она и сама не знала, однако ответила:

— Война, Зиночка. Война всегда все переворачивает, ломает, калечит жизнь людей.

— Наверное, никогда больше не приедут к нам мама с папой? — И мелкими градинками покатились на подол слезинки.

— Да что ты, Зиночка, девочка моя, что ты! Приедут, приедут! И папа и мама. Может, не вместе, врозь, но приедут обязательно. Может, не так скоро. Да и война не вечно же будет длиться. Когда-то кончится. Будем надеяться и ждать своих. Так и жить легче. По-другому, Зиночка, нельзя. Надо только уметь ждать, — поглаживая ее вздрагивающие худенькие плечи, говорила Ефросинья Ивановна.

— Бабушка, а ты знаешь, что сегодня за день? — вдруг спросила Зина.

— А что? День как день, что вчера, что сегодня, одна беда — осень скоро, а у нас даже бульбы нет. Зу-

2*

бы на полнцу — и подыхай. Надо думать, как жнть дальше.

— Бабушка! Я все знаю, что жнть тяжело. Я не об этом. Сегодня первое сентября. Все ребята в школу пошли.

— Какая там школа, внученька.

— Я ие о себе, бабушка. Нашей Галке в первый класс иадо. Сама я не собнраюсь учиться. Вот когда прогоним немцев и кончится война, тогда пойду.

— Не знаю, внученька, не знаю, как нам быть с учебой. Лихолетье. С голоду бы ие умереть, да этн ироды не сожгли бы живыми.

— Бабушка! Я все поннмаю. Я в школу не пойду. Работать буду. Тебе буду помогать. Галку как-нибудь прокормим вдвоем.

— Золотце ты мое! Родненькая ты моя... — Ефросинья Ивановна все чаще и чаще прикладывала к глазам конец головного платка. Хотелось перед внучкой держаться стойко, но ничего не получалось.

— Ну что ты, бабушка, мнленькая, не надо плакать. Будем вместе работать. Я завтра же ночью пойду копать колхозную картошку. На зиму заготовим.

— А ты и вправду верно говоришь. Только где же ее спрячешь? Это же не одну бульбнну — мешков пять-шесть надо, а то и более. Хлеба иет, сала тоже. Надежда только иа бульбу. Зима длинная. Голодному день годом покажется.

— Ты знаешь, бабушка, в Леиинграде, я мечтала учиться. Летчицей хотела стать.

— Пошли спать, летчица ты моя. Поздио уже. Еще налетаешься.

— А можно я сегодня посплю с тобой? Можно?

— Можно, моя девочка! Отчего ж нельзя?

Засыпая, Зина видела себя в летиой форме. Легкой походкой шла к белоснежному самолету с красной звездой, садилась в него и поднималась высоко-высоко в безоблачиое небо. Там делала виражи, мертвые петли... В классе даже мальчишки завидовали ее смелым мечтам.

Зина долго не спала, все думала, думала... Разве можно вот так, просто, сразу забыть все, чем жили, о чем мечтали, кого любилн? Прошлое... Как далеко оно! Печальио, но к иему уже ннкогда не будет возвра-

та для сегодняшних девочек и мальчиков. Их детство опалила война.

Как-то Ефросинья Ивановна сказала деревенским ребятам:

— К нам пришли враги, надо всегда об этом помнить.

— А разве можно их терпеть? — спросил тогда Володя Езовитов. — Смотреть, как они ходят по нашей земле, как издеваются над беззащитными, грабят бессильных, убивают всех, кто подвернется под горячую руку. Дрожать от страха, от скрипа собственных дверей, сидеть и ждать... Чего? Разве что смерти. Нет! Не бывать этому!

Так думали не только братья Езовитовы — Володя, Евгений, Илья; не раз о том же говорили Нина Азолина и Мария Лузгина, Мария Дементьева и Фруза Зенькова.

Никто не приказывал, никто не давал заданий, но они, вчерашние школьники, тайком от родителей, а поначалу даже втайне и друг от друга, собирали оружие, патроны, гранаты на поле боя и надежно, кто как мог, прятали в укромных местах: в оврагах, лесах, кустарнике, канавах, под мостами.

В кружках Осоавиахима многие из мальчишек и девчонок в довоенную пору прекрасно знали, что все это может пригодиться, изучали устройство противогаза, осваивали санитарное дело, стреляли из малокалиберной винтовки.

Оглядевшись и не обнаружив ничего подозрительного, Зина запихнула в мешок наган, который нашла на месте недавнего боя. На дне мешка уже лежало несколько подобранных обойм с патронами. В одних обоймах по пять патронов, в других — по десять. Отчего так — девочка не знала. Эх, если бы видели ее сейчас мальчишки! Не видят и не знают, что она, Зина Портнова, собственными руками держит наган. Настоящий наган. Ахнули бы от зависти.

Осенью 1941 года в Сиротинском районе на Витебщине появились первые партизаны. Сначала это были небольшие группы. Они создавались в связи с необходимостью мобилизовать все силы и средства на разгром

фашнстских захватчнков, развернуть партнзанскую войну всюду н везде, создать невыноснмые условня для врага и его пособннков. Со временем борьба в тылу германскнх войск получила самый широкнй размах и боевую актнвность, была развернута сеть подпольных большевистских органнзацнй.

Узнавая о действнях народных мстнтелей, мирные жители радовалнсь. Еще бы! Вооруженных защнтннков народ отождествлял с родной Советской властью. Но было и немного необычно: людн вроде штатскне, а с оружнем. Кто в сапогах, кто в ботннках с обмоткамн, кто в полувоенной форме, а кто в сугубо цивнльном.

Фашнстскне прихвостнн, прошлая и пршлая белогвардейщнна, притаились, попрнжимали хвосты. Их хозяева н онн сами поняли, что в тылу гитлеровскнх войск будет действовать невидимый фронт, партизанский.

Володя Езовнтов впервые увндел партизан ночью. Они пришлн к его отцу. Надо было установить связь, решить другне важные задачн. Обо всем этом говорнли на кухне. Понятное дело, Володя хотел прнсутствовать при этом разговоре, но один из партизан, скорее всего командир, хрнпло, простуженно сказал:

— Иди, сынок, досыпай, уже давно за полночь перевалнло.

...Люди, впервые увидевшне партизан, передавали друг другу, нз деревни в деревню, знакомый — знакомому, родственннк — родственнику:

— Виделн партнзан мы.

— Да? Верно? А не брешешь?

— Да что ты, честное слово.

— Своими глазами?

— Ага! Вот так, как тебя. Ночью. Темновато было. А так все в аккурат.

— Как выглядят онн? Во что одеты? С оружием?

— С оружнем. А то как же.

— Ну, ну, расскажн, пожалуйста, подробнее. Военные, нз местных?..

Эта молва, как легенда, передавалась от человека к человеку трепетно-торжественным шепотом, самым что нн на есть доверительным образом.

Тот, кому довелось видеть партнзан хотя бы три— пять мннут, считал себя причастным к борьбе народных

мстителей. Это поднимало патриотический дух населения. А главное, из коротеньких бесед с партизанами народ узнавал, что Красная Армия по-прежнему ведет ожесточенные и кровопролитные бои с полчищами врага, перемалывает его живую силу и технику.

Что же это за люди — партизаны и подпольщики? Кто они? Прежде всего, конечно, они — сыновья и дочери Родины, беззаветно ей преданные, мужественные и сильные духом. Коммунисты и беспартийные, но все как один — большевики. Все они подчинили себя борьбе с фашистскими оккупантами до полного их уничтожения. Борьбе до последнего вздоха, до последней капли крови.

Да, наш народ не покорился врагу, не встал перед ним на колени, вымаливая пощаду, не сдался на милость поработителя, а поднялся во весь рост с оружием в руках против фашистов.

Уже несколько месяцев ребята мечтали установить связь с партизанами. Володя Езовитов не раз просил отца познакомить его с кем-либо из партизан, но тот лишь отнекивался. Проходили дни, недели и даже месяцы, а мечта ребят не сбывалась.

И все-таки мальчишки и девчонки готовились к активной борьбе с врагом. Правда, от их руки еще не упал ни один оккупант, не полетел под откос ни один вражеский эшелон. Но, шутка ли сказать, у каждого в тайниках хранились наганы, пистолеты ТТ, гранаты, патроны. У некоторых были автоматы и винтовки; удалось раздобыть даже пулемет.

В приказах гитлеровцев населению вменялось в обязанность в трехдневный срок сдать оккупационным властям все виды оружия, даже охотничье; за невыполнение — расстрел на месте. Но девчонки и мальчишки делали вид, что об оружии и понятия не имеют.

Тогда они еще не знали, что их, юных патриотов, партизаны сами искали. В Ушалах снова побывал комиссар Варкиянов. С глазу на глаз беседовал с Фрузой Зеньковой. Задавал вопросы и слышал серьезные, продуманные ответы.

Линия фронта для партизан проходит со всех сторон. Все это надо учитывать, надо понимать. Один старый человек, партизан гражданской войны, как-то сказал: смотреть в оба — значит видеть все вокруг себя.

Так было в гражданскую. Теперь постоянно надо держать под прицелом не только землю, ио и воздух. Так-то! Время усложнило жизнь, военное дело стало профессией миллионов людей. Дети тоже постигали солдатскую науку, и не по книгам или рассказам очевидцев — онн становились ее непосредственными участниками. И то, что вчера колхозный пастух рассказывал очередному подпаску о военных баталиях первой мировой, о зверствах германца, сегодия даже в глазах детей блекло.

Крепла духом сиротинская комсомолня. Поиачалу, правда, были и робость, и страх. Страшно было хранить оружие, ходить вечерами друг к другу, возвращаться ночью домой. Причиной тому — и беспокойство за своих «стариков», которым чуть-чуть за сорок. Ребята понимали, что в случае оплошности поплатятся жизиью не только сами, а и родители, младшие братья н сестры. Но они ведали и другое, от самих родителей: под лежачий камень вода ие течет. Простейшая иародная мудрость подсказывала путь к решению поставленной задачи. Партнзаи иадо не ждать, а искать. И чем быстрее, тем лучше. Но если бы знать, где и как. Ведь не к каждому штатскому вооруженному человеку можно подойти и спросить то, что тебя интересует. А если он полицай? Тут уж скидки на юный возраст не жди.

Другое дело, искать оружие. Это им удавалось. Однако там, где попадалось оружие: в лесочках, оврагах н просто у обочииы дороги, — партизан не видели.

Однажды, когда Зииа Портиова, крадучись с мешком в руках, набитым боеприпасами, переходила дорогу, ее окликиули. Это было так иеожиданно, что мешок сам по себе выскользнул из ее рук, а оиа только и успела от него отскочить. Дескать, иичего не знаю. Мешок ие мой, и, что в ием, тоже не знаю. Остаиовилась как вкопаниая.

— Что ты несешь? — указывая на мешок, спросил Володя Езовитов (это ои так напугал девочку).

— Ты не бойся, — подходя к ней, сказала Нина Азолина.

Зииа до того перепугалась, что не знала, как поступить. Мелко дрожали коленки, плетьми висели тонкие

руки. Может, надо бежать без оглядки, а не стоять здесь? Чего оиа ждет? Кто они? Что им от нее надо?

Зииа ие могла произнести ни слова. Не хватало сил даже поднять голову.

— Что, испугалась? — уже веселее спросил Володя.

— Нн-еет! — еле шевеля языком, иакоиец выдавила оиа. По лицу ручейком катились слезы: ие от страха — от обиды, что вот так, запросто могла попасться в руки чужих.

— Ни-еет! — сиова сказала Зина, ии к кому ие обращаясь и ии иа кого не глядя.

— Да ладио тебе, ие бойся, — сказал еще более примирительио мальчик.

— Не бойся, мы свои, — сказала и Ниидa Азолииа.

Только теперь Зииа разглядела, что и в самом деле перед ией стояли деревеиские ребята, которых оиа много раз видела, особеиио Езовитова. Ей иичто ие угрожает, это действительио свои, ио она по-прежнему стояла молча, потупив глаза.

— Не-е боюсь я иисколечко вас. И ие испугалась я, — тихо сказала Зииа.

— Скажешь тоже, не испугалась. Так мы тебе и поверили. Что там у тебя в мешке? Показывай давай, — иастаивал Володя.

— Посмотрите сами, — иехотя ответила Зииа. Все равио ведь деваться-то ей было иекуда.

Двоюродиые братья Володя и Жеия Езовитовы и Нина Азолииа давио заприметили лениниградскую девочку, обратили внимание, что она собирает оружие и потихоиьку от бабушки его прячет. Присматривались к ией и всё собирались поговорить, поближе позиакомиться. Случая, однако, удобиого ие представлялось. Своими мыслями ребята поделились с иекоторыми комсомольцами Обольской школы. И вот такой случай приспел...

На вечерииke в доме отца Фрузы Зеиьковой, Савелия Михайловича, собралась местиая молодежь — вчерашиие школьиики. Почти все — комсомольцы. Учились вместе. Были в одиой школьной комсомольской оргаиизации. Хотя жили и в разных деревнях, ио друг друга зиали хорошо.

Володя Езовитов и Нина Азолина рассказали Фрузе о приключении юной ленинградки. Фруза была удивлена и обрадована смелостью девочки, посоветовала понаблюдать за Зиной и при удобном случае обстоятельно поговорить с ней. «Необходимо, — говорила Фруза, — приучить ее к дисциплине, осторожности. Иначе недолго и до беды».

После вечеринки несколько человек остались у Фрузы. Сделали это незаметно для других. Хотелось обсудить один вопрос: как отметить двадцать четвертую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, какую провести операцию, какой подарок преподнести Родине?

Комсомольцы называли самые разные варианты. Володя Езовитов, например, предложил поджечь немецкую комендатуру. Нина Азолина посоветовала взорвать цистерну с бензином на станции Оболь. Мария Лузгина — уничтожить немецкого коменданта. Фруза задумалась. Принимать решение надо было ей. Фрузе уже было восемнадцать. Она старшая. Комсомольцы ждали ее ответа. «Что безопаснее, где меньше риска?» — думала она. При этом учитывала одну важную деталь. Тогда среди немцев еще царила относительная беспечность. Им казалось, что все, кто мог чем-то навредить фатерланду, казнены: расстреляны, повешены. Фруза понимала, что любое из предложений товарищей может быть выполнено. Она брала, однако, в расчет главное — комсомольцы идут на свое первое задание. Оно должно быть выполнено, и, безусловно, без потерь. Фруза, не торопясь, еще раз обдумала, прикинула предложения ребят и решила, что безопаснее всего подорвать цистерну с бензином. Ну хотя бы потому, что охранялась слабо. К тому же взрыв многие услышат; огонь будет полыхать огромным факелом, и люди наши будут видеть его на десятки километров в округе. Что ни говори, а горящая пятидесятитонная цистерна бензина фашистам доставит много неприятностей.

Постепенно на Obольщине сложилось ядро будущей подпольной комсомольской организации. Вошли в нее школьники и недавние выпускники. Одним словом, обольская молодежь. Все они группировались вокруг Фрузы Зеньковой. Для конспиративных встреч удобны-

ми оказались вечерники. Из деревень Зуя, Мостищи, Ферма, со станции Оболь стекались сюда, в Ушалы, самые свежие новости. Чтобы хлеб колхозный не достался врагу, юные подпольщики раздали его колхозникам; чуть позже угнали скот. Делали все возможное, а порой, казалось, и невозможное, только бы раздать, спрятать или уничтожить колхозное добро. Жители принимали из рук комсомольцев этот дар как дар Родины. Иные брать побаивались: а вдруг кто сбрехнет фашистским холуям? Не поздоровится тогда. Комсомольцы понимали, что их действия рискованны; дознайся об этом оккупанты — не помилуют; петли или пули не миновать. А что ждет их родителей? Издевательства, глумления и тоже казнь. Но, несмотря на это, комсомольцы рисковали. Одно-единственное, жгучее желание было у них — ничего добровольно не дать врагу, пусть даже это стоит жизни.

...Как и было обусловлено, взрыв цистерны с бензином намечался в ночь с 6 на 7 ноября 1941 года. Все было подготовлено; проверены пути подхода к цистерне, изучен график дежурства охраны станции, ее уязвимые места. Однако за двое суток до срока взрыва произошли события непредвиденные.

Накануне Октябрьских праздников Володя Езовитов задумал перепрятать оружие, закопанное в лесном овражке. Из своих пока скромных запасов он намеревался на праздники взять только пистолет ТТ: вдруг понадобится? До лесочка не так уж и близко — вмиг не сбегаешь. Да и осень в том году выдалась свирепая — мороз рано сковал землю; правда, промерзла она еще не глубоко. Наступит зима, снегом завалит овраг, занесет все приметы — и жди тогда до весны. «Так негоже. Разве найдешь потом, раскопаешь?» — рассуждал Володя. Он уже подыскал новый тайник, надежный и, главное, удобный: к нему легко можно добраться и зимой. Выбрав подходящее время, Езовитов направился за оружием. В мешок положил лопату с отрезанным черенком и кирку. Обогнул деревню и вышел на дорогу. Немного прошел по ней, осмотрелся и, убедившись, что на дороге никого нет, повернул к лесу. Лес был уже совсем близко, вот-вот кроны должны были спрятать Володю от посторонних глаз, как неожиданно его заприметил полицай, шагавший в деревню. «Чего бы

в лесу делать человеку?» — подумал полицай и пошел следом. Незаметно он пробрался к лесочку. Долго и осторожно шмыгал от куста к кусту, от дерева к дереву, пока не уловил глухой стук, доносившийся из оврага. Орудуя киркой и лопатой, Володя ловко разрывал яму. Полицай подкрался к овражку в ту минуту, когда юноша уже почти переложил из ящика в мешок оружие и патроны. За поясом, приятно оттягивая ремень, висел тяжелый ТТ. Патрон в патроннике, курок на боевом взводе, затвор на предохранителе: это на случай опасности. Пистолет прикрыт полой телогрейки. И тут, как гром среди ясного неба, совершенно неожиданно сверху раздался хрипло-испитой вскрик:

— Стой! Ни с места! Руки вверх!

У Володи дрогнуло сердце. От неожиданности он замер. В лице ни кровинки. Рука, секунду назад сильная и уверенная, державшая за хохол мешок с оружием, расслабилась, что-то липкое поползло по спине. Езовитов не успел смекнуть, что произошло, как снова раздался пропитой, но уже более спокойный голос:

— Ни с места!

Володя обернулся на окрик.

— Ну что, доигрался, сморчок? А ну, вылезай, — еще раз прикрикнул полицейский и навел на юношу винтовку.

«Не местный, — отметил про себя Володя. — Приехал с фашистами».

Наконец оторопь прошла, он собрался с мыслями:

— Да-а-а, я вот нашел, господин полицейский... Сам хотел принести... — лихорадочно соображая, что же делать дальше, говорил паренек.

— Знаем, знаем, нашел! Пошевеливайся, кому говорю! — еще громче прокричал полицай. И подумал: «Зеленый еще, шпингалет. От меня он никуда не уйдет. Добыча. На безрыбье и рак рыба». Полицай даже не обратил внимания на то, что паренек так и не поднял рук.

— Лезу, лезу, господин полицейский, не видите, что ли? — поворачиваясь лицом к полицаю, бубнил Володя. И вдруг сердце согрела спасительная мысль. За поясом, у самого живота, он почувствовал ТТ.

— Эй! Мешочек, мешочек не забудь! Сгодится. Скажем, вместе клад нашли. Гы-гы-гы! — острил полицай.

Нагибаясь над мешком, Володя ясно осознал, что он попался в лапы врагу. Злым, немигающим взглядом тот прямо-таки впился в юношу. «От такого пощады не жди. Укокошит — и глазом не моргнет», — понимал Езовитов. Надо что-то решать, и срочно, в этом промерзлом, всеми ветрами продуваемом овражке. В той же позе, широко расставив ноги, у кромки оврага, взяв винтовку на изготовку, стоял полицай. Лицо его с перекошенным ртом выражало ненависть, тупость, злорадство.

Езовитов приметил, что полицай один, голосов не слышно. А может, рядом притаились еще несколько бандитов, наблюдают из-за кустов? «Ну как бы там ни было, — сказал себе Володя, — надо действовать». Он взялся левой рукой за хохол мешка, а правой незаметно и быстро выхватил ТТ. Шершавая рукоятка пистолета плотно впилась в ладонь руки. Патрон в патроннике. Хорошо! Большой палец неловко ткнулся в предохранитель затвора, и сразу же его флажок, мягко щелкнув, опустился вниз. Ну вот и всё! Готово! Володя подтянул к себе мешок, чуть присел, будто бы желая ловчее приподнять его, потом снова повернулся лицом к человеку с белой повязкой на рукаве, одновременно поворачивая вороненый ТТ, все еще прикрытый полой ватника, и нажимая на спусковой крючок.

Выстрел прогремел внезапно и очень громко, чего Володя не ожидал. Эхом прокатился он по звенящему от мороза воздуху и вскоре исчез за дальним косогором.

Человек с белой повязкой встрепенулся, как бы готовясь спрыгнуть вниз, немного наклонился вперед, взмахнул руками, потом слегка выпрямился и со всего маху рухнул на порыжелую листву.

Пистолет у Володи чуть не выпал из рук. На кромке оврага, там, где стоял полицай, ни души. Может, залегли? Выжидают, когда паренек появится наверху? Но нет! Володя отскочил метров на десять в сторону и тихонько начал карабкаться из оврага, всматриваясь в деревья, кусты. Никого! Тишина. Так тихо сделалось, что показалось, будто он один-одинешенек на всем белом свете.

Кубарем скатился вниз. Впопыхах схватил мешок, винтовку полицейского, что лежала рядом, за пояс сунул ТТ и снова начал взбираться по крутому откосу оврага. В голове назойливо сидела одна мысль: «Скорее уходить. Скорее. Подальше отсюда».

Володя понимал, что на обратном пути придется сделать крюк в несколько километров. «Но это не беда. Отмахаю. Только бы спокойно выбраться из этого чертова оврага», — твердил он.

Низко над землей плыла снежная туча, завывал в оборванных телеграфных проводах ветер, а Езовитов что есть мочи, согнувшись в три погибели, кружным путем старался быстрее доставить к назначенному месту свой бесценный груз.

ОПЕРАЦИЯ «ГЕНЕРАЛ»

Володя Езовитов возвращался с задания. По тихим, будто вымершим улицам и переулкам Оболи шагал он неторопко, не озирался, дабы не вызвать подозрений у гитлеровцев или полицаев, которые могли встретиться на пути.

Никто, однако, Володе не повстречался. Он спокойно прошел еще один переулок, но, едва свернул на главную улицу, — сделал шаг назад и замер, прислонясь к углу забора. То, что Владимир увидел в эти минуты, запечатлелось в памяти его, точно на кинопленке.

К двухэтажному дому лихо подкатила легковая машина, сопровождаемая четырьмя мотоциклистами, вооруженными пулеметами. Из машины неторопливо вылез важный гитлеровец без знаков воинского различия. Выскочившая из дома свита офицеров тут же почтительно окружила его и застыла, выбросив руки в фашистском приветствии. Он тоже взмахнул рукой и, перекинувшись несколькими словами с плотным приземистым полковником, высоко вздернув голову, вошел в дом.

Тем временем шофер-ефрейтор, проворно развернув машину, задним ходом завел ее в сарай.

А сарай тот Володя знал еще с довоенных времен — мальчишкой забирался туда не раз. Теперь же там, судя по всему, гитлеровцы устроили гараж. Обитая листо-

вым железом дверь распахнулась, пропуская подкатившую машину, и Езовитов успел разглядеть стеллажи у стены, на которых громоздились запасные части.

В те минуты у Володи еще не сложился определенный план. Однако дерзкая задумка появилась. Он еще немного постоял у забора, цепким взглядом окидывая и сарай, и водителя-ефрейтора, крутившегося у машины, и часового, который, держа автомат наготове, чинно вышагивал перед «генеральским» домом (так мысленно окрестил его Володя).

Никем не замеченный, Езовитов отошел назад, в проулок, и уже оттуда еще раз, для верности, внимательно осмотрел «позицию». «Надо немедленно поставить в известность Фрузу о прибытии в Оболь важной птицы», — рассудил Езовитов.

Дорога до деревни Ушалы, где жила Фруза, была неблизкой, километров пять с лишним. Конечно, будь то в мирное время — отшагать по ней Езовитову труда не составило бы. Но сейчас, когда на родной земле хозяйничали захватчики, короткий путь становился нескончаемо долгим и утомительным от постоянного напряжения. Где бы и куда бы ни шел — будь все время настороже. А зазеваешься, ослабишь внимание — нарвешься на патруль. И никогда не знаешь, чем это может кончиться.

Зорко примечая все, что попадалось на пути, Володя, однако, продолжал обдумывать то, что удалось подсмотреть. Он представил, как доложит Фрузе о своей «находке», как отнесется она к сообщению. А может, Фрузе и без него уже известно о том, что в Оболи обосновалась важная фашистская персона? Ну если даже известно, не беда. Так или иначе, они не могут, не должны оставлять без внимания такое «событие». Тут вам не какой-нибудь ефрейторишка или там унтер-офицеришка. Генерал! Упустить его из виду никак нельзя. Ну а что можно предпринять? Это надо решать сообща.

Езовитову повезло. Весь путь от Оболи до Ушал одолел он без помех: никто — ни гитлеровцы, ни полицаи — не встретились ему. И тем не менее, подойдя к дому Зеньковых, он, как того и требовали правила конспирации, незаметно осмотрелся, еще раз проверив, не наблюдает ли кто за ним.

Вокруг было тихо и пустынно, ничего подозрительного. Володя вошел в дом.

Фруза дома была не одна, Езовитов застал у нее Зину. Конечно, он мог доложить Зеньковой наедине, отозвав ее в кухню или сени. Бывало и такое. Но Володя специально рассказал обо всем в присутствии Зины. Дескать, секретов от тебя у нас нет. Первым делом, конечно, сообщил о выполненном задании: два автомата и три винтовки спрятаны в надежном месте. И тут же, не переводя дыхания, поведал о своей неожиданной «находке». Да, он так и сказал: «Нашел генерала!» А потом уж объяснил, где, в каком доме расположился генерал, как он охраняется, что собой представляет сарай, оборудованный под гараж для генеральской машины.

Девушки слушали Володю, не перебивая. Новость заинтересовала их. И у них тоже возникла мысль о том, что уж такого «гостя» подпольщики не должны оставить без внимания. Но что именно предпринять? Вот тут надо подумать как следует.

Занимаясь подпольной работой, Фруза, Володя, Зина, остальные юные подпольщики Оболи на глазах, незаметно повзрослели, быстро научились понимать друг друга с полуслова, даже больше того — читать мысли друг друга. Поэтому, когда Езовитов закончил свой рассказ, Фруза только и сказала ему: «А если это не генерал? Что тогда?»

— Погон не видел, он был в черном плаще. Но судя по всему, птица не простая.

— Ну и что ты предлагаешь?

— Предлагаю заняться этим генералом. Что и как надо сделать — о том еще подумаем вместе. Но одно ясно: живым из Оболи этого борова выпускать никак нельзя.

— А что же сделать? — спросила Зина. — К генералу днем не приблизишься. Охрана рядом. Да и ночью в дом к нему не проберешься.

— В дом, верно, нам не пробраться, — продолжал Володя. — А вот к сараю, куда машину генеральскую ставят, думаю, проникнуть можно.

И принялся излагать свой план. Пока черновой, контурный: без уточнения деталей, одними наметками.

Да, он хорошо знал не только сарай, превращенный фашистами в гараж, но и подходы к нему. Помнилось Володе и то, что между срубом и крышей прежде был лаз, не слишком, правда, широкий, но проникнуть через него внутрь сарая можно вполне.

— Ну, допустим, немцы лаз не заделали и попал ты в этот сарай. А дальше что? — спросила Фруза, когда Володя замолчал.

— А дальше... — растерянно произнес Езовитов. — Дальше — сам не знаю, как быть. Была бы магнитная мина — подложил бы в генеральскую машину, и все дела.

Фруза задумалась. На первый взгляд у Володи все выходило просто. Залез в сарай... А если гитлеровцы и впрямь тот лаз заколотили? Подложил в генеральский автомобиль мину... А где она, эта мина, да еще магнитная, да еще с часовым механизмом? И потом — сумеет ли Володя легко, беспрепятственно выбраться из сарая? Ведь наверняка если не у самого сарая, то где-нибудь поблизости будет топтаться часовой. И притом, очень возможно, не один. И, наконец, главное: сколько собирается пробыть в Оболи этот генерал? День, два или всю неделю? Кто об этом-то узнать сумеет? Может статься и такое, что он завтра же уберется отсюда. Значит, надо спешить, попусту времени не тратить.

Позже, подробно, в деталях обсуждая план операции, юные подпольщики поставили перед собой две основные задачи. Прежде всего — в срочном порядке раздобыть магнитную мину. И второе — тщательно разведать, как охраняется гараж: есть ли возле него специальный пост? Насколько усиливают фашисты охрану генеральского дома в ночные часы? Ну и, понятно, очень важно еще раз проверить, можно ли проникнуть в гараж через тот самый лаз, о котором столь уверенно толковал Володя.

Первую задачу Фруза Зенькова взяла на себя. Она встретилась со связной — Дементьевой и, тщательно проинструктировав Марию, отправила ее к комиссару партизанского отряда Варкиянову за миной. Не стали терять времени и Володя с Зиной: дождавшись сумерек, отправились в разведку.

Погода испортилась. Подул холодный ветер, нагоняя тучи. Закружил мелкий колючий снег. От порывистого ветра скрипели ставни, гнулись деревья. Где-то глухо прозвучал взрыв, послышалась пулеметная дробь, разрывы гранат. Потом опять все стихло. Только ветер носился в бездонном просторе, подхватывая облака снега, поднимая их высоко над землей, неистово швыряя в стороны, рвал в клочья, раскидывая по земле.

Промерзшие Володя и Зина подобрались к гаражу. Они спрятались за штакетным забором, залегли и стали наблюдать за всем, что происходило поблизости.

А что же Фруза? Оставшись одна, она продолжала обдумывать детали принятого подпольщиками решения. Прикидывала всевозможные варианты, взвешивала «за» и «против», пыталась предугадать, какие неожиданности могли возникнуть при осуществлении такой дерзкой операции. Фруза, конечно, отдавала себе отчет в том, что дело, за которое она и ее боевые друзья взялись так решительно, связано с огромным риском. За малейший промах придется платить кровью, а возможно, и жизнью своей.

Много юных боевых друзей у Фрузы Зеньковой. И за каждого она отвечает, тревожится. А в эту ночь думы ее — о Володе и Зине, что в ненастную ночь, глаз не смыкая, следят за вражьим логовом. Волнуется Фруза и за связную Дементьеву, мысленно проходит вместе с нею весь долгий и крайне опасный путь — до леса, где базируется партизанский отряд, и обратно в Ушалы, но уже не налегке, а с миной, упрятанной в обыкновенную деревенскую торбочку...

Долго наблюдали Володя и Зина за гаражом. Ветер, поднявшийся еще в сумерки, к полуночи поутих. Но теплее не стало. Вконец продрогшие, ребята мечтали подвигаться, чтобы согреться, но не могли даже пошевелиться: черный силуэт, увенчанный каской, то и дело маячил у двери сарая. Путь гитлеровца от генеральского дома до гаража был недлинным, днем он хорошо просматривался. Теперь же, ночью, ни зги было не видать. Глухо, почти тихо. Лишь доносилось клацанье автомата часового.

Володе и Зине казалось, что до самого утра ничего не изменится, часовой в каске, с автоматом наготове, так и будет слоняться как маятник перед сараем.

И вдруг скрипнула и тут же хлопнула дверь генеральского дома. От крыльца к гаражу двигались две фигуры. «Смена!» — догадался Володя и взглянул на часы со светящимся циферблатом, предусмотрительно врученные ему Фрузой. Стрелки показывали ровно два.

Езовитов не ошибся. Действительно сменялись часовые. Разводящий вместе с новым часовым подошел к двери, подергал ее, осветил карманным фонариком замок, обошел сарай, подсвечивая себе дорогу. Убедившись, что все в порядке, в целости и сохранности, разводящий и сменившийся часовой прогромыхали к дому, вполголоса проклиная ненастную погоду. А новый часовой, потоптавшись у двери гаража, принялся, как и прежний, вышагивать взад-вперед.

Володя и Зина узнали все, что им требовалось. Сарай с генеральской машиной охраняется. Но, как выяснилось, — только с фасада. С боков доступ был свободен. И лаз, знакомый Езовитову, не был заколочен. Словом, проникнуть в сарай было можно. Зная особенности конструкции магнитной мины, Володя понимал, что самое подходящее время для установки ее в машину — предутренние часы (об этом рассказывал Деркиянов, проводя занятия по изучению оружия с юными подпольщиками).

Насквозь прозябшие разведчики покинули наконец свой наблюдательный пункт у штакетного забора. Бесшумно выбрались на окраину поселка и разошлись по домам, договорившись о новой встрече в Ушалах, в доме Фрузы.

Недолго отдыхали Езовитов и Портнова. Едва рассвело, они были у Зеньковой. Доложили о своих наблюдениях, подтвердили, что в сарай пробраться можно, если не мешкать, действовать осторожно.

— Была бы только мина, а мы уж приладим ее куда следует, — убежденно сказал Володя.

— Должна быть! — отозвалась Фруза. — Ждем Дементьеву с минуты на минуту. Если ничего с ней в пути не приключилось, должна скоро подойти.

Не прошло и получаса, как пришла Дементьева. На вопрос: «Где мина?» — ответила коротко: «Тут!» — и указала на торбочку, которую осторожно положила на стол. Фруза раскрыла ее и, вынув десятка два карто-

фелии, извлекла небольшой металлический предмет. То была мина. Магнитная. С часовым механизмом.

Свое задание Дементьева выполнила. Сказала просто, обыденно, не правда ли? А ведь в действительности все обошлось далеко не так просто, хотя о своем «путешествии» девушка поведала друзьям со смешинкой в глазах, даже с юморком.

К партизанам Маша отправилась засветло. Обходя немецкие посты, вышла из Ушал и вполне благополучно добралась до опушки леса. А дальше, стараясь держаться подальше от проселка, зашагала по едва приметной тропке, известной даже не всякому местному жителю. И все бы ничего, да быстро сгустившиеся вечерние сумерки и свирепый ветер лишили ее ориентировки. Очень скоро она почувствовала, что сбилась с тропинки, и начала блуждать по лесу. Ноги ее то и дело попадали в ямы, колючие ветви кустов больно стегали по лицу. Долго она кружила по лесу одна-одинешенька, отыскивая знакомую ей неширокую поляну посреди ельника. С прошлых походов в партизанский отряд она запомнила, что поляну должна пересекать тропка, с которой она сбилась.

Вернувшись на тропу, Дементьева повеселела, пошла быстрее.

Сама не помнит как, но еще до рассвета добралась-таки она до замерзшего ручья с заболоченной поймой. Здесь, в глубине густого соснового бора, находилась база партизанского отряда. Девушку встретили дозорные, дали ей в провожатые совсем юного паренька, который быстро привел ее к штабу.

Машу приняли в штабе радушно. Расспросили о дороге и сразу же отвели в землянку командира.

— Ну выкладывай, с каким поручением прислала тебя Фруза? — спросил командир отряда Бестеров. — Видно, дело серьезное, если ночью к нам добиралась.

Маша рассказала о просьбе подпольного комитета комсомола к партизанам.

Выслушав ее, Бестеров заговорил негромко:

— Ваше предложение одобряем. Час тому назад мы узнали, что так называемый генерал, которого приметил в Оболи Володя Езовитов, является особоуполномоченным чиновником Розенберга; прибыл в Оболь по его специальному заданию, скорее всего, ненадолго. Раз-

ведка наша устанавливает цель его визита. Но одно другому не помеха. Даже если он окажется и не генералом, что вполне допустимо, бесспорно то, что он — матерый фашист, отъявленный душегуб, а значит, заслуживает самой суровой кары.

— Только будьте предельно осторожны, — добавил комиссар Вархиянов, — сто раз все обмозгуйте.

По распоряжению командира в землянку принесли магнитную мину. Комиссар завернул ее в тряпицу и опустил на дно торбочки, которую Маша принесла с собой; туда же насыпали и картошку.

Пришел начальник штаба Тузиков. Узнав от командира суть дела, расспросил Машу о дороге, о жизни, настроении комсомольцев и молодежи. Заглянул в торбочку и тут же велел бойцам принести пару десятков яиц и кусок сала. При этом объяснил:

— Наша маленькая хитрость для фашистов не нова, поэтому в дороге будь внимательна. Пусть это тебе вместо пропуска сгодится, — улыбнулся начштаба совсем по-отцовски. — Сунут фашисты нос в торбочку, увидят яйца, сало — и сразу про все забудут. А ты не жалей. Сама отдай, но не все. Поторгуйся. Скажи, мать с голоду помирает. Поняла?

— Поняла, поняла, — закивала в ответ Маша.

— Да! Вот еще что! — вступил в разговор Вархиянов. — Передай Фрузе: наши разведчики установили, что триста восемнадцатая абвергруппа Шульце по-прежнему, даже с большей активностью, предпринимает меры, чтобы обнаружить вашу организацию и внедрить в ее ряды провокаторов. Ни на минуту не ослабляйте бдительность.

Когда сборы в дорогу были закончены, а напутствия высказаны, комиссар провел Марию через ручей и болото. Обнял, сказал: «Будь поосторожнее, дочка!» Маша засмущалась и нерешительно ответила:

— Какой же вы отец, вы и в братья сгодились бы.

— Да я просто так, для порядка, — почувствовав неловкость, перебил девушку Вархиянов, — не сердись! Да смотри в оба!

— Ладно уж. Сердиться не буду, только себя берегите.

Маша и без того знала, что ей положено глядеть в оба. Стараясь ступать так, чтоб не слышно было ни

шороха, ни треска, двинулась в обратный путь. Того, что заблудится, не боялась. Уже развиднелось, и она легко находила заветную тропку.

Усталость от бессонной ночи все же давала себя знать. Да и торбочка, довольно-таки увесистая, оттягивала руку. И лишь мысль о том, что друзья ждут ее с нетерпением, что теперь, наверное, только от нее одной зависит успех задуманной операции, придавала девушке силы.

А когда солнце, проглянувшее сквозь разрывы облаков, скользнуло по верхушкам деревьев, Маша выбралась на опушку. Тут ей надо было пересечь дорогу, по которой то и дело шныряли гитлеровцы. Осторожно раздвинув ветки кустов, она огляделась. На дороге не было ни души. Однако, только она сделала первый шаг, за спиной раздался окрик: «Хальт!»

От неожиданности Дементьева едва не выронила из рук торбочку. Не заметила Маша, что в придорожном кустаринке расположились двое гитлеровцев с мотоциклом. Один из них, уже немолодой, смотрел на Марию зло, подозрительно. Другой, щупленький, улыбался: видно, доволен был, что девушка испугалась.

Тот, что постарше, сразу уставился на торбочку, знаком приказал раскрыть ее. Увидев «шпек» и «яйки», ухмыльнулся и тотчас принялся вытаскивать добычу, укладывать ее на сиденье коляски мотоцикла.

Мария старалась не выдать волнения, следила за каждым движением толстых рук фашиста. Копни он чуть глубже — его пальцы наткнулись бы на металл. Это могло погубить Марию.

А молодого еда не интересовала. Повесив на руль автомат, он попытался обнять девушку. Легонько оттолкнув его, Мария словами и знаками принялась объяснять, что ходила, дескать, в соседнее село к фельдшеру, да на месте его не застала. А фельдшер ей очень нужен. Болеет она, кашель ее мучает. На чахотку похоже.

— Кранк я, — продолжала Мария, — больная я, кранк паненка.

Лица на ней и вправду не было.

Услышав несколько знакомых слов, солдат отскочил в сторону точно ошпаренный. Видно, сильно пекся о своем здоровье, боялся заразиться. Он быстро сказал

что-то старшему, и оба замахали руками: шнелль, шнелль, давай, мол, уходи отсюда поскорее.

Машин расчет оказался верным.

Лишь отойдя от немцев на приличное расстояние, она почувствовала страх, от которого у нее подкосились ноги. А испугаться было отчего. Даже страшно представить себе, что бы случилось, если бы фашисты обнаружили под картошкой смертоносный груз. Пытки в гестаповских застенках, смертная казнь, провал задуманной операции.

Лишь подходя к деревне, где ее ждали Фруза с товарищами, Мария успокоилась. Все испытанное представилось ей приключением, о котором она уже могла говорить со смешинкой в глазах.

Итак, подступы к гаражу и его охрана были разведаны. Мина хранилась в надежном месте и ждала своего часа. Операция, которой, не сговариваясь, дали название «Генерал», казалось бы, вступила в свою решающую стадию.

Вот тогда и встал вопрос, который подпольщики попросту упустили из виду. А между тем без его решения операция могла сорваться.

Неожиданно пришла эта мысль в голову Фрузе: «Когда, в котором часу должен сработать взрывной механизм?» И в самом деле, когда? Ведь мину надо было заложить в генеральский автомобиль с таким расчетом, чтобы он взлетел на воздух не порожний...

— Ведь может статься и такое, — сказала Фруза Езовитову. — Проберешься к машине, заложишь мину, а генерал вообще в этот раз никуда и не поедет. Что ж тогда получится? Машина взорвется в гараже. Шуму будет много, а толку — чуть.

— Нет, такого быть не может! — возразил Володя. — Генерал весь день в Оболи торчать не может. Что ему тут делать?

— В том-то вся и сложность, что мы ничего не знаем о его планах, — возразила Фруза. — Постарайся вспомнить поточнее, когда ты увидел генерала, в котором часу он подъехал к своему дому.

— С точностью до минуты сказать не смогу. Часов при мне, сама знаешь, не было. Могу лишь сказать, случилось это после полудня.

— После полудня? — переспросила Зенькова. — Хорошо бы узнать поточнее. В общем, придется отложить операцию еще на день и узнать, какой распорядок дня у этого генерала. Надо будет тебе, Володя, снова пойти в разведку. Только не вечером, а утром. Постарайся устроиться где-нибудь поблизости на чердаке и весь день глаз не спускать с генеральского дома.

Знавший в Оболи все ходы и выходы, Володя еще затемно пробрался к дому, покинутому его обитателями перед приходом гитлеровцев, и, пристроившись на чердаке, принялся наблюдать за всем, что творилось возле «резиденции генерала». И вот что ему удалось узнать. Генерал, судя по всему, любил пунктуальность. Ровно в семь тридцать шофер-ефрейтор подал машину к крыльцу. Через пять минут в нее уселся генерал, сопровождаемый полковниками, с которыми приехал вчера, и майором. Охраняемый мотоциклистами автомобиль покатил в сторону железнодорожной станции.

— А когда генерал вернулся? — спросила Фруза, выслушав рассказ Володи.

— К обеду, в двенадцать двадцать.

— К обеду? Почему ты думаешь, что именно к обеду?

Володя объяснил: сразу после двенадцати в одном из окон второго этажа промелькнул белый поварской колпак. Нетрудно было догадаться, что там накрывали на стол...

— Предположим, что это так, — сказала Фруза и, еще раз обдумав сообщение, прикинула: — Если в двенадцать двадцать генерал возвращается к обеду, то получается следующая картина. Этот высокий чин отсутствует пять часов. Самым верным будет, если взрывной механизм у мины сработает после установки часа через три-четыре: в это время генерал наверняка будет еще в пути.

— Итак, решено: взрыв должен произойти не ранее восьми тридцати, — закончила Фруза.

На том и порешили.

Война изменила представление людей о многих вещах, заставила иначе оценивать самые что ни на есть обыденные понятия. Ну кто, скажем, в мирные дни стал бы радоваться холодным и дождливым вечерам?

Готовясь к опасному делу, Володя Езовитов ничего так не желал, как самой ужасной непогоды. И в самом деле, на улице было зябко. Под вечер небо потемнело, ветер, подувший с севера, нагнал тяжелые, нависшие над землей тучи. Казалось, как и вчера, вот-вот поднимется ураганный ветер, будет ломать ветви деревьев, срывать крыши с домов. Закрутит до самых труб метель, зверем завоет в штакетных заборах.

...Около десяти часов вечера Езовитов и Портнова, припрятав в ту же счастливую торбочку мину, направились к центру Оболи, где находился генеральский дом. Ветер не прекращался. В кромешной тьме даже зоркий Володя не мог ничего разглядеть. Ребята старались держаться поближе к домам и заборам: там было тише, а главное — их труднее было заметить постороннему глазу.

Подпольщикам повезло, ии одна живая душа не встретилась им в пути. Видио, у гитлеровцев и прислужников их не было охоты мерзнуть на улице. В этом Володя и Зина еще раз убедились, когда приблизились к дому, где размещалась полевая жандармерия. Сквозь скрежет и перестук ставен доносилось нестройное пьяное пение, сопровождаемое визгливыми звуками губной гармошки. «Веселитесь, гады? — с иенавистью сказал Володя. — Посмотрим, что вы завтра запоете».

Знакомой до мелочей дорогой добрались к иамеченному месту. Отсюда лучше всего просматривались через штакетиый забор подступы к гаражу, отчетливо слышались между порывами ветра шаги часового, который подобно маятиику сновал от двери гаража до генеральского дома. И отсюда же в случае чего легко было уйти.

Привыкнув к темноте, Володя и Зииа еще и еще раз осмотрели все, что их окружало. Ничего подозрительного, тревожного не было.

До двух часов иочи, как было установлено Езовитовым и Портновой еще в позапрошлую ночь, часовые строго выдерживали график. И все же Володя не стал дожидаться иазначенного времени. А вдруг ветер поутихиет? Или иебо прояснится? Тогда незаметно подобраться к гаражу будет куда трудиее.

— Пора, — шепиул Езовитов Зиие и прижался к промерзшей земле, чтобы проползти под забором.

Вдруг рядом хлопнула дверь, послышались приглушенные голоса. От генеральского дома отделились две тени и направились в сторону гаража. «Неужели смена часовых?» — удивился Володя. Но нет: двое, подойдя к часовому, о чем-то поговорили с ним и двинулись дальше. Обойдя сарай со всех сторон, они почти вплотную подошли к забору, за которым притаились Володя и Зина. Стоило теперь фашистам хоть раз мигнуть фонариком, и подпольщики были бы обнаружены. Но обошлось без фонаря. Зато в следующую секунду один из гитлеровцев принялся щелкать зажигалкой, пытаясь прикурить.

«Ну вот все и кончилось!» — мелькнуло в голове у Володи. — А жаль, столько сил на это дело ушло... Маша жизнью рисковала, мину тащила... Если что, придется стрелять», — решился Езовитов и взвел курок ТТ.

Мгновения казались часами. Щелчок зажигалкой, еще один... Ни огня, ни искры. «Видно, камушек истерся», — подумал Володя.

Выругавшись, офицер прибавил шагу, чтобы догнать напарника, уже подошедшего к генеральскому дому. Снова хлопнула дверь. И опять сквозь шум ветра послышался лишь перестук сапог часового...

Володя легонько тронул Зину за плечо: успокойся, мол, все в порядке. А сам подумал: «Хорошо еще, что на обход те двое не прихватили с собой овчарок. Нас бы враз учуяли».

— Теперь — пора! — шепнул Володя и ужом пролез под забором. Выждав, когда часовой отойдет от гаража, на одном выдохе перебежал проулок и прижался к бревенчатой стенке сарая.

Зина, как и было условлено, осталась за забором, готовая в случае чего прикрыть товарища огнем из пистолета.

А Володя не мешкал. Подпрыгнув, он обеими руками ухватился за верхнее бревно сруба, подтянулся и через знакомый лаз между срубом и крышей проник в сарай.

Тьма в сарае была такая, что протяни перед собой руку — не только ладони, локтя не увидишь. «Придется все делать на ощупь», — тревожно подумал Володя.

Впрочем, к этому он был готов и, растопырив пальцы, принялся шарить вокруг. Словно в жмурки играл.

Наконец нащупал кузов машины, провел ладонью по ее лакированным дверцам и достал из-за пазухи мину.

И тут его словно током ударило, в мгновение горячей испариной покрылся лоб. Казалось бы, все в этой операции было продумано до мелочей. И вдруг... на тебе: мину-то куда цеплять? Не подумали. Никому до сих пор и в голову не приходило, куда именно подложить мину.

«Может, под сиденье? — немного поостыв, рассуждал Володя. — Нет, не пойдет! А может быть, под капот? Наверняка водитель будет проверять масло и воду. Не годится. Вот ведь задача! Велика машина — а маленькую мину упрятать негде. Может, прилепить ее к днищу — она ведь магнитная». Но тут Володя представил, как при первом же толчке на ухабах мина останется на дороге.

А время шло. До установленного срока остаются считанные минуты, это хорошо видно на светящемся циферблате его трофейных часов. Так надо же что-то придумать! Собрав всю свою волю в кулак, Езовитов заставил себя успокоиться, не суетиться. Он еще раз представил машину, мысленно ощупал радиатор, передние и задние дверцы и, наконец, багажник.

Багажник! Ну как же просто, оказывается, можно решить задачу. Где еще, как не в багажнике, упрятать мину?

Крышка, к счастью, приподнялась легко. Багажник не был закрыт. Володя наклонился и прилепил мину в самый дальний угол — туда, где рукой не схватишь и глазом не достанешь. А если в пути, на ухабе, машину и тряханет, то мина, пусть и отвалившись, никуда не денется.

Ну вот, теперь можно и дух перевести: самое главное сделано, пора уходить. Осторожно, чтобы не свалить какую-нибудь деталь со стеллажей и не оставить следов своего «визита», Володя снова взобрался на верхнее бревно сруба. Прислушался. Все так же монотонно поскрипывали ставни, все так же, пристукивая сапогом о сапог, взад-вперед сновал как челнок фашистский часовой.

Прииникнув к забору, ждала Зина. Она вконец

закоченела. Сильная дрожь била ее: и от холода, и от томительного, напряженного ожидания, и, конечно, от страха: нет, не только за себя — за Володю прежде всего. И потому, встретив его, она сразу прижалась щекой к его плечу, приглушенно всхлипывая от радости. А он никак не мог отойти от пережитого — по-прежнему был сосредоточен, напряжен.

— Все в порядке... Пошли... — глухо сказал он.

Крепко сжав холодную, точно ледышка, ладонь Зины, Володя уводил ее от забора. Вот уже охрана станции осталась далеко позади, уже давным-давно перевалило за полночь, а дороге конца-края нет.

— Пора расходиться, — проговорил наконец Володя. — Вот и твой дом, а мне еще шагать да шагать. Устал маленько.

— Так, может, у нас заночуешь? — предложила Зина. — Бабуся у меня, сам знаешь, хорошая. Обогреет, чаю поставит.

— Знаю, знаю твою бабусю. Ругать тебя будет, это уж точно. И мне трудно будет тебя защищать. Только пойми меня правильно. И не обижайся. Давай беги, а то простудишься.

Ефросинью Ивановну местная молодежь действительно любила. Она догадывалась, чем занимаются подростки, в том числе и ее внучка. Однако не попрекала Зину. Лишнего не расспрашивала, не наводила справок, как это делали некоторые матери. Чем могла, пособляла внучке и ее товарищам. Володя понимал, что лучше всего теперь вместе не собираться. Безопаснее так. Поздний гость может вызвать подозрение у соседей, если ненароком его заметят.

Простившись с Зиной, Езовитов окраинными переулками добрался до своего дома и только там почувствовал, что вымотался вконец. Переодевшись в сухое, прилег на топчан, потеплее укрылся. Думал, что уснет сразу, но сон не шел. В мыслях Володя вновь и вновь возвращался к гаражу, мине. Перебирал в памяти свои действия. Все ли сделал, как надо? Не допустил ли промашки?

А что же Зина? Бабушка, увидев ее, промерзшую, посиневшую от холода, на этот раз не выдержала и запричитала:

— Где же ты, внученька, была? Поберeглась бы... Тебе бы еще в куклы играть, а ты вон чем занялась!

Однако за причитаниями этими бабуся о деле совсем не забыла. Достала из печи чугунок с горячей водой, налила ее в тазик, велела Зине отогревать ноги. Потом укутала внучку суконной ковдрой собственного изготовления, напоила чаем с липовым цветом. И все приговаривала:

— Заболеть можно, а кто лечить будет? Докторов нету, лекарств нету...

— Знаю, бабуся, знаю.

Зина потянулась к кровати. Но сон ее был беспокойным. Не раз еще она вставала, подходила к окну, прислушивалась: нет ли у гитлеровцев суматохи? И все думала, думала о Володе.

В тревоге провела эту ночь и Фруза. Волнуясь за Володю и Зину, не могла уснуть ни на минуту. Она пожалела, что запретила им прийти к ней сразу после выполнения задания. Но решить иначе она, понятно, не могла — не позволяли этого правила конспирации. И Фрузе оставалось одно: запастись терпением и ждать.

Не зря говорится, что ждать и догонять — хуже всего. Володя, вздремнув часок, заснуть не смог. Как там? Все ли ладно сделал? И хотя мины «партизанской» конструкции были надежными и предельно простыми, стопроцентной уверенности у Володи не было.

И снова томительно потянулись часы и минуты ожидания. По улице протарахтели порожние подводы — это гитлеровцы опять выехали на грабеж окрестных деревень. Потом совсем близко послышались шаги. Слегка отогнув край занавески, Володя увидел полицаев. Не проспавшиеся после вчерашней попойки, с небритыми физиономиями, пошатываясь, пошли на край поселка.

Опять все стихло. На улице — ни единого прохожего. Любая встреча с фашистами могла обернуться бедой.

Стрелки часов показывали восемь пятьдесят. Сердце у Володи громко забилось, почти как тогда, в гараже. Сработала ли мина, с таким трудом добытая? Или, может, какая случайность помешала?

А спустя полчаса Иван Гаврилович Езовитов — отец Володи — сказал, зайдя в хату:

— Слышал, генерала какого-то ухандокали...

Вскоре мимо Володиной хаты рысцой на лошади проследовали возвращавшиеся полицаи. К вечеру уже весь поселок знал, что машина с важным гитлеровцем взлетела на воздух. Взорвавшейся миной, которую, наверное, «подложили на дорогу партизаны», убило и генерала, и всех, кто сопровождал его. Уцелели лишь два мотоциклиста, что ехали впереди...

Обсуждая меж собой такую новость, жители Оболи вспоминали партизан, дивились их смелости и находчивости, радовались их успехам. Никому и в голову не пришло, что партизанам этим в самый раз еще играть в партизан. Были ими три девочки и один хлопчик.

Партизанские разведчики докладывали: по уточненным данным, особоуполномоченный чиновник действительно является представителем так называемого министра по делам восточных земель Альфреда Розенберга, который занимается угоном скота, увозом людей, хлеба и других ценностей из Белоруссии в Германию.

Приговор, вынесенный советским народом душегубу, ставленнику Розенберга, был приведен в исполнение Обольским подпольным комитетом комсомола.

КРУШЕНИЕ

Осенью сорок второго года, когда на Волге, у Сталинграда, ни днем ни ночью не затихала величайшая из битв, Витебщину, как и всю Белоруссию, гитлеровцы еще считали своим глубоким тылом. Однако покоя им и там не было. Пламя партизанской борьбы разгоралось. Отряды народных мстителей крепли и полнились день ото дня, вырастали в многочисленные, спаянные воинской дисциплиной соединения. Сотрудники абвера, полевая жандармерия, их прислужники и наймиты были уже не в силах подавить народное партизанское движение.

Для осуществления карательных операций гитлеровцам приходилось привлекать полки и даже многие дивизии, предназначавшиеся для пополнения фронтовых армий, которые несли на восточном фронте огромные потери. А кроме того, фашисты вынуждены были постоянно держать у себя в тылу еще целые дивизии. Одна

из них, 201-я охранная, не раз пыталась подступиться к лесам Витебщины, чтобы уничтожить партизанские базы. Однако каждая такая попытка заканчивалась провалом. А потом, когда пришло время, уже сами партизаны стали наносить удары по частям этой дивизии, которые своим разбоем и насилием, кровавыми карательными действиями, чинимыми в деревнях и городах, вызывали жгучую ненависть у местного населения. В результате одного удара, тщательно спланированного и подготовленного партизанами бригады имени Данукалова, был разгромлен 601-й полк этой охранной дивизии, а многие гитлеровцы были пленены.

На железных и шоссейных дорогах под откос летели немецкие воинские эшелоны и автомашины. На заводах, фабриках и в комендатурах рвались мины, разрушая склады, станки и машины.

День ото дня, из месяца в месяц наращивали удары по врагу и бойцы Обольской подпольной комсомольско-молодежной организации «Юные мстители». Эта организация обрела уже немалую силу. Гитлеровцы: абвер, жандармерия и комендатуры, — и не предполагали вначале, что есть и действует такая организация. И чего только не предпринимали оккупанты, пытаясь найти и уничтожить подпольщиков. Но «Юные мстители» были воистину неуловимы. Об этой организации знал лишь узкий круг ответственных подпольных партийных работников и партизанских руководителей.

Патриоты — партизаны и подпольщики действовали самоотверженно. Так, в августе 1942 года по плану, разработанному командиром партизанской бригады Короткиным, одновременно был нанесен удар по железной и шоссейной дорогам на участке Полоцк—Витебск. В этой операции вместе с партизанами активно участвовали и юные обольские подпольщики. Немногим более суток потребовалось народным мстителям, чтобы уничтожить четыре моста на шоссе, у деревень Ферма и Левши, обрезать телеграфно-телефонные провода. Юные подпольщики В. Езовитов, Н. Алексеев, Д. Хребтенко и другие средь бела дня уничтожили две цистерны с горючим, четыре вагона с продовольствием и обмундированием.

Из Берлина была отправлена секретная шифротелеграмма начальнику 318-й абвергруппы Рейнгольду

Шульце. В ней говорилось: «Под личную ответственность приказываю ускорить вербовочные мероприятия по известному вам плану, заброску агентуры в подпольные большевистские организации... О принятых мерах доложить. Директор Геллер».

Шифротелеграмму подписал руководитель штаба «Валли-3» Гейнц Шмальшлегер. Он возглавлял разведку и контрразведку на временно оккупированной территории Белоруссии и Смоленской области РСФСР.

Нет, не было гитлеровцам хода в белорусские леса. На каждой тропе подстерегали их партизанские мины и пули. Но и в населенных пунктах, даже в тех, где держали они крупные гарнизоны, им приходилось быть настороже, постоянно печься о собственной безопасности. В городах и деревнях патриоты-подпольщики все чаще устраивали взрывы, разившие захватчиков.

Руководители абвергруппы, жандармерия были убеждены, что в тылу действует хорошо законспирированная подпольная организация.

Комендант Оболи Крейтмайер приходил в бешенство, когда ему докладывали об очередных взрывах, нещадно распекал своих подчиненных на инструктажах и оперативных совещаниях. Скверно чувствовал себя и его помощник лейтенант Мюллер. Если раньше он лез из кожи вон, чтобы выслужиться, получить повышение в звании, а может, и Железный крест, то теперь оставил эти радужные надежды. Все помыслы его сейчас направлены на то, чтобы удержаться на своей должности, сделать все, чтобы начальство не послало на фронт, любыми путями уберечься от креста деревянного. Он был согласен так и остаться лейтенантом, только бы выжить. Заместитель коменданта Даунерт терял выдержку и самообладание, сознавая свое бессилие в розыске подпольщиков.

Для борьбы с неизвестной подпольной организацией целиком была задействована 318-я абвергруппа военной разведки в количестве ста человек. Но даже и эти вышколенные, опытные и матерые гитлеровские разведчики, действуя вместе с агентурой и прочими провокаторами, не могли напасть на след подпольщиков.

В руках фашистской контрразведки не было пока и кончика ниточки, за который можно было бы уцепиться.

Долгие месяцы борьбы, тяжелой, напряженной, постоянно связанной со смертельным риском, многому научили молодых бойцов-патриотов, закалили их волю, дух. Они обретали такие качества конспираторов, как зоркость, бдительность, находчивость, быстрая ориентировка в обстановке, умение принимать нужные решения. В их действиях и поступках в основном уже не было той мальчишеской лихости, при которой забывается разумная осмотрительность. Ребята и девчата приучались к конспирации, старались соблюдать ее строжайшим образом. На авось никто действовать не смел. Каждый знал свое место в строю, свою задачу, выполнению которой отдавал все силы, все умение.

Задания были разными — обстановка тоже менялась быстро. В общем, все как на войне. И, конечно, далеко не всегда и не всем подпольщикам удавалось четко проводить операции. Сказывался малый опыт. И возраст нет-нет да и давал себя знать, порой подростки срывались на ухарство. А ведь исход любой схватки с врагом зависел не только от инициативы и находчивости, но и от самообладания, осознанного мужества, отваги. Все это, известно, давалось нелегко и не сразу. Но подпольщики с честью выходили из самых трудных положений.

Вот какой случай произошел с Николаем Алексеевым.

Когда началась война и на белорусскую землю ступили оккупанты, эвакуироваться Николай не успел. С полдороги пришлось возвращаться к родным, в Оболь.

Долго скрывался от фашистов, а когда связался с партизанами, то ему сказали: «Ты должен устроиться работать на железнодорожную станцию; там будешь нам полезен». Выполняя задания подпольщиков, парень начал работать стрелочником.

В Обольском подпольном комитете комсомола Николай Алексеев по возрасту был самым старшим. Спокойный, немногословный, сметливый, всегда уравновешенный, исполнительный, Николай не вызывал особых подозрений у «хозяев». Дело свое знал, выполнял его, как казалось немцам, аккуратно, службу нес исправно. И все же Алексеев постоянно чувствовал на себе настороженный глаз шефа. Этим шефом был некий Альбертини — немец итальянского происхождения. В Оболь

гитлеровцы привезли его как «мастера железной дороги». По этой части в Белоруссии работы было много. Ее подбрасывали партизаны. Альбертини не имел воинского звания, был цивильным. В его обязанности входило распределение рабочей силы, постоянный надсмотр за людьми, ремонтирующими пути и некоторые пристанционные сооружения.

К Алексееву Альбертини, вполне сносно говоривший по-русски, внешне относился доброжелательно, покровительственно. Не упускал случая, чтобы выказать свое благорасположение: угощал сигаретами, обещал всяческие льготы и хорошую работу и даже сам брался подменять Алексеева на дежурстве, когда тому нездоровилось.

А бывало и такое, что Альбертини в разговорах с Николаем поругивал станционное начальство, даже осуждал его за чрезмерную суровость в отношении к людям, принудительно привлеченным к работе на железной дороге. Словом, старался войти к Алексееву в доверие, вызвать его на откровенность.

Николай, понятно, был начеку, уши не развешивал. Он-то знал, что Альбертини нацист, притом отъявленный. Постоянно имел при себе оружие. Носил пистолет не в кобуре, а в кармане брюк или в куртке. И не раз во время «вольнодумных» разглагольствований надсмотрщика Алексеев ловил на себе его цепкий, изучающий взгляд.

Из роли своей Николай не выходил. Альбертини видел в нем лишь послушного парня, готового всегда выполнить любое распоряжение начальства. И как этот фашист ни пытался разговорить Николая, не выудил ничего, что могло бы заинтересовать абвер.

Утомившись от таких бесплодных попыток, Альбертини уходил от стрелочника Алексеева и «отводил душу» в беседах с часовым Максом — солдатом из 201-й охранной дивизии, для которого станция Оболь стала постоянным местом службы. В отличие от Альбертини Макс со станционным людом общаться не любил. Лишь для Микиты, железнодорожного рабочего, которому было уже под пятьдесят, Макс делал исключение; казалось, даже доверял ему.

Судьбы людские делают иной раз поистине невероятные зигзаги. Когда Макс среди железнодорожных

рабочих увидел Микиту, он прямо-таки остолбенел от изумления. Так ведь и было отчего!

Еще в четырнадцатом году Микита, малообученный солдат-новобранец, попал в германский плен. Там его продержали в лагере за колючей проволокой, а позже, оценив, видимо, его тихий, смиренный нрав, определили в батраки на ферму, коей владели родители Макса. Не один год пробыл на той ферме Микита, работая от зари до зари. Домой вернулся, когда уже по всей Витебщине власть Советов утвердилась прочно. Как человека, пострадавшего в чужеземной неволе, земляки приветили его, помогли наладить хозяйство. Микита построил хату, обзавелся семьей, поступил путевым обходчиком на железную дорогу. Таковым остался и в дни вражеского нашествия. Перед оккупационными властями особенно не угодничал, но и сочувствия тем, кто боролся с захватчиками, ни явно, ни тайно не выказывал. Жил тихо, выжидая, наверное, чья возьмет.

Микиту, бывшего батрака своих родителей, Макс признал сразу. Оттого-то и остолбенел поначалу. А потом возликовал, увидев в такой встрече перст судьбы. Как знать, а что, если судьба снова свела их, думал Микита: как на Руси говорят, только гора с горой не сходятся, а человек с человеком встретятся непременно. Правда, Микита про себя решил — что бы ни случилось, к старому возврата не будет. Он как наяву и сейчас ощутил издевательства и побои хозяина-немца в ту бесправную пору.

— Пути господни поистине неисповедимы, — любил изрекать Макс. Упомянул он об этом и в письме, сообщая родителям о встрече с Микитой.

Миките деваться было некуда, пришлось пригласить Макса к себе и угостить чем бог послал (потом об этом Микита рассказывал рабочим). Разговаривали по-немецки. Не так гладко, как прежде, но и не так уж плохо. Микита поставил бутыль самогона, нарезал ломтиками сало, жена принесла огурцов... Выпивкой отметили эту встречу. И после Макс частенько наведывался в гости к Миките. Вначале толковали о жизни и войне, о трудностях, страданиях людских. Микита сочувственно кивал, поддакивая Максу, а сам в разговор не вступал. Макс, пьянея, кричал, поносе русских за то, что они все еще воюют. «Война не нужна, от нее страдает и

гибнет немецкое население. Сдались бы, и война закончилась бы», — распаляясь, бушевал Макс.

— Разве тебе плохо жилось в нашей семье? — вопрошал он, глядя на Микиту.

А тот, разом отбросив двадцать с лишним лет, мысленно переносился в Германию... Вспоминались не только постоянные тумаки и зуботычины, но и рабски подневольный, бесправный труд на чужбине. Боли физические и душевные, постоянные издевательства, унижения и оскорбления... Память выхватывала из прошлого куски жизни, и теперь все вновь как бы обретало реальность.

Макс иногда приносил Миките кулек ворованного зерна, кое-что из продуктов. Разумеется, все это он делал не задаром, а в награду за услугу, которую вменил Миките в постоянную обязанность. Услуга та была для Микиты не столь обременительной: из зерна, которое Макс поворовывал на складе, охраняемого его приятелями, Микита гнал для него самогон.

Со временем у Макса это вошло в привычку: поторчав на станционных путях два-три часа, он шел к Миките выпить чарку первача. После этого его одутловатое лицо багровело, глаза округлялись, прожилки наливались кровью. В такие минуты лучше было не попадаться ему под руку. В каждом рабочем виделся ему партизан, подпольщик.

Но не знал, не ведал Макс, как и все прочие чины из абвера и охранной дивизии, что за движением поездов, шедших через Оболь, велось постоянное наблюдение. И делали это парни и девушки из подпольной организации. Все эшелоны с войсками, боевой техникой они брали на заметку. А со временем на других станциях появились такие же пункты наблюдения. Все полученные данные через связных незамедлительно передавались в партизанский отряд, а оттуда — в Москву.

В один из осенних дней комсомольские посты сообщили, что в шестнадцать часов через Оболь проследуют два вражеских эшелона. В этом на первый взгляд ничего особенного не было. И раньше не раз случалось, что поезда, шедшие с разных сторон, встречались здесь. С запада прибывали эшелоны с солдатами и военной техникой, а с востока — с ранеными и с той же военной

техникой, но только уже побитой, покореженной. Однако на сей раз дело обстояло иначе.

И с запада и с востока должны были прибыть в Оболь два воинских эшелона. Тот, что шел с запада, вез на фронт подкрепление. Тот, что двигался с востока, вез эсэсовцев для карательной экспедиции против партизан.

Юные мстители решили уничтожить оба эшелона. Но как? Подорвать пути? Так ведь ни мин, ни взрывчатки не было — кончились еще неделю назад: тогда удалось подорвать шоссейный мост с двумя вражескими машинами.

Так как же быть? Имей подпольщики в своем распоряжении хотя бы сутки, успели бы связаться с партизанами, «разжиться» подрывными зарядами. Но тут счет времени шел на часы и минуты. Выход оставался один: «потревожить» Николая Алексеева, поручить ему что-то придумать, предпринять на свой страх и риск.

А что же мог придумать Алексеев? Ведь и у него времени было в обрез. И сам он, как назло, в тот день выбыл из строя — жестокая простуда уложила его в постель.

Занемог, занедужил он еще день тому назад. А к утру был уже так плох, что, когда вышел на работу, Альбертини сам предложил ему пойти домой, немного полежать, попить «русского целебного чая».

— А кто работать будет? — спросил Николай.

— Конечно, я, — ответил Альбертини.

Ему понравились слова Николая. «Переживает из-за своего недомогания, — делился Альбертини мыслями с Максом. — Такие парни фатерланду нужны. Пусть полечится...»

Полечится... Легко сказать. Но как и чем? Ведь ни врачей, ни медикаментов с приходом фашистов не стало, а кто из врачей пытался оказывать помощь населению, того наказывали строго — вплоть до расстрела. Спасибо соседским старушкам. Прознав, что Колька Алексеев занемог, сами пришли, напоили чаем с малиной. Велели лечь, укрыться потеплее, пропотеть, постараться заснуть.

Николай так и сделал. Лег, укутался. И только задремал, как к нему заглянул Володя Езовитов. Если бы кто и заметил это, ничего подозрительного не обнару-

жил бы. Дело обыкновенное — захворавшего Николая проведал родственник.

Придвинувшись к Алексееву, Володя тихо, почти шепотом сообщил об ожидаемом прибытии на станцию Оболь встречных поездов. От имени подпольного комитета комсомола передал Николаю поручение: сделать все возможное, чтобы ни эшелон, двигавшийся к фронту, ни эшелон карателей-эсэсовцев до мест назначения не дошли. После операции немедленно уходить в партизанский отряд.

Оставшись один, Николай поднялся с постели и стал собираться. Из дома вышел скрытно. Меньше чужих глаз — больше шансов на успех. Все видели — лежал в постели, в жару. А он, словно бы забыв про болезнь, не ощущал ни озноба, ни ломоты в теле. Ему нужно было, не теряя времени, которого и без того оставалось немного, вернуться на станцию. Уж там-то он что-нибудь да сообразит.

А что подумает Альбертини, увидев его? Ну да ладно... Николай решил «поиграть» с этим нацистом: мол, отлежался и почувствовал себя почти здоровым. Если и не поверит ему Альбертини, то все равно прямо о том не заявит. Слежку, конечно, устроит.

Но как быть с Максом? Этого карателя из 201-й охранной тоже не так просто провести. У него всякий на подозрении. Прикидывается простаком, а сам-то себе на уме.

Уже выйдя из дома, Алексеев вспомнил, как накануне в полдень Макс, не слишком таясь от рабочих, передал Миките кулек наворованного зерна и отпустил обходчика пораньше с работы. Зачем? Ну это яснее ясного. Чтобы то зерно Микита поскорее превратил в самогон, до которого Макс стал охоч. И может статься, что охранник-надзиратель уже сейчас находится в доме Микиты и «триинькает» самодельное зелье.

Да, все складывалось пока так, как предполагал Алексеев. Макса на станционных путях он не застал: тот действительно уже «гостил» у Микиты. Альбертини находился на блок-посту. Увидев Николая, удивленно вскинул брови. Алексеев шел нарочито смело, размашисто, так, как, бывало, ходил до войны.

На тонких подвижных губах Альбертини играла улыбка, глаза темпераментно блестели. Гитлеровец, на-

до отдать ему должное, как и прежде, владел собой. Предупреждая вопрос, уже готовый сорваться с уст Альбертини, Алексеев, улыбнувшись, сказал, что чувствует себя вполне сносно и готов приступить к работе. Альбертини вроде бы поверил этому. Так ведь Николай и впрямь выглядел бодрее, чем утром. Распрямил плечи, да и предстоящая работа придавала силы.

— Ну раз уже выздоровел, то приступай к делу, — сказал Николаю Альбертини. — А я, кстати, схожу к Миките за Максом.

Все эти штучки Альбертини Николай знал хорошо и давно, но ни одним мускулом, ни одной жилкой не дал этого почувствовать.

Встав у стрелок и делая вид, что осматривает их, Николай проследил, куда пошел Альбертини. А тот, сойдя с путей, пересек пустырь и, миновав развалины пристанционных построек, направился к хате Микиты. «Неужели не соврал?» — удивился Алексеев. Но нет, фашист и сейчас оставался верен себе. Николай увидел, что, не дойдя до дома Микиты, Альбертини круто развернулся и скрылся за штабелями шпал и сарайчиками. А еще несколько мгновений спустя его кепи промелькнуло над грудой битого кирпича и пропало за стеной разрушенного пакгауза.

«Следить будет, гад, — решил Николай. — Ну и ладно. Пусть сидит в засаде. Это даже к лучшему. Помешать не успеет, не добежит... Дело свое я сделаю!»

Дело это Алексеев уже представлял вполне ясно. Большая удача, что поблизости нет ни Макса, ни надсмотрщика-нациста. Можно будет без помех выполнить боевое задание подпольной комсомольской организации. Ну а дальше... Дорогу к партизанам Николай знает. Только бы успеть выбраться. Если же бежать не удастся, Альбертини, конечно, выдаст его абверовцам или жандармам. И те, понятно, казнят не сразу, будут пытать. Но от него, Николая, палачи ничего не добьются. Коль суждено ему погибнуть, он примет смерть достойно. Двум смертям не бывать... Говорят, что у времени ход бывает разным, что в томительном ожидании и минуты могут растянуться в часы. В этом Николай убедился, дожидаясь вражеских эшелонов. И все же времени оставалось все меньше и меньше.

Но вот с восточной стороны закурчавились клубы дыма. Приближался эшелон с карателями. И в тот же миг на блок-посту прогудел зуммер, предупреждавший о приближении эшелона, следовавшего через станцию с запада на фронт.

«Ну вот и всё!» — сказал себе Николай. Спокойно, не спеша, будто выполняя самое простое и привычное дело, подошел он к входной стрелке и перевел ее на путь встречного эшелона. Обоим составам полагалась «зеленая улица», ни минуты задержки.

Дальнейшие события развивались стремительно. На полном ходу поезд с пехотой и артиллерией, миновав стрелку, двинулся наперерез вагонам с эсэсовцами. Отбегая от стрелки, Николай увидел Альбертини. Тот во всю прыть бежал навстречу эшелонам, что-то кричал, размахивая руками, подавал сигнал машинистам. Вот он уже выхватил из кармана пистолет, вскинул его и... Оглушающий взрыв, грохот прокатился по станции, по всему поселку. Не успев даже притормозить, эшелон, спешивший к фронту, врезался в поезд с эсэсовцами. Паровоз вздыбило, железо вошло в железо, из тендеров полетел на сотни метров уголь, вагоны разнесло и разбросало в разные стороны. Под обломки угодил и Альбертини, унося с собой в могилу раскрытую им тайну о белорусском стрелочнике Николае Филипповиче Алексееве.

Это событие всполошило всех — и абвер, и жандармерию, и комендатуру, и 201-ю охранную дивизию. Еще догорали разбитые вагоны, еще не всех убитых и раненых вытащили из-под обломков, а расследование уже началось. Были задержаны и допрошены все, кто работал на станции или жил поблизости. Алексеева тоже допросили, с пристрастием, но улик против него не было. Это подтвердил и Макс. Алексеев был болен и находился дома, а за него дежурил сам Альбертини.

Для некоторых осталось тайной, как удалось сохранить жизнь Максу, кто его выручил.

Более суток через Оболь не ходили поезда. Пригнав сюда танки и тягачи, гитлеровцы растаскивали искореженные вагоны, платформы, орудия, расчищали пути, увозили тех, кого только что называли живой силой.

А Николай, докладывая товарищам о выполнении задания, в шутку заметил:

— Со миой вышел редкий, может, н вовсе единственный в историн случай, когда стрелочиика не посчиталн вииоватым...

«ФРИДРИХ» СООБЩАЕТ...

Пакет с приказом из Берлина застал начальннка 318-й абвергруппы капитаиа Рейигольда Шульце не в его витебской резиденции, а в Шумилино. Впрочем, этот совершенно секретиый циркуляр был адресован не только Шульце, ио и командиру 201-й охранной дивизии.

Выдворив подчииенных и оставшись в кабинете одии, капитаи не спеша вскрыл пакет. Как ни настраивался он на спокойиый лад, из этого ничего не получалось. Он разворачивал лист бумаги, а пальцы нервно дрожали, иа лице выступал пот. Шульце казалось, будто в столице рейха уже полиостью осведомлеиы о неудачах и просчетах возглавляемой им группы. В Берлиие, судя по всему, не представляют, что значит воевать в Белоруссии.

«В течение оставшихся дней покоичить с деятельиостью партизанских групп в вашем районе», — гласил первый пуикт приказа. Шульце горько усмехнулся: легко сказать — покоичить... Можно подумать, что он до сих пор ничего не делал, иикаких карательных акций не предпринимал. Но что, однако, дали эти акции? Партизаны смело вступали в бой, а когда силы становились слишком неравиыми, отстреливаясь, уходили в глубь лесов и на болота, а потом появлялись снова, да еще большим числом, чем прежде.

«В течение оставшихся дией...» — повторил Шульце. У него, привыкшего к пуиктуальиости, такая иеопределеииая формулировка поначалу вызвала недоумение. Но, поразмыслив, он все же догадался: оставшиеся дии — это как раз те, что имеются до иачала очередного решающего наступления. Такая догадка подтверждалась следующими пуиктами этого совершенио секретного документа.

Далее строжайше предписывалось принять все меры к полному исключению диверсий и саботажа на железной дороге, стаициях, разъездах, обеспечить беспере-

бойное движение воинских эшелонов на фронт и с фронта.

Шульце потер мочку правого уха, встал, прошелся по кабинету. Потянул ручку двери на себя, проверил, закрыта ли. И снова опустился в кресло, удобно вытянув ноги под столом.

Да, судя по всему, решающего наступления войск фюрера осталось ждать недолго. Скорей бы! Тогда и он, капитан Шульце, вздохнет свободнее, почувствует себя увереннее. А то ведь даже тут, на станции Оболь, за сотни километров от фронта, нет покоя ни днем, ни ночью. Еще не известно, где безопаснее — в действующих частях или в белорусских городах и селах, среди непроходимых лесов.

И капитан сделал для себя неожиданный вывод: леса почти закрыты для немцев. Больше того, появились целые районы, где сохраняется Советская власть. Практически там не ступала нога немецкого солдата.

И разве только партизаны не дают покоя Шульце и его подчиненным? А подпольщики? Уже долгое время вся абвергруппа разыскивает их, но безрезультатно. Шульце убедился: костяк подпольщиков наверняка составляют опытнейшие разведчики. Уж что только абвергруппа не предпринимала, но даже напасть на их след не удалось. Это ставило под угрозу благополучие Шульце и его семьи. Ничего нового «директору» штаба «Валли-3» капитан Шульце доложить не мог. Ему еще в прошлый раз ясно дали понять: если не покончит с обольским подпольем, на своей карьере может поставить крест. И никакие связи тут не помогут. Это Шульце понимал хорошо. Секретное распоряжение о вербовке провокаторов и лазутчиков из числа местных жителей и военнопленных до сих пор не выполнено. Правда, в последние дни удалось кое-что сделать по подготовке отдельных полицаев для засылки к партизанам и подпольщикам. Но об этом Шульце решил пока умолчать. Неизвестно, чем такая попытка увенчается. Докладывать в Берлин капитан прежде времени не собирался, он знал крутой нрав «директора». Тот всегда ждал ощутимых результатов. Шульце надеялся, что хоть одно звено сработает как надо. Но радужным надеждам не суждено было сбыться. Хорошо спланированные, про-

думанные акции лопались, как мыльные пузыри. «Дикий, лапотный народ» (так считал Шульце) не склонился перед великой империей. Вся цивилизованная, интеллигентная Европа встала на колени перед фюрером. А здесь, в Белоруссии, в далеком тылу непобедимых германских войск, — второй фронт. Шульце из школьных учебников даже не помнил ее, Белоруссию. А как воюют! Мертвые и те опасны.

Прервав свои невеселые раздумья, Шульце сел за стол, нажал потайную кнопку звонка. Тут же в кабинет вошел дежурный и, щелкнув каблуками, замер у двери.

— Капитана Зегерса ко мне! — распорядился Шульце.

Дежурный тотчас исчез за дверью.

«Поручу всю вербовку агентов Зегерсу, — решил Шульце. — Пусть возится с ними. Тогда не будет у него времени плести интриги против меня».

Зегерс вошел к Шульце без стука. Это покоробило шефа, однако от замечания он воздержался. Предложил:

— Давайте, Зегерс, еще раз уточним план засылки наших людей к партизанам и подпольщикам.

Сам Шульце этот план знал наизусть. Но мог ли он лишить себя удовольствия еще раз унизить заместителя, поставив его в положение экзаменуемого школяра? Зегерс понял это. «Чертов коротышка, — с ненавистью подумал он о шефе. — Придет мое время — все припомню тебе». Однако внешне Зегерс остался невозмутимым. Вытянувшись перед столом, за которым восседал Шульце, пункт за пунктом изложил все задачи, разработанные для тех, кому предстояло «внедриться» к партизанам и подпольщикам, выявить численность партизанских отрядов и подпольных групп, а также фамилии их руководителей. Неясным оставалось одно, но самое главное: кто и как эти задачи будет выполнять. Своих не пошлешь, дело завалят.

— Людей среди полицаев подобрали? — спросил Шульце.

— Пока нет, — мотнул головой Зегерс. — Я вам еще вчера докладывал: подходящих кандидатур нет. Одни просто-напросто трусливы. Других партизаны уже до-

статочно знают по карательным акциям и поверить им никак не смогут.

— Плохо ищете, — прервал Зегерса Шульце. — Надо действовать активнее. И не останавливайтесь ни перед чем. Надо будет — арестуйте, пригрозите смертной казнью, расстреляйте. В конце концов найдется такой, который для спасения собственной шкуры родную мать продаст. И больше, дорогой Зегерс, не говорите мне, что таких людей нет. Они всегда были и есть. Искать надо.

В ответ Зегерс щелкнул каблуками, вскинул подбородок, давая понять, что указание шефа уяснил и выполнит. А Шульце спросил уже более мягко:

— Когда из рейха прибыли Сметанин и Драгун?

— Вчера, в двадцать три ноль-ноль.

— Где их разместили?

— На «Зеленой», как условились.

— Из местных жителей их кто-нибудь видел?

— Нет. Все было сделано в соответствии с планом.

— О прибытии их доложить «Валли-три»! — распорядился Шульце.

— Уже доложено. — В голосе Зегерса звучали нотки превосходства. — «Валли-три» характеризует Сметанина и Драгуна как весьма перспективных агентов.

— Это мне известно, — небрежно заметил капитан.

— Отъявленные рецидивисты, — между тем ровным голосом продолжал докладывать Зегерс. — В рейхе они уже сидели в концлагере. В тридцать девятом году гестапо выпустило этих бандитов и передало в распоряжение абвера. Лично адмиралу Канарису...

— Господин Зегерс! — вскочив с кресла и побагровев до корней волос, вскричал Шульце. — Господин Зегерс! Я запрещаю вам в моем присутствии непочтительно отзываться о людях, чьи заслуги признаны адмиралом Канарисом.

— Хорошо! Господин капитан! Я считаю своим долгом сообщить вам все известные мне подробности об этих русских агентах. Особенно о Сметанине. Абвер делает на них большую ставку. Не зная способностей агента, вы не сможете правильно поставить перед ним задачу. В случае же невыполнения Сметаниным и Драгуном задания... — Зегерс многозначительно помолчал. — Впрочем, вы сами, господин капитан, знаете, чем все это может кончиться.

— Шульце понял, что здесь он переиграл. Капитан вяло опустился в кресло, проговорил с ленцой:

— Нервы. Нервы, дорогой Зегерс. Уж лучше на фронт, чем в этой дыре... Прошу вас, продолжайте.

— Оба агента особо отличились в акциях по уничтожению русских и других славян в рейхе и Франции. Местные условия и обычаи белорусов знают превосходно.

— Каким образом? — примирительски спросил Шульце, давая понять, что о стычке следует забыть.

— Родители — помещики из здешних мест. А главное — в рейхе прошли отменную подготовку в специальной школе. Изворотливы, быстро ориентируются в любой обстановке, хитры, чрезвычайно коварны и жестоки.

— Ладно, — прервал Шульце Зегерса. — Пусть два дня отдыхают, осваиваются. Непременно поручите им ознакомиться с местностью. Сметанина назначьте в полицию, Драгуна — в охранное. И чтоб легенда выдерживалась от буквы до буквы. Надеюсь, поняли меня? Чтоб и побег к партизанам, и все прочее выглядело вполне достоверно. Если потребуется, то разрешу им, как русские говорят, ликвидировать какого-нибудь раззяву из полицейских. В случае чрезвычайных обстоятельств можно пустить в расход двух-трех полицейских. Но преподнести это надо Сметанину и Драгуну как акт исключительного к ним доверия. Это дело тоже поручаю вам, Зегерс. Под вашу полную ответственность. Всё. Вы свободны.

«И ведь неплохо придумано, — сказал самому себе Шульце, оставшись один. — Надо только сообщить «Валли-три», что операцией непосредственно занялся Зегерс. В случае неудачи шишки на него. А если удача? Тогда напомним, кто операцию задумал, разработал и, наконец, кто, черт возьми, руководил ею!» Шульце хотелось добиться успехов и выйти живым-здоровым из этой мясорубки. «Выжить. Любой ценой, но выжить. Кто останется жить, тот и герой. Надо реально смотреть на вещи. Не упустить случая, чтобы продвинуться по служебной лестнице. Магда, моя Магда постоянно спрашивает, когда же я наконец получу чин майора. Напоминает, что на восточном фронте всякий может отличиться. Эх, Магда, Магда! Правда, ты уже спасала меня пару раз от восточного фронта через своего лю-

бовника, полковника службы имперской безопасности фон Экмана. Но теперь приказ надо выполнять. И Магда не поможет», — говорил Шульце сам себе.

Он поднялся, в задумчивости прошелся по кабинету. Взгляд его остановился на сейфе, куда он спрятал секретную бумагу из Берлина. Меж лопаток у него похолодело. Он вспомнил слова грозного приказа: покончить с партизанами, подпольщиками... «И кто бы мог подумать, что здесь, в глухом, тихом, как ему еще недавно представлялось, краю белорусских лесов, окажется так неспокойно? И что за люди, эти самые белорусы? Ничем их не запугаешь, не устрашишь. Живут под дулами автоматов и пулеметов, но не боятся укрывать подпольщиков, которые действуют дерзко под самым носом у моих сотрудников, причем действуют весьма успешно».

Капитану Шульце, его заместителю капитану Зегерсу и всей их команде, составлявшей 318-ю абвергруппу, и в голову не приходило, что с ними уже много недель ведет незримый поединок не какой-нибудь отряд особого назначения или глубоко законспирированная многочисленная подпольная организация, специально подготовленная, обученная и возглавляемая опытнейшим чекистом, а всего лишь небольшая группа обольских комсомольцев, руководимая восемнадцатилетней Фрузой Зеньковой. Невдомек было специалистам из абвера и то, что некоторые их замыслы по выявлению и захвату партизан становились известны юным патриотам еще до того, как они приводились в действие. И разве мог тот же Шульце со своими подчиненными предположить, что всего через два дня после поступления в 318-ю абвергруппу грозной бумаги из Берлина и после прибытия из рейха двух «перспективных» агентов-провокаторов Обольский подпольный комитет комсомола соберется на заседание, на котором выступит Варкиянов — комиссар партизанского отряда имени Ворошилова.

Заседание это проходило в деревне Ушалы, в доме Зеньковых. Сюда ближе к вечеру по одному, по двое прибыли подпольщики. Кто-то принес гармонь, чтобы в случае чего выдать встречу за обыкновенную вечеринку.

Солнце уже скрылось за лесом. В притихшей, а вернее — в притаившейся деревне — ни души. Будто она и вовсе вымерла. В доме у Зеньковых полумрак. Окна

плотно закрыты льняными занавесками. У простенка меж окнами присели Фруза и Наташа Дорман — секретарь Сиротинского подпольного райкома комсомола. Варкнянов с Володей Езовитовым и Машей Лузгиной примостились у другого простенка. Подальше от окон пристроились Женя Езовитов, Нина Азолина, Николай Алексеев, Зина Портнова и Мария Дементьева. Знакомство времени не заняло. С членами комитета Варкнянов встречался прежде. Об охране он тоже не тревожился. Она была поручена Николаю Зенькову, брату Фрузы, партизану, уже испытанному в боях. Да и кто лучше него мог знать все ходы-выходы?

Еще перед выездом Николая из отряда его тщательно проинструктировал заместитель командира по разведке Тихонов. Тогда же договорились, что к охране дома, где будет проходить заседание подпольного комитета, Николай привлечет своих родителей — Савелия Михайловича и Марфу Александровну.

Отцу Николай определил наблюдательный пункт в палисаднике, матери — на огороде; так была организована охрана «тылов». Сам же, договорившись с родителями о сигналах опасности, расположился на чердаке. Ночью отсюда разглядишь немного, да многое расслышишь. Или взять хотя бы пост в палисаднике. Ничего, что темновато. В деревне нередко затемно приходится управляться по хозяйству. Зато есть и преимущество: вся улица перед глазами. Звякнуло о сруб колодца ведро — слышно, загавкала собачонка — держи ухо востро: кто-то идет!

— Пора начинать, — сказала Наташа. — Слово — Фрузе Зеньковой.

Из-за дощатого стола, накрытого домотканой скатертью, поднялась Фруза. Машинально одернула платье и, приподняв от стола зардевшееся лицо, сказала:

— Я буду краткой. В последнее время наша организация значительно окрепла. Все мы стали взрослее, а значит, опытнее. Начали мы с семи человек, теперь нас более двадцати. Во всех населенных пунктах нашего района хлопцы и девчата готовы воевать с фашистами, но мы их попридерживаем. Это наш боевой резерв. Недавно повстречалась мне одна девушка, просила помочь связаться с партизанами. Хочу, говорит, бить фашистов. Я спрашиваю: а чем бить будешь, кулаками,

что лн? Так она в ответ: автоматом! И что вы думаете? У иее н в самом деле автомат есть. Нашла в лесу и спрятала. Такие факты, коиечно, радуют. Но иельзя забывать о другой стороне дела. После днверснй на железиой дороге гитлеровцы вконец озверелн. Рыщут повсюду, облавы устранвают. И есть сведения, что задумалн подослать к нам н к партнзанам провокаторов. Мы должиы быть готовымн и к этому. Думаю, надо воздержаться от прнема иовых членов, уснлить конспирацию, быть предельно бдительными. И еще иадо, чтобы...

Речь Фрузы прервал сигиал, поданный Савелнем Мнхайловичем.

— Спокойно, — сказал Варкнянов. — Всем оставаться иа местах, прнготовнть оружие.

Володя Езовнтов выскочнл в сенн. Прноткрыв дверь, Савелий Мнхайлович зашептал:

— В деревне появнлся унтер нз охранной, а с иим — двое полицаев.

— Как же вы узналн их? Темно ведь.

— Э-э, сынок... Тех-то, окаянных, я и за сто верст учую. И куда заглянулн — тоже знаю. Во вторую хату от края. Там самогои воднтся. А они до него дюже охочн.

— Спасибо, Савелнй Мнхайлович, у вас отмеиный слух и зреиие отличиое, — сказал Володя. — Не прекращайте наблюдать за ннми.

Варкнянов кнвнул, чтобы продолжали разговор. И когда Фруза закончнла свой доклад, попросил слова.

Говорил комнссар обстоятельно, весомо. Он похвалил комсомольцев за смелость, ниицнатнву, ио предупреднл: после каждой успешно проведениой днверснн вести борьбу с врагом будет трудиее. Фашнсты предпримут все, чтобы найтн и схватить подпольщиков. Ради этого онн пойдут иа любые провокацнн. Значнт, надо решительио воздерживаться от контактов с иензвестиыми лнцами, обо всем подозрительном, иеобычном сразу же сообщать комитету комсомола и командованию отряда.

— Задача иа первый взгляд простая, — продолжал Варкияиов. — Однако можем ли мы совсем отгороднться от наших людей? Можем лн закрыть доступ в свон ряды иастоящим патриотам? Многне честные люди

пытаются наладить с нами связь. Есть среди них и бойцы, из-за ранений отставшие от своих частей. Как не помочь им? А в то же время мы располагаем сведениями: из Германии фашисты привезли сюда своих агентов. Под видом советских бойцов, бежавших из плена, они должны осесть в окрестных деревнях, чтобы потом попытаться внедриться к нам. Так что с выводами спешить не надо, чтобы не спутать, где друг, а где враг.

Тут Савелий Михайлович снова подал сигнал.

— В чем дело? — спросил его выскочивший на крыльцо Володя Езовитов.

— Вышли из хаты, — сообщил Зеньков-старший. — Вон, слышишь, болтают.

— В нашу сторону не свернут?

— А кто их ведает. Кажется, поворачивают оглобли назад. Думаю, сюда не свернут. К ночи пугливыми делаются. Ну а если свернут, Николай заметит. В одну минуту сообщим. Но, считаю, побоятся. Силы-то не ахти.

— А как там «тылы»?

— Старуха на посту, — ответил Савелий Михайлович. — Она у меня как солдат. Пока разводящий не прибудет, с поста ни шагу.

— Спасибо вам!..

Вернувшись в дом, Езовитов доложил:

— Все в порядке.

— Будем заканчивать, товарищи, — сказал Варкнянов. — Наш совет таков: всех, кого за последнее время вы приняли в свою организацию, изучите хорошенько, проверьте в деле. Ну а теперь расходиться. По одному, по двое...

Когда все вышли, Варкнянов обратился к Фрузе:

— Хочу вернуться к нашему разговору. Избегать контактов с незнакомыми людьми надо тоже умело. Совсем быть нелюдимыми негоже. Ведь и это может насторожить. Надо держаться естественно, подозрительности не выказывать. И последняя просьба. Совершенно секретная. Берегите «Фридриха»! При всех обстоятельствах он должен быть у абвера вне подозрений. Помните о том, что на него могут напасть и партизаны. Им-то неизвестно, что он наш друг. Судить будут по мундиру. Словом, оберегать «Фридриха» — ваша задача. Вы его «нашли» — вы за него и в ответе.

Ночь выдалась на редкость тнхая: ни шороха, нн дуновения ветерка. В такой безмятежный час даже не вернлось, что на земле советской полыхает война, льется человеческая кровь, родителн теряют детей, дети — отцов, матерей...

Для Варкиянова и его товарнщей, возвращавшихся со встречи с комсомольцами, такая ночь была не в радость. Тяжким грузом давнла ответственность за юных бойцов. Но удача не обходнла комиссара стороной. Нкем не замеченные, выбрались они из деревнн, так же беспрепятствеино миновали вражескне посты. И вот уже до опушки леса, куда должен прнбыть на встречу с ними партнзаискнй разъезд с оседланиымн лошадьмн, оставалось не более трех-четырех кнлометров.

Казалось бы, еще немного, и можио будет распрямиться, перевести дух, поставить оружие иа предохраннтель. Вдохнуть полной грудью пьянящнй предутреиний воздух, во весь голос обменяться мыслями... Но именио сейчас Варкнянов старался ие думать о скором отдыхе. По опыту, накопленному за месяцы партнзанской борьбы, Борис Кириллович зиал: опасиость подстерегает как раз в те мииуты, когда кажется, что оиа уже мнновала. Комнссар шел теперь особо осторожно, до предела напрягая зреиие и слух.

Предчувствие ие обмануло Варкиянова. Ои первым уловнл близкнй хруст валежиика. Насторожнлись и его спутннкн — Николай Зеиьков и Наташа Дорман. Что это? Кто иаступил на хворостииу? Может, зверь какой? Не похоже.

По зиаку Бориса Кнрилловнча Наташа и Нниколай залегли, приготовнлись к бою. Хруст повторился. На этот раз он был громче. Припав к земле, можио было разглядеть фигуру фашистского солдата, вылезшего из кустов и направлявшегося к дороге, что вела в лес. И тут же в кустах снова зашелестело, оттуда доиесся приглушенный говор.

— Засада, немецкая засада, — шепиул Варкиянов. — Мы находнмся в самом ее центре. Здесь обязательно пройдут фашнсты к свонм машниам. Сейчас засада, навериое, будет снята. Ведь уже светает.

«Хорошо, что мы шлн ие по самой дороге, а рядом, — подумал Борнс Кирнллович. — Иначе бы непремеиио напоролись на эту засаду». Варкняиову вдруг вспомни-

лось: два месяца назад бойцы его отряда здесь же, в придорожных кустах, устраивали засаду, поджидая карателей. А вот теперь сами тут едва не попали в ловушку.

Борис Кириллович огляделся. Местность и впрямь знакомая. Он приказал Наташе и Николаю передвинуться влево, к овражку, и там занять оборону.

Прошло еще несколько минут. И вот в кустах послышалась команда. Из-под валежника, хвороста, лапника стали вылезать гитлеровцы. Потягиваясь, зевая, лениво переговариваясь, они закурили. Некоторые не спеша направились к двум грузовикам, упрятанным за оврагом.

— Их, пожалуй, не меньше взвода наберется, — прикинул Варкиянов.

— Для нас, троих, многовато, — заметил Николай.

— Только бы продержаться до появления нашего разъезда, — сказала Наташа. — Главное, первыми нанести удар.

«Ну и отчаянная дивчина! — в который уж раз подивился Варкиянов храбрости Наташи. — Но выдавать себя до срока не будем».

Мысль комиссара работала напряженно. Он понимал, что разумнее всего избежать схватки, которая оказалась бы слишком неравной. Но что тогда будет с партизанским разъездом, который вот-вот должен прибыть сюда? Можно ли допустить, чтобы на него внезапно обрушился вражеский удар?

Итак, решение принято: вступить в бой!

Гитлеровцы, закинув автоматы за спину и растянувшись в цепочку, не спеша шагали к оврагу. «Вот офицер, вон — второй, — отмечал про себя Варкиянов. — Два офицера — значит, взвод. Многовато все-таки...»

— Николай, — подозвал Зеньдова комиссар. — Видишь солдата с пулеметом? Это твоя цель. Бей без промаха. Офицеров я беру на себя. А ты, Наташа, стреляй по тем, кто к нам поближе. И приготовьте гранаты. У нас пока единственное преимущество — внезапность. К бою!

Комиссар открыл огонь первым. Автоматная очередь оказалась прицельной. Зеньков тоже не промахнулся. Уцелевшие гитлеровцы залегли. Они не могли понять, кто попал в засаду. Не жалея патронов, били наугад, во

все стороны. Некоторые немцы попали под пули своих. Бой грозил затянуться. Но тут подоспел партизанский разъезд, лихие разведчики правильно оценили обстановку и приняли верное решение — ударили по фашистам с тыла. В несколько минут с вражеской засадой было покончено. Лишь некоторым гитлеровцам удалось скрыться. Захватив трофеи — оружие и документы офицеров, — Варкиянов, Зеньков и Дорман вскочили на коней и вместе с разъездом поскакали в глубь леса. Путь им освещали два огромных костра — это догорали вражеские машины.

Получив исчерпывающие инструкции, Сметанин-Загвоздик готовил группу к «побегу» в партизаны. Первый этап операции «Лес», как нарекли ее Шульце и Зегерс, должен был начаться в ночь с 27 на 28 апреля, во время несения им караульной службы. Так как в наряде было четверо и четвертый был для них чужаком, его требовалось ликвидировать. Сделал это Сметанин.

Всем троим, по заранее отработанному абверовцами плану, надлежало без промедления выйти в район Козьянских лесов и с повинной явиться к партизанам. Сметанину-Загвоздику необходимо было завоевать доверие командования отряда и бойцов, для этого попытаться, если не появится реальной возможности, создать соответствующую оперативную обстановку: убить обоих товарищей по «побегу», якобы пытавшихся вернуться в полицию.

Спустя два с половиной часа, все по тому же сценарию Шульце и Зегерса, в полиции была поднята тревога. Причиной тому послужило исчезновение трех полицейских и обнаружение трупа четвертого. Оружия при убитом не оказалось. Поскольку начальник полиции Экерт не был посвящен в операцию «Лес», он немедленно доложил Шульце о чрезвычайном происшествии. Шульце приказал начальнику полиции немедленно прибыть для объяснения.

— Стой! Руки вверх! Бросай оружие! — раздался оклик партизанского дозорного из лесной чащобы. (Команда относилась к Загвоздику и двум его спутникам.)

— Да мы к вам, к партизанам. Ух ты, намаялись как, — заговорил Загвоздик, — пытаясь снять с плеч вещевой мешок.

— Рр-уки! — властно и громко выкрикнул дозорный. — Два шага вправо и не шевелиться.

— Да я хотел мешок снять, все плечи оттянул — патроны, гранаты, — робко, заискивающе оправдывался Загвоздик.

— Сами скажем, когда надо будет, а сейчас стой и не шевелись.

— Хорошо, что встретились, — не унимался Загвоздик. — Сутки на ногах, все время пехом, во рту маковой росинки не было. Погони боялись. След крутили. А кто мы такие, товарищ хороший, так это по нашей форме видно — полицейские. Нам скрывать нечего. Но мы перед Советской властью рук не замарали, хоть и в форме полицейской. Так я говорю, товарищи? — обращаясь к своим спутникам, спрашивал Загвоздик.

— Ладно, ладно, разговорился, — одернул его партизан. — Это мы и сами узнаем — замарали или нет. Ваня! Проверь-ка господ полицейских.

— Ну чего стоишь, как девка красная, ноги шире. Вот так. Ножик зачем? — спрашивал Ваня.

— Дык мы там одного кокнули, своего, на посту.

— Ладно, Ваня, завяжи им глаза, чтоб по лесу не зыркали, — и в штаб. Там разберутся, что это за птицы.

В штабной землянке находился заместитель командира отряда по разведке Тихонов. Он выслушал доклад о задержании трех неизвестных с оружием, запасом патронов и гранат без запалов. Тихонов срочно приказал посыльному вызвать в штаб командира и комиссара, а задержанных под охраной рассредоточить по одному в землянках.

6 мая Зенькова отправляла на боевое задание Марию Лузгину.

— Смотри, Маша, — говорила на прощание Фруза. — Это тебе не с Володей прогулка, а очень ответственное боевое задание подпольного комитета комсомола. От того, как ты с ним справишься, будет зависеть жизнь многих наших товарищей.

— Ну что ты, Фруза! Я ведь не малеиькая, сама поннмаю. Не волнуйся, все будет иормально.

— Ну вот и хорошо. В помощь тебе дать некого. Ты это сама знаешь. У развилки дорог, справа у третьего столба развалившегося забора, подимешь с землн стреляную немецкую гнльзу с запнской — н прямо в лес. Я буду ждать тебя у изогнутой сосны. Как договорнлнсь.

— Нет, Фруза. Сразу к тебе я ие пойду. Прежде осмотрюсь: а вдруг кто-ибудь следить за мной будет?

— Молодец, Машенька! Решила правильио.

В указаииом месте Лузгииа без труда обиаружила гильзу. Конечно, оиа сознавала, что радоваться еще раио, хотя вблнзи никого и не было. Мария поннмала, что враг мог затаиться н поджидать ее в другом, совсем иеожиданиом месте. Поэтому гильзу ие прятала в кармаи или сумку, держала в руке — иаготове. Чуть что, тут же можно отброснть ее в стороиу. Дескать, зиать ничего не знаю, моя хата с краю.

Когда Мария подошла к сосне, Фрузы не увидела. Что бы могло случиться? С опаской глядя по стороиам, Маша, однако, ннчего подозрнтельного не приметила. Но хорошего настроеиия как ие бывало. В созиание стали закрадываться смутные дуриые предчувствня. «Что могло случиться? — в который уж раз спрашивала себя Лузгниа. И тут иеподалеку от изогиутой сосиы заметила Фрузу. Радостиые, оии побежали друг дружке иавстречу.

— Ну как там, Машеиька? Все хорошо?

— Хорошо, хорошо. Вот только о тебе стала беспокоиться.

— А я за тобой наблюдала нз лесу. Мие хорошо была вндна дорога, все твон действия. Ты оглядывалась назад, но делала это умело, иезаметио; нагнбалась, будто зашиуровать ботннкн хотела, а сама поглядывала по стороиам; прошла вдоль опушкн, а потом уже свернула в лес. Молодец, Машеиька! Хорошнй ты конспнратор.

— На держи. — Разжав кулак, Марня протянула гильзу.

Из гильзы извлекли туго свернутую бумажку.

— Ты почитай, а я поиаблюдаю за лесом, — сказала Лузгнна.

В бумажке той чернилами было напнсано:

«28 апреля в один из партизанских отрядов заброшены под видом советских патриотов трое в форме полицейских. Один из них — агент абвера Сметанин, прибывший из Берлина со специальным заданием. Двое других действительно полицейские. По моим данным, эти двое на Сметанина вышли сами. Полицаи будут фигурировать под своими подлинными фамилиями. Кличка агента абвера — Лев, фамилия — Загвоздик. Его приметы: 26—28 лет, рост 181 см, телосложение плотное, сутуловат; шатен, коротко стрижен, лицо продолговатое, нос прямой, брови средние, глаза зеленые, уши большие, подбородок широкий с ямочкой. Особые приметы: над правой бровью тонкий шрам, заметным становится при покраснении лица. Безупречно владеет приемами самбо, отлично стреляет и с правой и с левой руки, мастерски бросает нож, исключительно вынослив, долго может находиться без пищи, воды и сна, не теряя при этом агрессивности и физической силы. Умеет быстро и ненавязчиво приспосабливаться к людям, прекрасно разбирается в человеческих слабостях, наблюдательный и чрезвычайно осторожный. Я был в Полоцке. По прочтении сжечь. Фридрих».

— Маша, у тебя есть спички или кресало?

— Нет, Фруза. У нас и дома давно уже спичек нет.

— Подойди ко мне поближе и постарайся запомнить слово в слово все, что тебе прочту. Я так волнуюсь, что могу что-нибудь упустить, забыть...

Из леса они вышли врозь. Лузгина получила от Фрузы еще одно задание: срочно разыскать Машу Дементьеву и направить ее, если она чувствует себя хоть чуть-чуть лучше, к ней, Зеньковой. Надо срочно передать сообщение «Фридриха» в партизанский отряд. Теперь вся надежда была на партизанскую связную Дементьеву. Фруза не помнит случая, когда бы Дементьева направлялась в отряд с второстепенными заданиями. Всегда они были важные, сверхважные и сверхсрочные: предупредить о готовящейся карательной акции, известить людей о намечающейся облаве, предотвратить арест, спасти от смерти советского человека.

В Ушалах Дементьева появилась вечером. Уставшая, исхудалая, еще не оправившаяся после сильной простуды.

— Машенька, как чувствуешь себя? — обнимая ее и целуя, спрашивала Фруза.

— Вроде бы лучше. Гуляю понемногу. Ходить быстро разучилась, а так ничего. Спасибо, что не забывали, навещали. Мама уж очень рада была.

— Что ты, Машенька, какие могут быть благодарности!

— Фруза, да ты уж говори, не томи. Не зря ведь позвала.

— Маша, милая. Не знаю, с чего и начать. Вижу, что тебе еще лежать надо.

— Нет, Фруза. Лежать мне больше нельзя. И так залежалась. Ходить мне надо. И коль до тебя дошла, жить буду, — улыбнувшись, сказала Дементьева.

— Есть для тебя задание, Маша. Срочное, важное, очень даже важное. А, кроме тебя, выполнить его некому. Не сможет никто, дороги не знает. На тебя одну вся надежда.

— В отряд надо, да?

— Да, Маша, в отряд.

— Я согласна.

— Спасибо, Машенька, до утра ждать никак нельзя. Каждая минута дорога.

— Говори, не будем терять времени понапрасну. К тому же при деле я и поправлюсь скорее.

— Постарайся только хорошо запомнить все, что я тебе буду говорить. Обязательно все надо запомнить.

Через несколько минут Дементьева повторила на память сообщение «Фридриха».

— Умница, Маша! Запомнила все слово в слово. А это тебе с собой, возьми. — И Фруза протянула торбочку с едой.

— Предупреди маму, чтоб не беспокоилась.

— Обязательно предупрежу. Провожу тебя до Глубокой балки, а оттуда зайду к вашим. Да, вот еще что. Возьми-ка мой браунинг. Может, пригодится.

Превозмогая слабость, Маша Дементьева к утру добралась к партизанским постам.

— Стой! — услышала она негромкий голос дозорного.

— Багульник, — изнемогая от усталости, ответила Маша.

— Брусника, — послышался отзыв. — Проходи.

— Одна я не доберусь. Ослабла вконец. Проводите меня в штаб. Постарайтесь пройти так, чтобы никто нас не заметил.

— Хорошо. Савушкин! Остаетесь за старшего. Я в штаб.

— Слушаюсь!

— Маша, что с вами? Вы больны? — обеспокоенно спрашивал комиссар Варкнянов.

— Немножко... Все пройдет... Я от Зеньковой...

— Савушкин, срочно крепкого чаю с малиной и мятой. Огольцов! Пулей за врачом.

— Борис Кириллович, я к вам с важным сообщением. Постарайтесь все запомнить...

Едва Мария закончила свой доклад, в землянку вбежал врач.

— Спасибо тебе, дорогая Маша. Ты и сама не ведаешь, какой совершила подвиг и как ко времени подоспела. — И, кликнув стоящего поодаль Огольцова, приказал: — Срочно позови сюда командира, начальника штаба и заместителя командира по разведке, но чтоб об этом больше никто ничего не знал. — И он приложил палец ко рту.

— Так, так, — оставшись один, рассуждал комиссар. — Видать, Шульце припекло. Ну что ж, операцию «Лес» будем продолжать...

Минут через пять в землянку вошли командир Бестеров, начштаба Тузанов и зам по разведке Тиконов. Варкнянов пересказал им все, что сообщила Маша.

— Судить надо лазутчика! — сказал Бестеров, порывисто вставая с табуретки.

— Погоди, не горячись, — остановил его Варкнянов.

— Чего еще ждать? Пока гад не уполз?

— А почему, собственно, ему надо уползать? — принял сторону комиссара Тиконов. — Ведь не за этим он шел сюда, чтобы сразу убегать. Давайте присядем и рассмотрим эту «приятную» новость под разными углами.

— Ну давай, разведчик, раскладывай свои «углы», — усмешливо бросил командир, усевшись рядом с комиссаром.

— Разложу! — в тон ему ответил Тиконов. И стал излагать свои мысли.

— Итак, вариант первый. Загвоздик судим и казнен. Справедливо? Бесспорно! А дальше что? Абверовцы рано или поздно догадаются, что агент провалился, и попытаются заслать к нам другого, но сделают это тоньше, хитрее. Будет ли у нас в таком случае гарантия, что нам удастся выявить и обезвредить и его?

— Гарантировать это трудно, — согласился командир.

Уловив в глазах товарищей интерес, Тиконов продолжал:

— Теперь вариант второй. Загвоздик остается в отряде и действует вровень со всеми: ходит в секреты, засады, даже в разведку...

— Эка куда хватил! — перебил командир Тиконова. — Так он и со своими хозяевами встречаться начнет, и все данные о нас передаст.

— Ну и что же? В этом мы ему даже поможем. Только дадим ему не то, что он ищет, а то, что сочтем нужным. Информацию о себе для абвера сами подработаем и постараемся, чтобы она попала кому надо.

— Я понял, куда Тиконов клонит! — оживился начальник штаба. — С этим Загвоздиком мы фашистам такое сможем загвоздить!

— Я выставил еще не все «углы», — продолжал Тиконов. — Итак, первое: убежден, что ни сегодня, ни в ближайшем будущем Загвоздик из отряда не уйдет. И в том ничего чрезвычайно опасного для нас нет. Мы-то знаем, что он шпион, а вот он пока не знает о нашей осведомленности. Так надо сделать все, чтобы он и впредь ничего не заподозрил. Теперь второе, и главное. Раскрытый и находящийся под наблюдением шпион наполовину обезврежен. Скажу больше, он даже может быть полезен.

— А ведь ты прав! — заметил командир. — Ну и голова у тебя!

— Но вернемся к делу. Что я предлагаю? Всех троих перебежчиков, как уже якобы прошедших проверку, зачислить в отряд бойцами, но распределить по разным ротам. Будем назначать их пока в дозоры и секреты, но обязательно с нашими товарищами. Только и тут не следует перебарщивать, слишком открыто выказывая

доверне к вчерашиим полнцаям. Загвоздник — отъявленный бандит и, если заподозрит что, ни перед чем не остановится. А любой недобор или перебор он враз учует. Сейчас главная задача — установить, каким образом будет он поддерживать связь со своими хозяевами? Ведь не пришел же он в отряд с рацией? Полагаю, весь расчет Загвоздника — на выход в ближние деревни. Там абверовцы наверняка связников для него приготовили, а может, и посолиднее кого-либо.

— Скорее всего, что так, — кивнул начштаба.

— Так пусть Загвоздник на этих связников выйдет. Под нашим контролем, разумеется. И вот еще что: надо подобрать в «дружки» и «опекуны» Загвозднику надежных хлопцев — двух, трех. Умных, смекалистых, таких, чтобы, не переигрывая, создали ему «условия» для связи и постоянно держали его в поле зрения.

— Подберем, — сказал комиссар. — Есть такие у нас на примете. Думаю, начать стоит с одного, а по ходу операции «Лес-два» можно вводить новых. Но вот вопрос: допустим, Загвоздик к нам «внедрился» и наладил связь со своими, ну а дальше что? Снабжать его дезинформацией? Надолго ли этого хватит? Не лучше ли использовать его раз-два, но для самого главного?

— Что, комиссар, имеешь в виду? — спросил Варкиянова командир. — Уж не мост ли?

— Угадал.

— Резонно! Но такое дело еще обмозговать надо, рассмотреть, как говорит главный разведчик, под всеми углами. А пока скажи, кого Загвозднику в «опекуны» прочишь?

— Думаю, лучше Павла Губаря никто для этой роли не подойдет.

— Ты, комиссар, никак, мои мысли прочитал? — изумился Бестеров. — Я тоже о Губаре подумал. А что ты скажешь, начштаба?

— Кандидатура подходящая.

— Добре. Потолкуем с Павлом сегодня же. Только не здесь, а где-нибудь в затишке.

Павла Губаря в отряде звали еще Губой. Он на это не обижался, потому как сам же дал повод к такому прозвищу. А все получилось так. Еще в дни, когда от-

ряд только сколачивался и бойцы, знакомясь друг с другом поближе, рассказывали о себе всякие истории, зашел разговор о том, кто, где и как встретил войну. Когда об этом спросили Павла, то он, человек характера открытого, общительного, остался верен себе. Широко улыбнувшись, признался:

— Война застала меня, братки, знаете где? На губе!

— Как это — на губе? — не понял Яковец, в прошлом колхозный счетовод, так и не призванный в армию по причине «стопроцентного плоскостопия».

Другие бойцы тоже попросили разъяснения.

— Так вы не знаете, что такое губа? — удивился Павел. — Сразу видно, что действительную не служили. Губа — это гауптвахта. Понятно?

— А за что же ты туда угодил?

— Из-за любви, — ответил Губарь и, уловив недоумение товарищей, пояснил: — Приглянулась мне одна девушка. В увольнении встречался с ней. А пятнадцатого июня, аккурат за неделю до войны, уезжала она на все лето в Ленинград. Ну я, понятно, дал слово проводить ее. День-то был воскресный. Но с утра приказ: в увольнение — никого! Как быть? Махнул я в самоволку. Да неудачно — на патрулей нарвался. Ротный наш был строг — десять суток выдал, на всю катушку отмотал, значит. Срок свой я, сами понимаете, не отсидел. На седьмые сутки война. Так я с губы прямо в бой. А потом окружение, ранение и все такое прочее...

— Вот, выходит, какая у тебя, Губарь, губа получилась! — не без ехидства заметил Яковец. — Фамилии твоей соответствует.

С того разговора и прилипло к Павлу прозвище. Новые бойцы, пополнявшие отряд, принимали это прозвище за фамилию. А из-за того что войну Павел встретил на гауптвахте, некоторые считали его человеком, не ладившим с дисциплиной. Да он и сам не больно-то старался это опровергнуть. Перед начальством не заискивал, в спорах с товарищами порой был горяч. А главное — его находчивость нередко смыкалась с откровенным озорством, за что ему не раз доставалось от комиссара. Правда, иные проделки Павла потом долго вспоминались в отряде, веселили бойцов.

Был с ним такой случай. Получив приказ схватить и доставить в партизанский лагерь старосту, чрезмерно

усердствовавшего в сборе продовольствия «для иужд германской армии», Павел устроил для сельчан н партизан сущнй спектакль. Выждав, нарочно зашел в хату к старосте, когда тот сел щец похлебать. Зашел спокойиенько, точно в гости. Староста, увидев партизаиа, обомлел, с места двинуться не мог. А Павел отведал из чугуна щей н, убедившнсь, что оии ие слишком горячи, иадел чугунок старосте иа голову. Надел прочио, так, чтоб края посудины в плечи уперлись. Потом поднял это жнвое чучело нз-за стола, взял под руку, вывел иа улицу и, не торопясь, прошелся с ним на виду у всего села.

Так и доставил Губарь старосту в отряд. На диковнику поглядеть сбежались все. Хохот поднялся такой, что птиц спугиул. Даже Варкияиов ие удержался от смеха. Но после все же спросил Павла:

— Зачем спектакль устроил?

— Чтобы ои, гад, иашн тропки ие увидел. Ему же положеио глаза завязать, а мие платок марать не хотелось. Да и вести эту погань в таком вот футляре сподручнее. И захочет — ие убежит.

«Спектакль», затеяниый Губарем, продолжался. Его второе действне началось, когда попробовали освободить голову старосты от «футляра». То ли голова у иего распухла, то ли чугунок засел иа ней столь плотно... В общем, как ии тяиули посудниу, как ее ии крутили — не снималась. И тут, коиечио, многие поспешнли с советами. Кто-то предложил кувалдой разбить чугуиок (вместе с башкой предателя, разумеется), а кто-то посоветовал поступить еще проще — оторвать этот чугуиок вместе с башкой. Коичнлось дело тем, что партизанам пришлось расколоть чугуиок на голове старосты.

А что «выдал» Губарь во время налета на небольшой фашистский гарриизои! Поиачалу действовал со всемн. А после, когда одни гнтлеровцы былн перебиты, а другне бежалн, вдруг отстал и вериулся в отряд с опоздаиием. Получнв за это нагоняй, оправдываться не пытался. Лншь позже, н не от самого Губаря, а от жителей села узиали в отряде истиниую прнчниу его «еднноличиого» поведеиия. Вот как было дело.

Когда фашистский гарннзои был разгромлен, снял Губарь внсевший там портрет фюрера и иавесил на дверцу уборной. А в качестве протнвовеса прнстроил на

внутренней стороне дверцы пару граиат-лимоиок. С таким расчетом, что, если потянуть портрет, — кольца из запалов наверняка вырвет.

И что получилось? На другой день в гарнизон вернулись фашисты. Прибыло и абверовское начальство. Увидев портрет фюрера в непотребном месте, разъярилось. Под гневными взглядами самые усердные фашисты кинулись снимать портрет. И тут обе лимонки так рванули, что всех разнесло.

Вот каким был Павел Губарь, или, как его прозвали, Губа! Храбрым, смекалистым. И еще — рисковым сверх меры, за что и получал от старших, особенно от комиссара, всякие внушения. Но именно комиссар более всего и ценил Павла. Потому что за лихостью его разглядел острый ум, проницательность, способность точно рассчитывать каждый шаг. Так кому же еще было поручить «шефство» над Загвоздиком, как не этому с виду не очень дисциплинированному бойцу?

И верно. Павел сразу же схватил суть задачи, которую перед ним поставили. Правда, и тут не обошелся без шутки:

— Друзей у меня много. А вот со шпионом «дружить» не доводилось. Но коль нужно для дела — «подружимся», повоем в две глотки.

Первая боевая задача, которую «доверили» Загвоздику, была не из трудных. Вместе с пожилым неразговорчивым партизаном Олешкевичем с рассвета и до заката пробыл он на посту в непосредственной близости к лагерю. И следующую ночь на этом посту вместе с Олешкевичем пробыл Загвоздик. В полдень, когда оба они уже отдохнули, комиссар спросил Олешкевича, как новичок несс службу.

— Нормально, — ответил тот.

— Ну коль нормально, то поручим ему что-нибудь потруднее, — сказал комиссар. — Молодой, выдержит.

Комиссар о своем обещании не забыл. Через ночь Загвоздика отрядили на охрану партизанской тропы вдали от лагеря — у выхода из леса. А в старшие определили Павла Губаря. С ним Загвоздик почувствовал себя вольнее, нежели с замкнутым и в службе суровым Олешкевичем. Павел на Загвоздика исподлобья не глядел. А когда оба залегли в низком, густо разросшемся

ельннке, окаймлявшем лесиую опушку, Губарь предложил сторожить тропу поочередно.

— Как это? — не понял Загвоздик.

— А очень просто. Пока ты ведешь наблюденне, я дремлю. А через пару часов меияемся. Ну как? Согласен?

— Ладно лн это будет? — засомневался Загвоздик. — А вдруг — проверка? Что тогда?

— А ннчего. На то ты н в секрете, чтобы все и всех вндеть, а тебя никто. Разумеешь? А во-вторых, если кто н нагрянет, глаза открыть всегда успеешь. Самое главиое, чтобы ие усиуть. Тогда нам хаиа. Крышка, брат.

— Ну ладио, — согласился Загвоздик. — Пусть будет по-твоему.

— Добре. Так ты, Тереха, первым и дрыхни. Смотрн только, ие храпн. Ночью все за версту слышио.

Два часа, мннута в мниуту, бодрствовал Губарь, всматрнваясь в ночную темень. Потом растолкал дремавшего Загвоздика н, иказав ему глядеть в оба, растянулся под низко иавнсшнми еловыми ветвямн. Его дыхаиие стало ровиым н редкнм, как у крепко спящего человека. Даже еслн бы Загвозднк придвннулся к Павлу вплотную, навряд лн заподозрнл бы его в притворстве.

Павел же, бесспорно, обладал артистическим даром. Не перенгрывал, спящего изображал вполие натурально. А слух его был чуток, улавливал каждый шелест. И задумай Загвозднк что-лнбо сотворить — Губарь бы засек это.

Но Загвозднк иичего не сотворнл н той относительиой свободой в действнях, что предоставил ему не слишком днсцнплнинрованиый иапаринк, даже ие попытался воспользоваться. Так потом Павел н доложил заместителю командира отряда по разведке.

— Вндно, очень уж хнтер этот паразнт, — заключил свой доклад Губарь. — Ннчем себя ие выдал. Даже меиьше разговарнвать стал, вся его бойкость пропала. Натянут пока он.

— А ты думал, что он с первого раза выкажет себя? Разве и он тебя ие проверяет? Короче говоря, продолжай действовать, как обусловлено. Главное, держнсь с инм естествеино, во сне памятуя, что это твой жестокий враг, от которого можио ждать чего угодио.

Через неделю Загвоздика иазначили иа охраиу лагеря в паре с «Савой» — Иваиом Рубцовым. Лишь на вторую неделю в старшие ему опять далн Губаря. Павел встретил его уже по-свойски. Обрадовался, похлопал по плечу. Ну а порядок службы в секрете устаиовнл прежний: одни начеку, другой — дремлет. Попеременио. И так — до прнбытня смеиы.

А докладывать иачальиику разведки было не о чем.

— Может, следует придумать что-то другое? — предложил Павел. — Послать, скажем, Загвоздика в деревню вроде бы как иа разведку.

— Рано еще. Он ие поверит такому скорому доверию с нашей стороиы. Это лишь насторожнт его. Лучше повторим ваше дежурство в секрете. Только попробуй ему дать еще больше простора. Предложи, скажем, подежурнть за тебя...

И Павел придумал. «Простор» Загвозднку предоставил самый шнрокий. Только онн залегли в секрет на всю ночь, Губарь зашептал:

— Ты, Тереха, вижу, свой парень, друга ие выдашь. Потому прошу тебя — выручн!

— А чем?

— Давай-ка эту иочь пополам поделнм. Двух часов-то мне ие хватнт. Я, поиимаешь, хочу к одиой девахе спикнровать. Отсюда недалеко. Но пока дойду до хаты, пока сюла вериусь, ие уложусь в два часа. Ведь н у иее побыть надо хоть сколь-иибудь. Зато как вернусь — будешь дрыхнуть до утра. Лады?

— Лады-то лады, да только что скажу я, еслн с проверкой нагряиут?

— За это ие ручаюсь. Нагрянуть могут. Такое бывало. Тогда суда ие миновать... Рнскну. Ты, главиое, будь человеком, не проболтайся. А то комиссар и без того ко мне цепляется. Говорит, боец ты храбрый, ио дисцнплниу ие уважаешь. А чего ее уважать-то? Я уж лучше себя буду уважать. Хоть н война, а годы свои молодые мне терять охоты нет.

Пообещав еще Загвоздику трофейиый пистолет, Павел уговорил-таки его скоротать полиочи в одиночестве. Но неведомо было шпиоиу, что в этом же ельиике затаились партизаиы. Они были иачеку, от них не укрылось ни одио движеиие Загвозднка. А с поста он все-таки ушел.

Как только Губарь скрылся за ближайшими кустами, Загвоздик подиялся из своего укрытия и шагнул в темеиь ночи.

«Желторотик, меия провести вздумал. Не таких асов в Париже иа тот свет пускали», — скрипя зубами, шептал Загвоздик.

...Губарь подошел к дому своей «девахи», а спустя миииуту в семи-восьми метрах от него за углом хлева замер Загвоздик и стал наблюдать, что же будет дальше.

Дверь иа условный стук открыла молодая жеищина, Загвоздик это определил по голосу.

Задерживаться смысла не имело. Загвоздик засек время и пустился в обратиый путь.

Возвратился Павел от «девахи», как и обещал, ко времеии. Размягчеиный, ободреииый, прошептал, дыша сивушным перегаром:

— Ну и деваха попалась, скажу я тебе, Тереха! Пламень! Кабы не войиа — ей-ей, жеиился бы. Первача хочешь? Это оиа для тебя дала. Гляди — целую флягу иацедила.

— Спасибо. На службе не пью, еще мама возбраияла, — размииая ноги, ответил Загвоздик и потянулся к часам.

— Делу учила твоя мама. Ну да ладно, после выпьем. И чесночком закусим. Тогда никто не догадается.

К полудию в штабиой землянке собралось комаидоваиие. Зам по разведке доложил: трижды Загвоздику предоставлялась свобода действий, но он воспользовался этой возможностью только сегодия: проверил, куда ходил Губарь. Наблюдеиие провел в высшей степеии коиспиративио.

— Думаю, со дия на деиь последуют и другие действия, должеи хозяевам дать зиать о себе, — сказал комаидир. — Может, у него имеются связники в отряде.

— Пока не выявлены, проверяем, — заявил Тикоиов. — Загвоздик активен, много общается с бойцами. Порой излишне скромен, а порой бравирует. То ли ждет чего, то ли заметил что-то ие стыкующееся у иас.

— А как те двое, его попутчики? — спросил Бестеров.

— Нормальио. Ничего подозрительиого, я бы даже сказал, ведут себя вполие сносио.

— Так что же будем делать? Очевидно, надо подумать, как активизировать его действия?

— Резонно, — вставил любимое словечко командира начальник штаба. — Резонно. Пусть Губарь повторит свой «визит» к подружке. Да пусть еще ненароком выболтает Загвоздику что-нибудь. Ну, к примеру, что нам надо пополнить боеприпасы и командование готовит налет на Восинский гарнизон.

— Собственно говоря, тут уже не болтовней, а предательством попахивает. Мы ведь действительно заканчиваем разработку плана налета на этот гарнизон, — констатировал зам по разведке.

— Но в этом плане мы предусмотрели возможные варианты, в том числе и участие в нем Загвоздика. Вся суть операции «Лес-два» будет сводиться к широкой дезинформации противника. Если, конечно, Загвоздик к тому времени наладит связь с Шульце. Словом, план командиром утвержден, детали будут корректироваться в ходе операции, — проговорил начштаба.

— Как мы заметили, главным в этом звене является связь Загвоздика с Шульце, — подытожил командир. — Нам это чрезвычайно важно.

На другой день, ближе к вечеру, Павел отозвал Загвоздика в сторонку и спросил:

— Ты никому не проболтался, что я ночью в деревню бегал?

— Еще чего выдумал!

— Я почему спросил — знаешь? А потому, что начальство распорядилось в караул меня. Отсюда в деревню не сбегаешь. Такое схлопочешь, что и жить не захочется. Хорошо, что комвзвода оказался рядом. Вообще-то служба везде не мед. Зато во внешней охране в деревню сгонять можно. Сегодня я ее позарез увидеть должен. Когда еще такой случай выпадет? Скоро, мне тут один друг шепнул, в Восино двинем, фрицев да бобиков-полицаев твоих колошматить.

— Почему же моих? — обиделся Загвоздик.

— Да ты не сердись. Я это так, по привычке. А на то, что ты в полицаях прежде ходил, мне наплевать. Мне важно, каким человек стал сегодня, а не каким был вчера.

С наступлением сумерек Павел и Загвоздик снова затаились в секрете, и все на том же месте. Дождавшись темноты, Губарь шепнул:

— Ну, брат Тереха, я пошел к Ольге.

— Давай, дуй, — отозвался Загвоздик, — только аккуратнее и не задерживайся слишком. Бережeного бог бережет.

Оставшись один, Загвоздик с полчаса лежал недвижимо. А потом...

Наконец-то приспело дело и разведчикам, что укрылись поблизости. Загвоздик оставил «насиженное» место, выполз из ельника и, низко пригибаясь, побежал по полю, прямиком в деревню Зеленый Луг.

Утром зам по разведке в штабной землянке докладывал:

— До деревни Загвоздик добрался за тридцать минут. Обратно — быстрее. Двигался осторожно, изредка останавливался, прислушивался. В деревне не плутал, шел, видно, по известному адресу. Направился прямо к хате Алексютовича. Дверь ему открыли сразу. Вышел из хаты через десять минут.

— Значит, к Алексютовичу наведывался? — переспросил Варкиянов. — Сюрприз! Мы этого типа чуть в отряд не зачислили. Не знаю, что нас от этого удержало. Мне лично не по душе пришлась его угодливость.

— В отряд не приняли, а на заметку взяли, и это хорошо, — сказал командир. — Значит, не ошиблись. Партизанским судом его судить будем. Правда, придется покуда повременить.

— Придется, — согласно кивнул начштаба. — Надо познакомиться с ним поближе. Подызучить малость. Не исключено, что Загвоздик постучится туда еще.

— Постучится, говоришь? Я думаю, что, может, и не постучится, — сказал командир. — Хорошо, если бы он убедился, что мы поверили ему до конца. Возьмем-ка его в рейд на Восино. Сдается мне, что Загвоздик о нем уже предупредил хозяев через Алексютовича. А те, понятное дело, позаботятся, чтобы нас прихлопнуть.

«*Апостолу.* Внедрение идет по плану. Первая стадия проверки пройдена. Допущен к охране партизанской базы. Установил контакт с партизаном Павлом Губарем. Активно изучаю его с целью использования в на-

ших планах. В ночь на 26 мая 1942 года вышел на связь с Алексютовичем. Алексютович трус. Связь с ним прекращаю. Прошу инструкции через «дупло» лесника.

От Губаря стало известно, что в ближайшие две недели (сроки сообщу дополнительно) партизанами планируется нападение на гарнизон Восино. У партизан ощущается недостаток в боеприпасах. Прошу изучить Ольгу — подругу Губаря. Дом, где она живет, известен Алексютовичу.

Тщательно проверьте вскрытие упаковки этого донесения. *Лев*».

«*Директору штаба «Валли-3» Геллеру*. Почтительнейше докладываю: в ночь на 26 мая сего года известный вам агент Лев вышел на личную связь с Алексютовичем. Лев сообщает, что внедрение идет по плану. Первая стадия проверки пройдена. Допущен к охране партизанской базы. Установил контакт с партизаном Павлом Губарем. Активно проверяет Губаря с целью использования в наших планах. В отряде ощущается нехватка боеприпасов. В ближайшие две недели (точные сроки будут сообщены дополнительно) партизаны планируют нападение на воинский гарнизон Восино. Мною разработан план захвата партизан в районе Восино с помощью 201-й охранной дивизии. Прошу вашей санкции. Преданный фюреру и вам капитан *Шульце*».

Спустя несколько дней, под вечер, Губарь отозвал в сторонку Загвоздика и по секрету сообщил ему: давай, Тереха, готовься к походу.

— Ты что меня разыгрываешь, к какому еще походу? В Восино, что ли?

— Нет, не в Восино. Восино само собой, — ответил Губарь. — Пойдем на «железку». Паровозик или там эшелончик с фашистами ковырнуть надо. Понимаешь, немцы полотно сузили, подогнали под свои вагоны, а теперь прут к фронту технику.

— Вот как! — неопределенно сказал Загвоздик.

— Дело тонкое, сложное, а главное, нам чертовски повезло. Включили нас в состав группы подрывников вместо раненых ребят.

— Ну что ж, рвать так рвать, чтоб чертям на том свете тошно стало. По правде сказать, я рад, хотя по-

нятия не имею, что там мне делать придется. Но это настоящая, мужская работа, а то все охрана до охрана, — выказывая радость, заговорил Загвоздик. — Руки чешутся по настоящему делу. Понимаешь, Губа? Чешутся.

— Чего же не понять? Понимаю. А работа, думаю, найдется, раз берут. Дело в том, что я тоже иду с подрывниками впервые. Нас ведь целая группа, человек пять. Там, знаешь, асы. Дело свое с завязанными глазами делают. Ребята что надо. Одним словом, готовься, — похлопывая Загвоздика по плечу, наставлял Губарь. — Откровенно скажу тебе, давно мечтал попасть к подрывникам. Но вот как тебя включили, понять не могу. Я, конечно, не против, ты это знаешь, я даже рад, что рядом будешь.

— Можешь не сомневаться, доверие оправдаю. Если увидишь комиссара или начштаба, так и скажи: Загвоздик костьми ляжет, а доверие командования оправдает.

— А чего мне говорить, сам возьми да и скажи. Языка не имеешь, что ли?

Через два дня группа подрывников из пяти человек собралась в землянке начальника штаба для инструктажа. В группу кроме Губаря и Загвоздика вошли Иван Рубцов, Петр Игнатенко и Николай Подоляко. На боевом счету этих трех подрывников уже было по два вражеских эшелона, пущенных под откос, и по нескольку взорванных автомашин. Профессия разведчика-подрывника только-только зарождалась в партизанских отрядах, но уже тогда можно было сказать о ее перспективности.

Инструктаж был предельно кратким, так как все вопросы, связанные с выходом на «железку», заранее продуманы и проработаны до деталей. Скорее всего, цель этого инструктажа заключалась в том, чтобы познакомить друг с другом подрывников и в первую очередь — с Терентием Загвоздиком. Всю эту предварительную операцию начальник штаба провел очень тонко, и она не вызвала у Загвоздика никаких подозрений.

На третьи сутки группа вышла к намеченному участку железной дороги. Подоляко, Губарь и Загвоздик входили в группу охраны, их задача заключалась в обеспечении безопасности Рубцова и Игнатенко. А тем пред-

стояло быстро и незаметно проникнуть к полотну железной дороги, заложить мину натяжного действия, закрепить ее, тщательно замаскировать, проверить шнур и так же скрытно отползти в укрытие, затаиться там и терпеливо ждать поезда. Но не успел Рубцов замаскировать мину, как послышался перестук колес приближающегося поезда.

Узкой полоской среди леса в ночи видится просека, куда убегают рельсы. Оттуда, где они, кажется, сходятся с небом, вот-вот должен вынырнуть вражеский эшелон. Приложив еще раз к рельсу ухо, Рубцов с каждой секундой все отчетливее слышит нарастающее гудение рельсов. Сомнений нет, поезд идет без зажженных фонарей, с несколько замедленной скоростью. С одной стороны, это небезопасно, с другой — маскировка соблюдается. Конечно, плохо, что идет медленно. Но все-таки успели, ждать не пришлось. Подрывники знают: с высокой и крутой насыпи под откос можно пустить даже поезд, идущий на всех парах.

Место, где затаились подрывники, с большой натяжкой можно назвать укрытием, но все же оно на некотором удалении от железной дороги. Явственно слышится пыхтение паровоза, из его трубы в низкое черное небо порой взлетают фонтанчики искр. Идет поезд.

Еще несколько метров — и под колесами паровоза забилось пламя. Взрыв эхом прокатился в лесной чащобе. Паровоз, всей своей тяжестью кроша и выворачивая шпалы, колесами зарывался в насыпь. Передние и задние вагоны сошли с рельсов, а два из них завалились набок.

Ночную тишину разрывали пулеметные, автоматные и винтовочные выстрелы. Слышались короткие команды и крики солдатни. В сторону леса светляками летели трассирующие пули.

Командование отряда успех группы Рубцова отметило приказом. Похвалил комиссар и Загвоздика.

Все получили сутки отдыха. Распорядок дня в эти сутки их не касался. Можно было спать, читать книги, чинить одежду, обувь. Одним словом, это было их личное время. Следующие сутки для Загвоздика и Губаря начались с обычного наряда: надлежало охранять дальние подступы к лагерю.

— Учтите, — сказал тогда комиссар Загвоздику, — я надеюсь на вас. Губарь боец неплохой, да только выдержки ему не всегда хватает. Если начнет выкрутасы — одерните немедля. Вы все-таки действительную отслужили, командиром отделения были. Так, кажется?

— Так точно, — спохватившись, ответил Загвоздик.

Комиссарская похвала и обрадовала Загвоздика, и насторожила. Неужели Варкияиов что-то заподозрил в поведении Губаря? А может, все это игра?

Встреча с Павлом вернула Загвоздику равновесие, успокоила его. Узнав, что им обоим снова идти в секрет, Павел обрадовался.

— Хорошо, когда идешь на пост со своим парнем, можно сказать, с другом, — говорил он Терентию. — Тогда и служба не в тягость, и дела свои можно делать. Ты, Тереха, меня понимаешь? Махну-ка я к Ольге. Небось, заждалась девка...

— Ох, домахаешься ты, Губа, с этой девкой! — ворчливо заметил Загвоздик.

— А чего время терять? Фрицы сюда не сунутся. А со случайным ты и один справишься. Продержишь на «мушке» до моего прихода, а там разберемся. Хочешь, найду тебе дивчину? Подружка есть, моя говорила...

— Нет, мне не до женщин, прежние грехи искупать надо!

— А разве не искупил? Разве тебя обошли в чем?

— Нет, не обошли. Так вот я и должен эту веру оправдывать. В общем, ты меня не соблазняй. Сам — как хочешь. А я с поста не уйду.

С поста, однако, ушел Загвоздик и в эту ночь. Все повторилось по прежнему «сценарию». После того как Губарь «махнул к своей», Загвоздик выждал минут двадцать, а затем выполз из ельника и, крадучись, ежеминутно озираясь, добрался до дупла лесника. Этот вариант (связь через тайник) был отработан Шульце как один из запасных. Загвоздика это подкупало тем, что до дупла вдвое ближе, меньше вероятность встретиться с партизанами. Ну а кроме того, Загвоздик с первой встречи возненавидел Алексютовича.

Для бойцов партизанского отряда имени Ворошилова новый маршрут Загвоздика оказался пренеприятной неожиданностью, и дело у них чуть-чуть не закончилось провалом. Только по чистой случайности Загвоз-

дик, потерянный специальным нарядом, снова оказался в поле их зрения, пройдя в двух шагах от притаившегося Рубцова.

Загвоздик уверенно приближался к бывшей усадьбе лесника. Но, не дойдя каких-нибудь сорока—пятидесяти метров, круто развернулся и двинулся вправо. В потемках безошибочно отыскал нужное дерево, подтянулся на руках и легко вскочил на него. Из дупла извлек какой-то пакет, тут же разорвал его, положил в левый боковой карман пиджака увесистый предмет, а что-то легкое поспешно сунул в карман брюк. Так же ловко запихнул в дупло легкий сверток вместе с разорванным пакетом. Соскочил с дерева и тем же маршрутом вернулся на пост.

После его ухода разведчики обнаружили в дупле донесение на имя Апостола и пустой разорванный бумажный пакет. Удалось снять копию с донесения шпиона, оригинал же был возвращен на место. В условленное время от Ольги должен был вернуться Губарь. Павлу на этот раз у Ольги делать было нечего. Через некоторое время он определил, что Загвоздик за ним в деревню не пошел. Значит, по какой-то причине не рискнул идти и к Алексютовичу. Что же заставило его оставаться на месте? Это обстоятельство настораживало. Тянуть Павел не стал и скрытно, с другой стороны, подошел к месту секрета. Оставшееся время он решил понаблюдать за поведением Загвоздика. Хоть и странно, но тот был на месте, вел себя как обычно, ничем не привлекая внимания. Когда сквозь ветки елей стала пробиваться полоска рассвета, Губарь заметил, что Загвоздик разглядывал или читал какую-то бумагу. Время так называемой самоволки уже подходило к концу. Павел вернулся на пост без опозданий. Загвоздик, отмечал Губарь, был в хорошем настроении, похвалил Павла за точность и, сославшись на усталость, попросил разрешения вздремнуть.

На следующий день утром Тиконов доложил о результатах разведки.

— Весьма похоже на то, что Загвоздик после так называемой акклиматизации начинает действовать, — высказал свое предположение начштаба.

— Видимо, так и есть, — согласился Тиконов. — По-

слушайте, что сообщает Сметаннн-Загвозднк Апостолу-Шульце:

«В ночь на 3 июня 1942 года на железнодорожном участке Полоцк — Внтебск был взорван воннскнй эшелон с мотопехотой. Эта акцня проведена группой подрывннков, в которую входнлн: известный вам Павел Губарь, я, Подоляко, Игнатенко н Рубцов. Непосредственные нсполннтелн Рубцов н Игнатенко.

Отряд постоянно пополняется новымн бойцамн. Партнзаны вооружены автоматамн, вннтовкамн, карабннамн, пулеметамн н даже двумя мннометамн.

Командованню партизанского отряда стало нзвестно, что гарннзон в Воснно прнведен в боевую готовность, усилены посты охраны, дополннтельно построены два дзота, замнннрованы подходы к гарннзону с южной стороны. Точная дата нападення на гарннзон пока не установлена. Полагаю, срокн будут оттянуты.

Счнтаю необходнмым напомннть об ускореннн внедрения в отряд Драгуна.

Мне стало нзвестно через партизана Ляпушкнна, что северо-восточнее «нашего» отряда, в пятн — восьмн кнлометрах, находнтся база еще одного отряда. Точное место днслокацнн, название отряда, фамнлнн командного состава устанавлнваю.

Со стороны командовання н рядовых партнзан недоверня к себе не замечаю. Прошу срочных ннструкций. *Лев*».

— Товарнщн! Обращаю ваше вниманне на некоторые места нз сообщення Льва, — ровным голосом начал команднр. — Первое. Пока ннформацня протнвннку ндет по нужному нам руслу. Второе. Мы не нмеем права просмотреть Драгуна. Предлагаю не ждать, когда Драгун появнтся в отряде, а нскать его всемн доступнымн способами. И третье. Кто такой Ляпушкнн? Этнм вопросом прндется заняться тебе, Павел Павловнч. — Бестеров обернулся к сндевшему рядом Тнконову. Как это делать, постнгай на ходу. Но помни, время не ждет. Еслн Ляпушкнн просто болтун, растолкуй ему, что надо держать язык за зубамн; еслн же сволочь — накажем его. Самое главное, однако, впередн. Сегодня, сейчас меня как командира беспоконт другое: что нзъял нз дупла Загвозднк? где он спрятал посылку и спрятал

ли? кому она адресована и что написано в инструкции? — Командир обвел спокойным взглядом присутствующих и мягко спросил: — Может, есть предложения?

— Кое-что делается, Виктор Иванович, но об этом говорить пока рано, — заметил Тихонов. — Надо обождать немного. Люди работают.

— Ну что ж, и то ладно. Раз что-то делается, значит, на месте не топчемся. Но ты меня, Павел Павлович, все же держи в курсе.

— А как же, Виктор Иванович. Иначе и быть не может.

— Тогда с этим вопросом, будем считать, тоже разобрались. Последнее — это мост! — раздельно и даже с некоторой торжественностью произнес командир. — На очереди у нас мост.

Железнодорожный мост, стальная ферма которого круто горбилась над рекою с округлым и мягким именем Оболь, до сей поры был для партизан целью недоступной. За многие месяцы боевых действий отряд истребил около двухсот вражеских солдат и офицеров, уничтожил десятки автомашин, пустил под откос шесть эшелонов. Но Большой мост, как нарекли его местные жители, оставался невредимым. Дважды пытались партизаны подобраться к нему — и безуспешно. С восточного берега хода к мосту не было — там к самой насыпи подступало непролазное болото.

Не было возможности выйти к мосту и по западному берегу — крутому, всхолмленному. Там фашисты укрепились так, что разве только артиллерией и возьмешь. По обеим сторонам насыпи, в которую упиралась мостовая ферма, они понаставили мин, а на буграх и в самой насыпи соорудили дзоты. Куда не сунешься — враз под перекрестный огонь угодишь.

Командир, комиссар, начштаба и зам по разведке не час и не два просидели над схемой охраны злополучного моста: с большим трудом и великим риском удалось добыть ее партизанским разведчикам. Однако конкретного решения принять не удавалось. Получалось как по известной поговорке: «Куда ни кинь — все клин». А тем временем по мосту продолжали громыхать вражеские эшелоны, спешившие к фронту.

Раздосадованные неудачами, партизаны не раз пробовали подрывать железнодорожный путь в трех-четырех километрах от моста. В большинстве случаев это удавалось. И тогда летели под откос составы с живой силой и техникой противника. На несколько часов, а то и на сутки прерывалось движение на всей магистрали. Но потом фашисты путь восстанавливали, расчищали его от обгоревших, искромсанных вагонов и платформ.

Если бы удалось поднять на воздух мост, движение вражеских эшелонов приостановилось бы, и надолго.

Такое дело пока представлялось партизанскому командованию лишь мечтой, но из планов не исключалось. Что ж, партизаны тоже любили мечтать. Однако теперь, когда в отряде появился Загвоздик, которого вместе с его абверовским начальством можно было попытаться ввести в заблуждение, или, попросту говоря, оставить в дураках, мысль о подрыве Большого моста обрела очертания вполне реальной, хотя, конечно, чрезвычайно сложной задачи.

Обсуждалась она со всей тщательностью. Были рассмотрены все возможные варианты, но в основе каждого лежала одна идея: вынудить гитлеровцев, используя их же агента Загвоздика, изменить систему охраны моста, так чтобы это было выгодно партизанам.

После всестороннего обсуждения каждой детали, после скрупулезного взвешивания всех «за» и «против» решение приняли. Осуществлялось оно под завесой строгой секретности, которая, однако, временами с определенной целью приоткрывалась глазу вражеского лазутчика.

Уже четыре недели минуло с той поры, как в партизанском отряде появились перебежчики — Терентий Загвоздик, Иван Драч и Алексей Заглядько. К ним понемногу привыкли, их перестали корить за прошлое. Драч и Заглядько служили исправно, старались искупить свою вину. И все же иной раз они ловили на себе косые взгляды бойцов, особенно тех, что помоложе. Люди зрелые, успевшие познать жизнь в разных ее изгибах и изломах, относились к бывшим полицаям несколько проще, без явного недружелюбия, но и без особых симпатий.

17

Павел Губарь, хоть и молод годами был, обстановку улавливал своим природным умом правильно. Общаясь с перебежчиками, своему общительному, дружелюбному нраву не изменял. А Загвоздика и вовсе взял под особое покровительство. И когда бойцы спрашивали его, что он возится «с этим самым, который из полицаев», он объяснял, что сочувствует ему как хлопцу, хлебнувшему горя по самые ноздри.

Потому и не приходилось удивляться, что и Загвоздик тянулся к Павлу Губарю. Правда, с некоторых пор стал он искать расположения и Кати Таранец, делавшей в санчасти отряда всю черную работу. И хотя особой симпатии к Терентию Катя не выказывала, совсем его не отталкивала. Ей, женщине внешности не броской, выглядевшей старше своих тридцати лет, было приятно внимание такого «видного из себя» мужчины, каким казался ей Загвоздик. К тому же в своих ухаживаниях Терентий границ не переступал, был услужлив, охотно брался носить ей воду из ручья, что протекал неподалеку. Рядом густой орешник, а напрямки, рукой подать, — и дупло... В общем, дело сложилось так, что свое свободное время Загвоздик коротал в обществе Губаря или Кати.

Однажды в обеденный час Павел и Терентий пристроились с котелками на песчаном бугорке у тропинки, протоpенной к штабной землянке. Мимо них скорым шагом, с озабоченными лицами прошли трое — Варкиянов, Тихонов и какой-то старик в резиновых сапогах с подвернутыми голенищами. Всех троих Загвоздик засек боковым зрением, сделав между тем вид, будто целиком поглощен едой.

Губарь тоже заметил их. И скрывать этого не стал. Наоборот, проводив их взглядом, тихонько присвистнул и незло выругался:

— Вот те на! Принесла нелегкая этого водяного! Теперь, значит, про село забудь, готовься комарье кормить.

— Ты о чем? — спросил Загвоздик, отрываясь от котелка.

— А ты не видел, что ль, кто сейчас с комиссаром и главным нашим разведчиком прошагал? Нет? Так вот — сам дед Устин!

— Кто же он такой?

— Дед Устин? Он, скажу я тебе, истинный водяной. Раньше-то лесником был. Так он, должно быть, еще тогда все тутошние болота облазил. Лучшего проводника во всей округе не сыскать. Фашисты усадьбу его сожгли, над дочерью надругались, а после убили ее... И уж раз он прибыл сюда, значит, быть нам болотными солдатами. Сдается мне, что мы вскорости опять к «железке» подадимся, рвать ее будем, черт меня подерн, в клочья. Вот это работа!

— С чего ты это взял?

— Ты, видно, края здешние еще мало знаешь. Где самые большие болота, где самая трясина? У железной дороги! Особенно у Большого моста. Там без верного провожатого... Только шагнешь — затянет по уши.

В два часа ночи связной разбудил начальника штаба, комиссара и передал приказ срочно прибыть к командиру.

Хотя и успели поспать не более часа, сон прошел сразу, без разминок и потягиваний. Спустя минуту были на ногах.

Ночь встретила сыростью и прохладой. Как и вчера, как и многие месяцы назад, могуче шумел бор. Стояли, где положено, часовые.

В командирской землянке было светло — непривычно после кромешной темени. Под низким бревенчатым потолком, затянутым пятнистыми немецкими плащ-палатками, висела восьмилинейная лампа. Фитиль, умело очищенный от нагара, горел ровным пламенем. Из-за абажура, приспособленного от фары «опель-адмирала», струился мягкий свет. За добротно сколоченным дощатым столом, вдоль которого тянулись две широкие лавки, сидел заместитель командира по разведке Тихонов. Напротив, подперев кулаком узкий подбородок и опустив глаза долу, устроился командир, сосредоточенно читал что-то. Расселись без приглашений. Понимали: без причины командир будить не станет.

Виктор Иванович оторвался от бумаги. Секунду-другую подумал, а потом сказал:

— Давай, Павел Павлович, докладывай.

Тихонов взял листок и ровным голосом начал читать:

«Льву. Через Алексютовича ваше донесение получено. Упаковка в порядке. Приветствуем ваш первоначальный успех и надеемся на его закрепление.

Считаем необходимым установить точное место «вашей» дислокации. (Составьте схему и привяжите к местности.) Укажите пофамильно командный состав и количество бойцов, вооружение, порядок и систему охраны (днем и ночью), скрытные подходы к базе, минные заграждения (если таковые имеются).

Добивайтесь доверия Губаря, подбирайте других для наших целей. Подготовьте убийство (для закрепления вашей благонадежности) Драча и Заглядько. Составьте план ликвидации командования отряда. С этой целью вам передан браунинг с тремя обоймами, пули которых обработаны специальным ядом. Через некоторое время получите мину с часовым механизмом повышенной разрушительной силы. Ольга — лицо реальное.

Вам объявил благодарность Геллер, присоединяюсь и я, уверен в нашем успехе. *Апостол».*

— Как видите, товарищи, — сказал командир, — все это уложилось на четвертушке страницы. А сколько наворочено! Расхлебать бы...

— Вот тебе и на, — вставил комиссар. — Действительно апостолово послание.

— Да-а! Подумать есть над чем, — согласился начштаба.

— Ну что ж, Павел Павлович, прочитай-ка заодно и послание Апостолу, только не от Матфея, а от Льва, то бишь Загвоздика.

Тихонов зачитал короткое донесение Льва:

«Апостолу. Материал получен. Приступаю к реализации. Благодарю за поздравления. Три часа назад на базе появился некий дед Устин (бывший лесник). Известно, что он досконально знает здешнюю местность, особенно — непроходимые болота. К немцам дюже лют. Партизаны готовят нападение на железную дорогу в районе Большого моста. Нападение на Восино временно откладывается. Для отвода глаз ухаживаю за санитаркой Екатериной Таранец. *Лев».*

— Все, Павел Павлович?

— Пока все, Виктор Иванович, — подкручивая фитиль в лампе, сказал Тихонов.

— Ну, во-первых, мне хочется сказать тебе, Павел Павлович, спасибо. Раскрутил ты эту пружину, как настоящий чекист. И людей подобрал достойных, и расставил их так, что лучше не придумаешь. Все четко, организованно, — продолжал командир. — Пока все материалы от апостолов и львов идут через дупло, то бишь через нас. Это хорошо. Но ведь не исключено, что кое-что может пройти и мимо? А?

— Не исключено, — кивнул Тиконов.

— А можно ли исключить такую возможность для Загвоздика? — спросил начштаба.

— Думаю, что практически такой возможности, притом стопроцентной, нет, — ответил зам по разведке. — И дело вовсе не в умении, а в том, что кругом лес, Лев ходит на задания, общается с людьми. Не откажешь Загвоздику и в умении держаться. Общительный, собранный, может сыграть под простачка, этакого рубаху-парня. Все это что-то да значит. Каждому не скажешь, кто он и что. Вон Катя, из санчасти, попривыкла уже к нему. А ведь человек она хороший, преданный нашему делу. Да и другие...

— Вот еще, товарищи, что надо решить, и незамедлительно. Что делать будем с браунингом? На войне оружие для каждого привычно. Однако подумаю об отравленных пулях — дрожь пробирает. А как ты, комиссар, смотришь на такие штучки?

— Да что уж тут говорить, Виктор Иванович. Скверно смотрю на это.

— А ведь скоро и мина появится, — заметил начштаба.

— Что верно, то верно, — опять заговорил командир. — А там еще Драгун... Ну ладно. Теперь всем спать. Утром жду конкретных предложений. А ты, Павел Павлович, подумай все же, как пули в браунинге обезвредить.

— Где там спать. Ночь прошла уже. Скоро подъем, — сказал Тиконов. А насчет пуль что-нибудь придумаем.

Командир достал часы, щелкнул крышкой, посмотрел на циферблат.

— Можете спать еще по два часа пятнадцать минут. Спокойной ночи, товарищи! — Погасил лампу и, не раздеваясь, лег на топчан.

В ту ночь Шульце доносил директору штаба «Валли-3» Геллеру:

«Считаю себя обязанным доложить, что от агента Льва поступило доиесение о появлеиии у партизан деда Устина. Этому бывшему леснику, доскоиальио знающему окрестности, предназначается роль проводиика диверсиоиных групп через сильно заболоченные участки, считающиеся у местных жителей абсолютно непроходимыми. Есть предположение, что партизаны будут готовить диверсию на железнодорожной магистрали (возможно, вблизи моста через реку Оболь). Преданный фюреру и вам капитан *Шульце*».

Перед ужииом все свободные от наряда и заданий партизаны пошли в баию. За шутками-прибаутками, за анекдотами незаметно пролетело время.

Ужин прошел оргаиизованно и быстро. Некоторые бойцы уходили в наряд, на другие задания. Все было расписаио по часам и мииутам. Каждый зиал, что от иего требуется, что должеи делать, где быть.

Павел Губарь оказался «провидцем». После ужииа, когда Загвоздик вновь вошел в роль добровольного помощника санитарки Кати, за ним прибежал посыльный нз штаба и велел поспешить к иачальству.

У штабной землянки Загвоздик встретил Губаря и еще четырех бойцов отделения, командиром которого числился Павел. Сюда же подошел заместитель командира отряда по разведке Тикоиов. Задача, которую он поставил вызваииым в штаб, казалась иесложной: доставить важный груз в райои, расположениый иа значительном удалении от лагеря.

— Действовать ие спеша, но четко, — добавил Тиконов. — Ииаче не успеем вериуться в лагерь к утру.

Грузом, о котором сказал Тиконов, оказались довольно увесистые вещмешки, набитые брикетами, по форме напомииавшими кирпичи. Пристраивая на спиму мешок, Загвоздик чуткими пальцами ощупал содержимое. «Похоже, что толовые шашки», — подумал он.

Точно такой груз взвалили на плечи остальные. Только у Тикоиова в противогазиой сумке было другое — что-то завернутое в ветошь. «Скорее всего — запалы», — решил Загвоздик.

Путь, по которому Тиконов повел группу, дорогой нли даже тропой назвать было нельзя. Казалось, в этих

местах вообще не ступала нога человека. Приходилось продираться сквозь такие дебри, где каждый шаг стоил большого труда.

За два часа пути даже Губарь, сильный и выносливый, выбился из сил. Наконец Тиконов разрешил сделать привал. Бойцы тотчас освободились от груза, присели. Самый молодой из них вслух посетовал, что из-за спешных сборов никто не догадался прихватить фляжку с водой.

— Потерпите малость, — сказал Тиконов. — Скоро воды будет с избытком.

Терпеть жажду и вправду пришлось недолго. Вскоре после привала вышли к ручью. Напившись, двинулись вдоль берега, спустились в низину, где под ногами захлюпала болотная жижа, вокруг зазвенели стайки комаров, видимость упала до двух-трех метров.

Шагая следом за Павлом, Загвоздик разглядывал груз, мерно покачивавшийся за его широкими плечами. То был рюкзак, старый, потертый, с разлохматившимися лямками. Клапан одного из кармашков держался лишь на нескольких нитках и болтался из стороны в сторону. Загвоздик даже разглядел на нем пятно, похожее на чернильное. Наверное, до войны с этим рюкзаком ходил в турпоходы какой-нибудь школьник из старших классов. Правда, Загвоздика занимал не школьный рюкзак, а его содержимое. Куда несут этот груз, для каких целей — вот что его терзало.

Грунт под ногами стал совсем топким. Чтоб не увязнуть и не попасть в трясину, пришлось подтянуться друг к другу вплотную. Опорой и щупом каждому служил березовый шест.

Одолев болото, поднялись на взгорок, поросший редким сосняком. Там опять устроили привал. Тиконов сказал, что идти осталось недолго. Однако пришлось снова спускаться в болото. С трудом добрались они до островка, густо поросшего кустарником. Там ждали комиссар Варкиянов и три бойца из команды подрывников. И еще Загвоздик увидел деда Устина. Прислушиваясь к разговору Варкиянова с Тиконовым, Терентий понял, что комиссар со своей группой прибыл сюда часом раньше. За это время они сделали немало: соорудили в кустах шалаш, отрыли яму да еще заготовили

впрок жердниы, чтобы безопаснее было ходнть по болоту.

Груз, доставлеииый группой Тнконова,Варкняиов велел уложить поаккуратиее в яму, плотно выстланиую ветками. Тут Загвозднк еще раз ощупал содержнмое мешка. Сомнений быть не могло: на островок, окружеиный болотом, доставлеи заряд, обладавшнй, судя по всему, очеиь большой взрывиой снлой.

Прежде чем двиниуться в обратный путь, Тиконов разрешнл бойцам иемиого отдохнуть. Губарь растянулся меж кустов. Его примеру последовали остальиые. Расслабнв натружеиное тело, Загвоздик в то же время до предела иапряг память, закрепляя в ней прнметы пройдениого путн. Что ж, случнсь ему возвращаться в лагерь одиому — плутать не стаиет. Но вот где иаходится островок, иа который доставлеи столь важиый груз, — понять трудиее. Мыслеиио представив карту районa, которую ои в деталях нзучил н запомиил перед «побегом» из полиции, Загвоздик не мог даже прнблизительио определить, где иаходится.

Загадка разрешилась виезапио н притом очеиь просто. Чуткнм слухом Загвоздик уловил отдалениый шум, который, быстро нарастая, перешел в перестук колес, сопровождаемый пыхтеиьем паровоза. Выходит, поблизостн железная дорога! Только подумал об этом Загвоздик, как шум поезда обратнлся в гулкнй грохот. Теперь ясио: состав вышел иа мост. А мост во всей округе один — Большой.

Попрощавшись с комиссаром, дедом Устииом и подрывинками, Тикоиов повел свою группу обратио. Пройдениый налегке, без отягощавшего плечи груза, путь этот показался куда короче. В лагерь вериулнсь до восхода солнца, промокшие до ниткн, усталые.

— Сейчас бы помыться в самую пору, — говорили бойцы.

Тиконов по просьбе Губаря разрешил группе отправиться к ручью и там привестн себя в порядок. Когда уже подходилн к ручью, Павла нагнал Загвозднк.

— Губа, я забегу к Кате, можно?

— Можио. Давай, Тереха. — И, хлопиув его по плечу, крнкиул вдогонку: — Желаю удачи!

«*Апостолу*. Группа партизан в количестве четырех человек, в которую входил и я, во главе с заместителем командира отряда по разведке Тиконовым сегодня ночью доставила взрывчатое вещество (скорее всего, тол) в район Большого моста. ВВ укрыто на болоте в яме. Там видел комиссара отряда Варкиянова и проводника Устина, а также трех подрывников.

Учитывая, что до настоящего времени Большой мост с восточного берега реки, где подступы к нему из-за болота считались недоступными для диверсии, охранялся только дозорами, считаю необходимым срочно усилить охрану и на том участке. *Лев*».

Тем, кто ходил вместе с Тиконовым в столь трудный поход, разрешили отдыхать весь день. Не тревожили их и ночью. Но к полудню лагерь пришел в движение — партизаны готовились к маршу и бою. Отделенные и взводные командиры проверяли у бойцов оружие и экипировку. Отдельной группой собрались минеры. С ними занялся командир отряда. Туда же подошел и вездесущий дед Устин. Прутиком он вычерчивал на песке схему (Загвоздик, находившийся поодаль, разглядеть ее не смог).

Чем же было вызвано такое оживление в лагере? Что замыслило партизанское командование? Виктор Колесник, командир взвода, в котором Губарь числился отделенным, на второстепенные вопросы, заданные Губарем в присутствии Загвоздика, ничего толком не ответил. Губарь лишь констатировал:

— Понял, Тереха, готовится боевая операция. — Правда, чуть поколебавшись, доверительно добавил: — Такой крупной операции в отряде еще не было!

Проверив у Губаря и Загвоздика оружие и снаряжение, взводный сказал:

— Отдыхайте покуда!

Это «покуда» растянулось до вечера. А вечером Губаря вместе с другими взводными и отделенными вызвали в штаб. Возвратился он оттуда с видом человека, которого унизили да обделили. Отозвав Загвоздика в сторонку, поделился обидой:

— Как другу, скажу тебе, братка Тереха, что рад буду уйти в другой отряд. Затирают меня здесь, к делу настоящему не допускают. Варкиянов сейчас опять ска-

зал: твои, Губарь, храбрость и находчивость без настоящей дисциплины стоят недорого. И что в итоге получилось? Всем — воевать, а нам с тобою да еще некоторым в жмурки играть.

— В какие жмурки? Не пойму я что-то, Губа, тебя.

— Сейчас, Тереха, поймешь. Уж тебе-то я все выложу. Тем более что скоро это ни для кого не будет тайной. Так вот, слушай и мотай на ус. Задумало командование не этой ночью, а следующей взорвать Большой мост. Здорово, да? Раньше дважды пробовали — вернулись не солоно хлебавши. А почему? Все потому, что к мосту с запада лезли. Но черта с два туда подойдешь. Там, знаешь ли, немцы такого наворочали! И дзоты поставили, и проволоку, и мин понатыкали. Теперь же командование поумнело — решило с восточного берега действовать. Немцы нас не ждут оттуда. Там же болота с трясиной — до самой насыпи. И шагу не сделаешь — сгинешь. Это если без провожатого. Но провожатый нынче у нас имеется — дед Устин. Вот и берется по болотам провести. Правда, немногих — одних лишь подрывников. А нам больше и не нужно. Подрывники вложат в мост свою начинку, и назад уже не по болоту, а прямо по рельсам. Пройдут километра полтора и там, у разбитой будки путевого обходчика, почти весь отряд встретит и прикроет их.

— К чему же так много — почти весь отряд?

— А к тому, что наши хлопцы, которые в подрывниках, как только уложат в мост свой заряд, будут ждать поезда, с фрицами малость поиграют: стрельнут из автоматов и по рельсам ходу дадут. Ну фрицы, понятное дело, всполошатся, преследование начнут. А у будки их засада и встретит. Уж им тогда не до моста будет. Здорово придумано?

— Здорово, если все так и получится.

— Ты что же, сомневаешься в успехе?

— Нет, конечно. Только вот думаю: что, если немцы заметят подрывников еще на подходе к мосту?

— Не должны, Тереха, заметить. Об этом как раз нам с тобой и придется позаботиться. Нам, видишь ли, тоже дело определили. Только я, скажу тебе откровенно, считаю его липовым. Мы, как решил командир, должны выйти к мосту с западного берега и там раньше всех тоже шумнуть, чтоб немец заволновался и

стрелять начал из своих дзотов. Тогда и мы поддадим иемиого. В общем, задачу определнлн нам, скажу прямо, пустяковую. Оттого-то н обндно. Сам посудн: все будут драться по-иастоящему, а нам с тобой иадлежнт быть, как сказал Варкнянов, в группе отвлекающего маиевра.

— Отвлекающнй маневр тоже важен, — вставнл Загвоздик, чтоб продолжнть с Губарем разговор.

— Знаю, что важен. Так не о том же речь. Просто обидно, что к самому главному меня не подпускают. Хотел на подрывиика поучнться — отказали, заявнлн, что выдержкн ие нмею. Взводным командир отряда решнл меня иазначнть — опять же комнссар воспротивнлся, сказал, что с дисцнплнной не лажу. Да и сейчас, знаешь, что он при всех сказал? Губарю самое подходящее дело — пошуметь перед немцамн, отвлечь нх вниманне от восточного берега, чтоб там легче было главное делать. Слышь, Тереха, там будет главное! Я иачал было спорить, так Варкнянов мне пригрознл: «Будешь пререкаться, — вообще отстраню от операции, назначу дедамн комаидовать, которые тут, в лагере, останутся. Ну да ладно, хватит об этом, — продолжал Губарь уже не так горячо. — Чего уж душу себе травнть. Завалюсь-ка я, пока нечего делать, в иаш шалаш, подрыхну с запасцем. А вообще-то я, знаешь, Тереха, что сейчас хотел бы? К мнлахе своей заявнться в гости. Жаль, далековато она. Тебе-то, брат, проще, у тебя Катя, счнтай, под боком. Не зиаю, правда, что там у вас слажнвается...

— Вот хорошо, Павел, что ты о ией мне напомнил. Я же обещал ей вечерком заглянуть. Воды иатаскать н все такое прочее.

— Ну так дуй к ней, пока труба не занграла...

Губарь, зевая, полез в шалаш. Загвоздик же, прнгладив расческой льняные прядн, поспешнл к саичасти.

«*Апостолу*. В ночь иа 22 нюия партизаиамн иамечена операция по уничтоженню Большого моста. Эта операцня, как удалось выяснить, заключается в следующем. Первоиачально иезначнтельная группа партизаи во главе с Павлом Губарем (в ее состав включен и я) выйдет к зоие охраны моста на западном берегу и своими действиями постарается отвлечь иа себя вииманне

часовых, дозорных и пулеметчиков в дзотах. Тем временем на восточном берегу группа подрывников с помощью проводника Устина преодолеет болото, которое до последнего времени мы считали непроходимым, и, выйдя к мосту, уложит в основание его фермы мощный подрывной заряд. Охрана моста, обнаружив партизан, пойдет на преследование. Партизаны будут отходить в сторону разрушенной будки путевого обходчика, куда должны подойти их основные силы. На время операции, запланированной партизанами, их базовый лагерь остается под охраной малочисленной группы стариков, раненых и женщин. *Лев*».

Изучая донесения Льва, Шульце от радости потирал руки. Еще бы! Было отчего. Уж на этот раз, черт побери, прикидывал капитан и так и сяк, все выходило как нельзя лучше. На этот раз ему, капитану Шульце, а не выскочке Зегерсу, по берлинским протекциям попавшему к нему заместителем, достанутся почести и награды. Он докажет этим берлинским лизоблюдам, что значит воевать в Белоруссии. Здесь хуже фронта. Здесь не один и не два фронта, здесь кругом фронт.

Немного поостыв, Шульце стал обдумывать донесение...

«Директору штаба «Валли-3» Геллеру. Агент Лев доносит, что в ночь на 22 июня партизанами намечена операция по уничтожению Большого моста. Одновременно они планируют заманить наши охранные подразделения в ловушку. К месту операции доставлена взрывчатка.

Для предотвращения взрыва Большого моста и уничтожения партизан предлагаю на ваше рассмотрение следующий план.

1. Часть охраны моста перевести на восточный берег. Там она устроит засаду для захвата группы партизанских подрывников.

2. Для уничтожения основных сил партизан, которые сосредоточатся у бывшей будки путевого обходчика, мы должны устроить засаду. С этой целью мной будут привлечены минометчики из охранной дивизии и спецкоманда полевой жандармерии.

3. Совершить внезапный налет на лагерь, использовав две роты 201-й охранной дивизии и наиболее преданные нам наличные силы местной полиции.

Полагаю, что сил и средств, выделенных в мое распоряжение, вполне достаточно для успешного осуществления всех намеченных мною контрмер. О завершении операции по ликвидации отряда партизан и уничтожению их базового лагеря доложу незамедлительно. Прошу вашей санкции. Преданный фюреру и вам капитан *Шульце*».

Уже совсем стемнело, когда Загвоздик возвратился от Кати, вполз в шалаш, где отдыхали Губарь и другие бойцы.

— Это ты, Тереха? — сонным голосом окликнул Павел. — Долго же ты, однако, с этой Катей! И чего в ней нашел? Тоже мне краля...

— Так ведь на безрыбье и рак рыба.

— Тоже верно. Ну хватит трепаться, спать давай.

В это время Тихонов в штабной землянке докладывал:

— Расставшись с Катей Таранец, он пошел к шалашу своего отделения кружным путем.

— Через орешник, значит? — уточнил начштаба.

— Да. Там задержался. Дело в том, товарищи, что Загвоздик в орешнике оборудовал неплохой тайничок. При каждой оказии его совершенствует.

— Не для мины ли? — спросил командир.

— Вполне возможно, — ответил Тихонов.

— Выходит, рыбка клюнула? — усмехнулся командир. — Как полагаешь?

— Похоже на то, — согласился Павел Павлович.

— А ты как думаешь, старшой? — повернулся командир к начальнику штаба.

— Не сомневаюсь. Уверен даже в большем: приняв от Загвоздика донесение, этот самый Шульце не удержится от соблазна, чтобы одновременно с засадами на восточном берегу реки организовать и нападение непосредственно на наш лагерь. Наверняка пошлет своих егерей лес прочесывать. Поэтому считаю необходимым усилить пулеметами группу, подготовленную для прикрытия лагеря.

— Значит, предлагаешь и тут, на подходе к лагерю, устроить фашистам засаду?

— Это необходимо. Они сами так и просят встретить их пышками.

— Добре, — согласился командир. — На том и порешим. Меня же более всего беспокоит вот что: сумеют ли подрывники пройти по кромке западного берега? Там немцы наверняка особенно густо мины понаставили.

— Первыми туда пойдут минеры, — ответил начштаба. — Специалисты они опытные, толковые, все — армейской выучки. Да и Губарь со своей группой неподалеку будет, под шум, что они устроят, подрывники все сделают основательно.

— Добре! — заключил командир. — Ну а теперь всем отдыхать. Я же малость еще поработаю.

Оставшись один, командир смежил веки. Если бы кто увидел его в это время, подумал бы, что он дремлет. На самом же деле мысль командира работала напряженно. Он снова и снова проигрывал предстоящую операцию. Что сделают фашисты исходя из донесений своего агента? Ну конечно же поспешат сами устроить засады. Одну — у разбитой будки путевого обходчика; другую — у самого моста, чтоб схватить подрывников, как только те выберутся из болота. А чем должны ответить им партизаны? Гитлеровцев, которые будут ждать появления подрывников, надо подержать в этом ожидании как можно дольше. Для этого нужно, чтобы ребята, засевшие у другого края трясины, погромче пошуровали жердинами по воде, создали соответствующий фон.

А как быть с фашистами, которые окружат разбитую будку? Надо опередить врага, прийти к будке загодя и потом самих же гитлеровцев взять в плотное кольцо.

Первое слово — за Павлом Губарем. Это ему вызывать огонь на себя, прикрывая подрывников, которые вдоль западного берега пойдут к мосту. А еще Губарю и Подоляко придется держать на прицеле Загвоздика, чтоб не выкинул чего-нибудь. Вот уж и впрямь досталась Павлу задача!

Кажется, предусмотрено всё, все детали учтены. Но ведь может возникнуть и непредвиденное. Тогда каж-

дой группе придется действовать по обстановке. И, значит, правильно решили, что все группы возглавят представители командования. С подрывниками пойдет комиссар. У хлопцев, которым поручено «шуметь» на болоте, старшим будет Тиконов. Группу, что прикроет подход к лагерю, возглавит начштаба: ему, кадровому командиру, это с руки. Ну а командир отряда возьмет под свое начало всех, кто будет окружать и громить вражескую засаду у разбитой будки путевого обходчика.

По распоряжению командира побудку в это утро сделали на час позже. Зато когда объявили «подъем», лагерь стал походить на потревоженный муравейник. Бойцы, собираясь в поход, сновали от шалаша к шалашу, от землянки к землянке, скликали друзей, подшучивали. Потом разбирали оружие, снаряжение, строились. Сперва — поотделенно, потом — повзводно.

За час до обеда лагерь стал пустеть. Первыми покинули его подрывники, чуть позже — остальные.

— А мы чего тут торчим? — спросил Губаря Загвоздик.

— Нам, Тереха, не к спеху, — объяснил Павел. — Всем болотами топать, а нам — посуху. Так что давай, братка, опять залезай в шалаш и сном запасайся. Для солдата, если начальство его не беспокоит, это, скажу тебе, самое пользительное времяпрепровождение.

Загвоздика уже сутки, а точнее, с того самого часа, как он узнал о готовящейся операции, терзала одна мысль: как бы покончить с партизанами одним махом? Правда, на этот счет он пока не успел получить соответствующих инструкций, но донесение Апостолу ушло. Сходил туда, дупло пусто. Значит, связной забрал пакет. Как ни старался Загвоздик проследить за выемкой его донесений из дупла, так ни разу и не смог. То группа партизан на задание шла — помешала, то подвижной дозор, то время не позволяло.

«Ну если и не всех прихлопнуть, то уж группу Губаря, Драча и Заглядько — обязательно. Поперек горла они у меня сидят», — скрипел зубами Загвоздик и крепче сжимал под мышкой браунинг.

Думать-то думал, но вслух произнес другое:

— Я воевать хочу, врага громить, понимаешь ли это, Губа? А ты меня спать укладываешь. Разве это дело — спать, когда товарищи, может быть, кровь проливают.

— Да успокойся, чего разошелся, Тереха? Будем воевать, будем фашистов бить так, что и перья не полетят. Знаешь, так аккуратненько. Ты думаешь, что мы забыли о тысячах замученных фашистами людей? Или о спаленных дотла селах, о повешенных стариках, женщинах, детях? Земля наша советская горела и гореть будет под ногами оккупантов. В этом можешь быть уверен.

— Ты меня не так понял, Губа. Я тоже хочу беспощадно уничтожать врага. Мстить за убитых. — У меня тоже все нутро горит ненавистью...

— Ну а коли так, значит, и выяснять нечего. Спать не хочешь, так полежи. Отпустил бы тебя к твоей Катерине, да уже поздно. Она тоже ушла. Не догонишь.

— Как ушла? — встрепенулся Загвоздик, будто ожегся. — Она же мне ничего не сказала.

— Понятное дело. Не сказала, значит, сама не знала, что пойдет.

— А ты-то, друг называешься. Сам, выходит, все знал, а мне ни слова. Конспираторы...

— Да ничего я не знал. Случайно увидел ее в строю, а точнее — на телеге, при ней сумка санитарная была. Не стал говорить тебе, чтобы не расстраивать.

— Ну ладно. Может, еще и свидимся с Катькой, а может, и нет. Бой ведь впереди, кто кого.

— Понятно, Тереха. Не на прогулку собрались. Видел, сколько раненых в санчасти? Ну так вот, были и убитые.

Загвоздик притих, потянулся на нарах, закрыл глаза. Сейчас мыслями он был далеко — в кабинете Шульце: «Успел ли капитан отреагировать на мое последнее донесение? Должно быть, успел. Наверное, сейчас поднял на ноги всех, отдает приказы, распоряжения. Человек он энергичный, предприимчивый. Времени зря не упустит. Но ведь и я парень не промах. Не будь меня — немцам ни за что не сладить бы с партизанами».

Вспомнилось Загвоздику, как на прощанье Шульце протянул ему маленькую ампулку в серебряной, с позолотой, пудреннице. Загвоздик и сейчас видит эту сценку.

— Цианистый... Так, на всякий случай, если пытать начнут... возьмите...

— Не беспокойтесь, господин Шульце, — тихо ответил тогда он. — Обойдусь без этого лекарства.

— Ну-ну, — ухмыляясь, сказал Шульце и закрыл коробочку.

«Интересно, какая мне награда за это выйдет?» — гадал агент. Полтора месяца пробыть среди партизан и ничем себя не выдать, заслужить их полное доверие и выведать все замыслы — такое сумеет не каждый даже из тех, с кем он, Терентий Сметанин, более полугода обучался в специальной школе, в маленьком курортном городке на юге Германии.

Думы о своих заслугах, о предполагаемых наградах — это, наверное, как колыбельная. Они тоже убаюкивают. И Загвоздик не заметил, как и в самом деле задремал. Разбудил его Губарь:

— Вставай, Тереха! Порубаем сейчас по полному котелку и начнем в путь собираться.

Кроме Павла и Загвоздика в группу отвлекающего маневра включили четверых. И каждого Губарь проверил с неожиданной для своего характера дотошностью. Осмотрел оружие, снаряжение. Заставил каждого пройтись и пробежаться, прислушиваясь при этом, все ли подогнано так, чтоб не звякало и не стучало.

— Не к теще на блины едем, а на боевое задание, — внушал каждому Павел. — Значит, все должно быть без изъянов. Любой огрех может жизни стоить.

Построив группу, объявил:

— Действовать будем так. Без шума выходим к Оболи. Там нас будет ждать лодка. На ней переправляемся через реку и потом незаметно подбираемся к Большому мосту. Режем проволоку, подползаем к дзотам и окапываемся.

— Как это — подползаем? — недоуменно спросил молоденький боец. — Там же мины. По ним, что ли, поползем, тем более ночью?..

— Мины пускай вас не беспокоят, их я возьму на себя, — ответил Губарь.

— А когда окопаемся, что делать будем? — пытал все тот же паренек.

— Придет время — скажу. Уж больно нетерпелив ты, как я погляжу.

— Всегда ты, Павел, голову морочишь своими секретами...

— А как же иначе! Вдруг враг подслушивает? В нашей работе, брат, конспирация — это уже полдела.

— Да не томи, Губа. Здесь все свои, чего скрывать.

— Ладно. Так и быть, скажу. Надо будет огонь фрицев вызвать на себя.

— Вот как! — только и сказал боец.

— Но отвечать на огонь лишь по моей команде! Впрочем, на месте об этом поговорим. Есть еще вопросы?

— Есть. Для чего нужна будет эта перестрелка?

— А для того, чтобы поиграть у фашистов на нервах, чтоб поменьше глядели на другой берег, где будет делаться самое главное. Ясно?

— Ясно.

— Тогда — в путь!

Путь оказался вовсе не таким, как ожидал Загвоздик. Долго шли лесом, потом спустились в овраг. На дне его, куда солнечный свет едва пробивался, остановились на привал. Отдохнув, свернули в узкую ложбину, прошагав по которой, неожиданно вышли к реке. Там, укрывшись за зеленым занавесом ивняка, ниспадавшим к самой воде, группу ожидал белобрысый паренек с утлой рыбацкой лодчонкой.

— Сколько человек сможет взять на борт твой фрегат? — спросил паренька Губарь.

— Кроме меня двоих.

— А нас шестеро. Значит, придется тебе, пацан, три рейса сделать.

«Лодочник» кивнул. Первым рейсом переправился сам Павел и партизан с пулеметом. Вторым — Загвоздик и боец Подоляко. Им уже приходилось вместе ходить на боевое задание. Подоляко знал, что за партизан Загвоздик, но виду не подавал.

В ожидании третьей, последней пары все присели. Упершись руками в прибрежный песок, Загвоздик ощутил под ладонью лоскуток плотной материи. Взглянул на него — и оцепенел. Лоскуток оказался клапаном от рюкзака, который тащил на себе Губарь, когда на болотный островок доставляли толовый запас.

Еще не совсем веря своим глазам, Загвоздик тщательно осмотрел находку. Ну да, это он! Тот самый кла-

пашок с пятном, похожим иа чернильиое. Но как ои попал сюда? Ведь Загвоздик сам вндел, что рюкзак с этнм, тогда еще не оторвавшимся клапаном уложнлн в яму, вырытую на островке. Значит, кто-то другой взял рюкзак н тоже переправился с ннм через реку? А зачем? Не озиачает лн это, что и весь заряд с того болота, иа восточном берегу, переправлен теперь сюда, на западный? Но в таком случае к чему партизанам этот «водяной» провожатый дед Устни? Хотя могло статься и такое, что рюкзак, освободив от тола, использовалн для каких-то нных целей.

В поисках разгадкн Загвозднк ие заметнл, как перебралась через реку и третья пара. От тревожных мыслей его оторвал Губарь:

— Чего, Тереха, приуныл? Пора двигать дальше! А то, вндншь, вечереет уже.

Дальше двигались в прежнем порядке: впереди — Губарь, за ннм — пулеметчик, потом Загвоздик, а следом — Подоляко и еще два бойца. Шлн вдоль рекн, по береговому склону. В нных местах крутнзна становилась едва лн не отвесной. Тогда приходнлось карабкаться, цепляясь за кусты.

Но вот Губарь, взяв левее, вывел группу иа гребеиь склона. Отсюда на фоне темневшего иеба был виден дугообразиый снлуэт мостовой фермы.

— Теперь близко! — шепнул Павел товарнщам. — И чтоб нн кашля, нн чнха...

Загвозднк занервничал. Он иачал поиимать — тут что-то не то. Потрогал браунннг — на месте. А мысль сверлила мозг: «Тут что-то не то...»

Спустившись с прнбрежного взгорка и несколько отдалившнсь от реки, вышли на стежку, едва проглядывавшую меж кустов. И вдруг совсем рядом раздался тихий посвнст. Все замерлн. Из блнжннх кустов выиырнул парень с автоматом за плечом и, подойдя к Губарю вплотную, горячо зашептал:

— Выручай, Павло! Неладное у иас случилось. Устьянцев сорвался н ногу повреднл. Варкиянов велел встретнть тебя н передать, чтобы ты иам кого-ннбудь в помощь дал.

— Ильюша! — тихо позвал Губарь одиого нз бойцов, замыкавших группу. — Пойдешь вот с ним. — И по-

казал на парня, что так неожиданно вынырнул из кустов.

Было уже темно. Разглядеть лицо парня Загвоздик не смог. Но и фигурой, и повадками он походил на одного из подрывников, что двое суток назад вместе с Варкияновым и дедом Устином встретились ему на болотном островке.

Никаких сомнений быть уже не могло. Загвоздик понял: взрыв моста готовится тут, а не на восточном берегу. От этой мысли перехватило дыхание, застучало в висках. Продолжая машинально идти за пулеметчиком, он мучительно думал, что же теперь ему делать. Как предупредить немцев, что партизаны изменили план своей операции? А может, распознав в нем абверовского агента, с самого начала ввели его в заблуждение, заставляя передавать Шульце дезинформацию?

«Это нереально, ибо противоречит элементарной логике. Если бы меня заподозрили, — рассуждал Загвоздик, — то не взяли бы на такую ответственную операцию. Лес, ночь, ведь и сбежать можно. Не такие они дураки. В землянке заперли бы, приставив часового».

Он прикидывал, понапрасну ломая голову: где находится их группа, сколько задействовано человек, чем будет заниматься вторая группа?

«Действовать... Надо действовать... Предупредить, пока не поздно... Но как? Остается одно — отколоться от губаревской группы и возможно быстрее добраться до торфозавода или любого ближайшего гарнизона — там немцы, там свои люди, там есть связь с капитаном Шульце...» Мысль Загвоздика работала лихорадочно. Он было свернул с тропинки в кусты, взялся за живот... Но тут перед ним вырос Подоляко.

— Что с тобой? — участливо спросил он.

— Брюхо что-то схватило, — прошипел Загвоздик. — Вы идите, я догоню.

— Нет, нельзя. Ночь. Места тебе незнакомые, кругом болота. Чуть что — и поминай как звали, — сказал Подоляко. — Давай... Мы подождем. Только по-быстрому, не тяни.

Присев у куста, Загвоздик тут же и поднялся:

— Кажется, прошло, — виновато сказал он и пошел со всеми дальше. Симуляция «медвежьего недуга» не удалась. Партизаны были начеку, глядели в оба.

А тем временем едва приметная стежка вывела группу к луговине, противоположный край которой был опоясан колючей проволокой. Луговину пересекли ползком. Загвоздик по-прежнему ломал голову, как бы отстать, скрыться, скорее сообщить немцам о новом плане партизан. Но и здесь у него не много было шансов на успех. Впереди пополз Губарь, рядом — пулеметчик и Подоляко.

У проволочного заграждения затаились, прислушиваясь. Все было спокойно. Тогда Губарь и еще два бойца достали из вещмешков ножницы и сразу в трех местах перерезали проволоку. Дав знак всем оставаться на месте, Павел пополз дальше. Вернулся минут через пятнадцать — горячий от пота, с трудом сдерживавший учащенное дыхание.

— По одному и строго за мной, — прошептал он. — Иначе на мины нарветесь...

Последовав за Губарем, доползли до второго ряда проволоки. И опять пошли в ход ножницы, опять были сделаны проходы в трех местах. А Павел снова уполз вперед, осторожно исследуя грунт саперным щупом. Вернулся он, как и прежде, разгоряченный, в поту. И снова все поползли за ним, стараясь ни на сантиметр не отклоняться в сторону.

Проделав и преодолев проходы в третьем ряду проволочного заграждения, остановились. Отползли подальше и стали окапываться. Песчаный грунт малая саперная лопата брала легко. А тут очень кстати прогромыхал по мосту длинный состав. Перестук его колес долго глушил все другие звуки, что, конечно, помогло партизанам поглубже зарыться в землю.

Загвоздик по-прежнему пытался сообразить, что же предпринять. Появлялись многочисленные варианты действий. Но если поначалу они казались реальными, то через секунду начисто им отвергались. Команды Губаря Загвоздик исполнял как во сне, хотя виду не подавал, копал себе ячейку в полный профиль. И вдруг в его воспаленном мозгу четко прорисовались два варианта. Первый заключался в следующем: через несколько минут Губарь должен собрать всех своих подчиненных и дать новые указания. «Это — решающий момент. Нельзя упустить его, главное — успеть разрядить браунинг. Каждому — по пуле, — успокаиваясь,

рассуждал Загвоздик. — По секунде на каждого — четыре секунды. Нет! Не пойдет. Долго. Две-трн секунды на четыре человека. Только так можно спастн свою жнзнь н успеть известить хозяев».

Как бы уже не своим, а стороннням взглядом следнл он, что делал Губарь. Павел, достав откуда-то шнур, прнвязал один его конец к проволоке, отполз подальше и со всей силой стал дергать шнур за другой конец. Проволока зазвенела. В тот же миг сверху, от моста, по ней ударнл луч прожектора, высветил проходы, проделанные партнзанамн. Почти одновременно устремнлись туда же огненные трассы пулеметных очередей. Гитлеровцы билн нз всех трех дзотов, что возвышались перед Губарем и его бойцамн. Бнлн по проходам, взрыхляя пулями землю.

Партизаны же, находясь вне зоны обстрела, молчалн. Нацелнв оружне на амбразуры, озарявшнеся вспышкамн выстрелов, ждали команды.

Огонь, вырвавшнйся нз дзотов, словно бы вернул Загвозднка к реальности, подхлестнул его. Он вдруг понял, что второй варнант — это тоже шанс спасти жизнь. «Пока онн будут вестн огонь по амбразурам, — соображал Загвоздик, — за мной прнглядывать станет некому. Выберусь из своего окопчика и поползу к ближнему дзоту».

Загвозднк сознавал — второй варнант более рискован. Но еще надеялся: не все потеряно. Ему бы подобраться к дзоту поблнже. А там, в промежутках между пулеметнымн очередямн, надо успеть погромче выкрнкнуть парольную фразу: «Молния валит лес!» Еслн услышат ее в дзоте, положенне можно будет спастн. Тогда он предупредит, что не на том берегу, а на этом, где-то совсем рядом, партизанскне подрывники.

Оказавшнсь в сложной обстановке, Загвозднк почувствовал обычный человеческий страх за свою жизнь. Мнны — вот камень преткновення. «Есть ли хоть едннственный шанс проскочнть это проклятое мнинное поле? — спрашнвал себя Загвоздик. И сам себе отвечал: — Нет! Счнтай, что ты в могиле. Шансов почтн ннкаких. Так стоит ли рисковать? Жизнь бы сберечь, а перед хозяевами выкручусь. Не впервой. К тому же еще не испробован первый варнант, черт меня подерн. Что же я голову понапрасну ломаю?»

В окопе он вынул из потайного кармана браунинг, дослал патрон в патронник, курок поставил на боевой взвод. Оружие положил в правый карман брюк. «Прятать его, — решил агент, — уже не имело смысла».

Загвоздик нехотя опять взялся за малую саперную лопату. Но копать не стал. Только сейчас обратил внимание, что его окоп расположен впереди других. «Губарь не такой уж дурак, — рассуждал Загвоздик, — как поначалу мне показалось. Ловко придумал. И как это все просто получилось. Тыкал пальцем в темноту, говорил: «Ушакевич — окоп справа в десяти метрах, Загвоздик — окоп левее в пятнадцати, Подоляко — окоп левее в семи...»

Высунув голову над бруствером, Загвоздик прикидывал расстояние до ближайшего немецкого дзота, жадно ловил любой говорок, любой шумок, доносимый ветром.

За этим раздумьем его и застал Подоляко. Подползая к окопу, негромко сказал:

— Терентий, Губарь зовет на инструктаж.

— Слушаюсь! — по-уставному четко произнес Загвоздик.

Подтянувшись на руках, он легко выпрыгнул из окопчика. Схватив винтовку, пополз к темневшей метрах в пятнадцати ложбине. Там увидел четырех бойцов во главе с Губарем. Сидели на траве, втянув в плечи головы, дабы вражья очередь не рубанула по ним.

«Вот и настал мой час», — словно молитву, прошептал Загвоздик, кладя на землю винтовку.

Губарь, как выразился Подоляко, резину не тянул. Знал: времени в обрез. Напомнил лишь, кто по каким дзотам откроет огонь, отвлекая внимание врага на себя. Еще раз предупредил, чтобы без его команды огня не открывали и никаких других действий не предпринимали.

Не успел Павел произнести «По местам!», как Загвоздик выхватил браунинг и незаметно прицелился в Губаря, раз за разом нажимая на спусковой крючок. Курок щелкал по ударнику, а выстрелов не было. Такого оборота он не ожидал. Попытался быстро перезарядить обойму, но в это время сильным болевым приемом Подоляко выбил оружие из его рук. Еще не смогли ничего понять Ушакевич и Сокол, а Губарь всей своей атлетической мощью сдавил левую руку Загвоздика,

вырвал у агента финку. Однако, ловко повернувшись всем корпусом, Загвоздик подмял под себя Губаря. Наконец сообразив, что к чему, Сокол вцепился агенту в ногу, что есть силы подворачивая ее в коленном суставе. Ему казалось, что противник вот-вот завопит, прося о пощаде, упадет в обморок от боли. У самого Сокола от чрезвычайного напряжения судорожно дрожали мускулы рук, пот застилал глаза. Но враг молчал...

Борьба обострялась. Был ранен Губарь. Подоляко еще не оправился от внезапного удара, а Загвоздик все сопротивлялся, пытаясь во что бы то ни стало выхватить у Павла финку. В замешательстве, во весь рост, забыв от опасности, бегал Ушакевич, не зная, что предпринять, пока случайно не поскользнулся на малой саперной лопате. Схватив лопату, Ушакевич, нисколько не раздумывая, плашмя саданул ею по голове Загвоздика. В одну секунду все стихло, и как будто ни с того ни с сего вдруг расступилась тьма, просветлело.

Снова, захлебываясь, резанули очереди вражеских пулеметов. Рядом звякнули пули. С моста полетели осветительные ракеты, но стрельба внезапно прекратилась.

Загвоздик отвалился в сторону. Его руки разжались, освобождая запястье Губаря. Поднял голову долго лежавший на земле без движений Подоляко. Удивленно смотрел Сокол перед собой, выпустив из своих железных тисков ногу Загвоздика. Секунду-другую лицом вверх лежал Губарь. Поднявшись, спросил, все ли в порядке, и быстро зажал вены, чтобы приостановить кровь.

— Все в порядке, — ответил Ушакевич, бинтуя домотканым полотном кисть Губаря.

— Ну что ж, можно сказать, первая схватка выиграна, — подвел итог Павел. — Однако действовали мы не лучшим образом. Если бы не подпилили боек, перестрелял бы он нас как баранов, не успели бы и глазом моргнуть. Думаю, после операции нам будет о чем поговорить.

Сокол перевернул Загвоздика на спину и приложил ухо к его груди.

— Ну как, дышит? — спросил Подоляко.

— Кажется, жив.

— Ничего, отойдет. Сила медвежья, чуть кисть не переломил, паразит. Свяжите ему руки и ноги, да покрепче, — распорядился Павел.

— Надо бы привязать к чему-нибудь, — вставил Сокол.

— И то верно, — согласился Подоляко.

— Разве что к мине, — пошутил Ушакевич.

— К мине не к мине, а привязать бы надо, — сказал Губарь.

— Связать по всем правилам — и в окоп, оттуда не уползет, — посоветовал Ушакевич.

— Сгодится. Придет в себя, кляп приготовьте, а теперь — по местам! — скомандовал Губарь.

Разошлись по своим ячейкам как нельзя кстати. С восточной стороны высоко над лесом взвилась свечой красная ракета, за ней вторая, застучали пулеметы и автоматы, гулко захлопали винтовочные выстрелы, заухали рвущиеся гранаты — все слилось в сплошной грохот.

Две красные ракеты — сигнал общей атаки.

— Наши начали — радостно крикнул Губарь. — Теперь и нам черед пришел!

Разом ударили партизанские автоматы, застрочил «дегтярь» по амбразурам дзотов. Лишь Подоляко направил огонь своей снайперской винтовки по прожектору да вспышкам одиночных выстрелов, раздававшихся с моста и железнодорожной насыпи, а уж после — тоже по амбразурам дзотов: стал помогать своей группе. В темное небо больше не летели вражеские осветительные ракеты, огонь из дзотов угасал. Не слышалось и могучее «Ура!», эхо не подхватывало его и не несло от края и до края. Партизаны старались по возможности меньше шуметь.

Вспышка взрыва в гигантском пламени подняла к небу части развороченных стальных ферм Большого моста. Бой был выигран не числом, а умением.

«Директору штаба «Валли-3» Геллеру. Почтительнейше доношу вам. Как вам известно, операцией «Лес» было поручено руководить непосредственно капитану Зегерсу. Общий план операции мною был одобрен, однако капитану Зегерсу было указано на тщательный

контроль и перепроверку донесений агентуры, в том числе и агента по кличке Лев. Общая задумка самого удачного плана без надлежащего оперативного контроля и перепроверки донесений агентуры может потерпеть фиаско.

Слепо руководствуясь донесениями засланного к партизанам агента Льва и не утруждая себя их перепроверкой, капитан Зегерс допустил в своих решениях, как и во всех последующих действиях, грубейшие ошибки и просчеты. В результате завершающего этапа операции «Лес» была значительно ослаблена охрана моста, передислоцированы огневые точки, в завязавшемся бою при огромных потерях партизанам все же удалось взорвать его. По предварительным данным, восстановление моста займет от четырех до шести дней. И это при том условии, если сюда будут направлены специальные команды и соответствующая техника. Несколько раньше может возобновиться движение на этом участке железной дороги, если будет возведен временный мост на деревянных сваях. Мною уже предприняты все возможные меры для начала восстановительных работ.

Основываясь на донесениях того же агента, капитан Зегерс принял опрометчивое и непродуманное решение по устройству засады близ бывшей будки путевого обходчика и по уничтожению базового лагеря партизан, якобы оставшегося без охраны. В результате команда, направленная им в засаду, сама подверглась внезапному нападению партизан, прибывших туда значительно раньше. Она попала в окружение, имеет потери. Группа же егерей и местных полицаев, направленная на ликвидацию партизанского лагеря, которую Зегерс решил возглавить лично, также попала в засаду и потеряла более половины своего состава. В числе убитых — командир ягдкоманды обер-лейтенант Брюнер, лейтенанты Мюллер, Ридерман. Кроме того, вынужден доложить, что партизанам удалось захватить значительное количество оружия, в том числе три миномета и шесть пулеметов, много боеприпасов.

Судьба агента Льва, равно как и его настоящее местопребывание, в данный момент не установлены.

Исходя из обстоятельств, сложившихся в результате опрометчивых и глубоко ошибочных действий капитана

Зегерса, он от занимаемой должности отстранен до вашего указания.

Преданный фюреру и вам капитан *Шульце*».

Операция завершилась успешно, Большой мост уничтожили, но партизанам было не до отдыха. Надо было разобраться с трофейным оружием. Из-за одних только минометов сколько хлопот прибавилось! Потребовалось подобрать людей в минометные расчеты, обучить их.

Не остались без дела и отрядные медики. Хоть и удачной была боевая операция, однако без раненых не обошлось. Попал в санчасть и Павел Губарь. За какой-то миг до взрыва, поднявшего на воздух мост, пуля задела Павла, правда, ранение было легким, но крови потерял он много. Потому и пришлось ему полностью подчиниться медикам, которые, по мнению Павла, были чересчур строги: в первый день разрешили навестить его только командиру. А желающих повидаться с Павлом, сказать ему теплые, душевные слова было очень много — весь партизанский отряд.

СИЛУЭТ В НОЧИ

Ночь в этот раз выдалась на редкость тихая. Казалось, все вокруг замерло, погрузилось в безмятежный сон. Только слышалось из болота кваканье лягушек. Воздух, напоенный запахом трав, нежно щекотал ноздри.

Домой идти было поздно, и Шура заночевал в Гатове, у родственников. Но обманчивой оказалась безмятежность этой ночи. В центре деревни над одной из хат вдруг вздыбились языки пламени, загудели, заплясали, слизывая и пожирая соломенную крышу. Искры подобно стаям светлячков закружились, понеслись к соседним домам, стрехам.

Страшен, беспощаден пожар в деревне, особенно если случится в засушливую пору. Он вмиг поднимает всех на ноги. Улица наполняется криками взрослых, плачем детворы, воем собак. В эту разноголосицу вплетаются стук копыт, похрапывание лошадей, во весь опор несущихся с пожарными бочками воды, позвякивание ведер в колодцах. Дом горит у одного, а беда у всех. И борются с ней все. Люди, увидев в небе отблески пламени, передают из хаты в хату короткое слово: «Пожар!»

Подбегая к горящей хате, где суетились две-три женщины (скорее всего, погорелки), в отблеске пламени Шура приметил человека, убегавшего к торфянику, за которым темной стеной стоял дубовый лес. «Кто это? — мелькнула у мальчика мысль. — Почему бежит не на пожар, а от пожара?»

Люди окружили пылавшую хату. Кто посмелее, забрался внутрь и выбрасывал из окон нехитрые вещи: табуретки, подушки — все, что попадалось под руку.

В толпе Шура увидел председателя сельсовета Шакуру и председателя колхоза «Красный партизан» Маслыку. Потянув Маслыку за рукав, мальчик указал на лес:

— Он туда побежал!

— Кто — он?

— Дядька какой-то. Он, наверное, и поджег!

Председатель колхоза, позвав еще двоих взрослых, побежал к лесу. За ними увязалась и ватага ребятишек.

Вдалеке от пожара ночная мгла кажется еще гуще. А в лесу и вовсе — хоть глаз выколи. Попробуй найти тут поджигателя! Легче в стоге сена иголку отыскать.

Запыхавшись от бега, ребята остановились, сгрудились вокруг председателя колхоза. Боязливо, но храбрятся, подбадривают самих себя, говорят нарочито громко, перебивая друг друга. Подтягиваются отставшие, а может, просто самые робкие.

— Ну что будем делать? — спрашивает Маслыка. — Знаю, хлопцы вы смелые, но в лесу ночью боязно и взрослому. Пошли-ка, ребята, назад.

«Хлопцы» приумолкли: чего уж тут спорить?

Дорогой председатель расспросил Шуру о человеке, который побежал к лесу. Но что пацан мог сказать? Видел-то его мельком, да и то со спины. Был он вроде в пиджаке, сапогах. На голове, втянутой в плечи, — картуз. И еще привиделось Шурке, будто руки у него длиннющие — чуть не до колен. А может, так показалось, потому что неизвестный бежал пригнувшись...

На другой день, ближе к вечеру, Шура работал на огороде — мотыжил. Дело для него было привычное. Работал, а в памяти перебирал события минувшей ночи. Еще думал о том, что после заката снова пойдет патрулировать, возьмет с собой брата Славика, и уж на этот раз будет особенно бдительным.

Разделавшись с грядкой, поднялся, выпрямил спину, рассеянно скользнул взглядом поверх ограды и заметил позади мужчину в картузе, идущего тропой, что огибала деревню. Был он не из местных: не только в своей родной Асеевке, но и в Гатове, Дубках, Цесине, в других окрестных деревнях Шуре встречать его не приходилось. Этот человек попался ему на глаза во время пожара. Сейчас мужчина шел смело, в нем угадывались уверенность в себе, готовность к неожиданностям.

Взгляд цепкий, лицо деревенского мужика, привычного к труду.

«Вдруг это диверсант?» — подумал Шура и решил проверить, куда же пойдет незнакомец. А тот, как и прежде, спокойно шел, по сторонам не озирался. «Нет, на диверсанта он не похож, — даже с некоторым сожалением прикинул мальчик. — Диверсанты крадутся, а этот шагает в открытую. Идет так, будто все его давно знают, будто здесь он свой человек».

Все же от решения своего Шурка не отказался. Правда, было страшно: один ведь, нет рядом ни братишки, ни приятелей. А если что-то не так, как тогда быть?

Выйдя на шоссе, незнакомец направился прямо к железнодорожному переезду. Скрываясь за хлевами и заборами, туда же, напрямки, сокращая путь, двинул и мальчик.

Миновав переезд, мужчина в картузе шел по шоссе недолго. Вскоре свернул на едва приметную тропку, что, пересекая поле, углублялась в лес. Это настораживало еще больше: человек нездешний, а вот, выходит, что всякие тропинки ему тут ведомы. Тревога возросла, когда неизвестный дошагал до опушки. Там он остановился, зашел за куст и оглядел поле, которое только что перешел. Зачем? Казалось, он кого-то остерегается. Незнакомец, однако, не заметил мальца, который успел залечь в траву. А в лесу мужчина повел себя еще подозрительнее. Достал из-под полы карту, что-то в ней отметил и опять спрятал. Шел осторожно, останавливаясь, оглядываясь по сторонам. Когда же под его сапогом хрустнула ветка, он замер и долго прислушивался. Мальчик вжался в траву за ближайшим деревом. Тут, в лесу, исхоженном вдоль и поперек, ему был знаком каждый куст, и он вовремя укрывался, когда незнакомец останавливался и оглядывался.

Внезапно мужчина свернул влево и вышел к опушке как раз в том месте, где шоссейная дорога вплотную подходила к лесу. Там он залег в кустах и надвинул картуз на глаза. Лежал долго. «Неужели задремал?» — удивился Шурка, однако глаз с неизвестного не сводил. Но вот послышался нарастающий гул моторов. Незнакомец плотней приник к земле и, приподняв нижнюю ветку куста, стал следить за дорогой. А по шоссе промчались грузовики, крытые брезентом, потом артилле-

рийские упряжки на четыре и шесть лошадей потянули короткоствольные гаубицы, потом снова проехали автомашины с красноармейцами в кузовах, а немного поотстав от колонны — эмка. Должно быть, командиры ехали. И каждую такую колонну незнакомец провожал долгим, цепким взглядом, делая какие-то пометки на карте. Когда дорога опустела, он поднялся и снова углубился в лес. На тропу не вернулся. Пошел другим, лишь ему известным маршрутом.

Стемнело. Только верхушки деревьев золотились в лучах заходящего солнца. Следуя за подозрительным человеком, Шурка прошел еще километра два. Вскоре лес поредел, впереди завиднелась болотистая поляна — вся в кочках, поросших осокой. А за поляной темнел небольшой, как островок, ельник. Тут мальчик бывал не раз: собирал ягоды, ходил за грибами и клюквой. И ельник этот знаком: был он настолько густ, что спрячешься — за день не найдут.

У болота незнакомец еще раз огляделся и направился к ельнику. Чувствовалось, что мужчина хорошо знает болото, имеет свои, тайные ориентиры. Шурка — за ним, но оттого, что под ноги не смотрел, споткнулся и упал. Стал подниматься — и оцепенел! Теперь человек, за которым мальчик шел по пятам, выглядел точно так, как минувшей ночью в отблеске пожара. Так же сидел картуз на его голове, втянутой в плечи, такими же длинными, до колен достающими, казались его руки.

Вот когда у мальчика от страха захолодело внутри. Но хоть и напугался, домой не побежал. Не помня себя, одолел болото и выбрался к ельнику. А незнакомца и след простыл. Укрывшись в ельнике, Шурка остановился, не зная, как быть. Вдруг рядом что-то прошелестело и промелькнула чья-то тень. На краю болота появился человек. Но уже не тот «знакомый» незнакомец, а плотный да приземистый мужчина лет под сорок. Он настороженно оглядел поляну и, пробормотав что-то, скрылся в ельнике.

«Этот, наверное, тоже диверсант! — подумал Шурка. — А вдруг их тут целая банда?» И вконец растерялся. Мелко задрожали губы, по спине побежали мурашки. До Асеевки далеко. А до шоссе? Немного ближе, если пойти напрямик. Там и военных скорее встретишь.

Но как отсюда выбраться? Может, диверсанты и сейчас держат поляну под наблюдением? Заметят, схватят — живым не выпустят. Но отступать некуда, надо как-то действовать. Выручил Шурку туман, поднявшийся над болотом. До леса мальчик добрался незамеченным, а уж там не таился, побежал что было мочи. Ветки хлестали и царапали лицо, валежник колол ноги. Но боли Шурка не чувствовал, думал только об одном: скорее бы встретить военных, рассказать обо всем.

Вот и шоссе. На нем ни души. Шурка отломил от березы ветку подлиннее, положил ее сбоку от дороги — чтоб приметить место — и побежал к переезду. Уж там-то наверняка кто-нибудь встретится.

И точно, вскоре мальчика остановил резкий оклик: «Стой!» На дорогу вышел боец с винтовкой. Чуть подальше, на обочине, машины — эмка и несколько грузовых: полуторка, трехтонка. Неподалеку потрескивал костерчик, отпугивая комаров. Боец, остановивший Шурку, стал расспрашивать: откуда, куда и зачем он бежит? Почему бежит ночью? Запыхавшись, мальчик никак не мог собраться с духом, не хватало дыхания. Выждав секунду-другую, набрал полные легкие воздуха и сказал бойцу, что хочет видеть командира, — надо, мол, сообщить очень важное.

Минуту спустя Шурка стоял перед майором-пограничником у самого костра, старался доложить обо всем пояснее, но от волнения говорил сбивчиво и долго. Однако самую суть майор уловил.

Посадив мальчика в эмку, он тут же приказал одному из лейтенантов построить свой взвод. Инструктаж был короткий: пограничники — народ бывалый, лишние слова говорить — только время терять. Две машины, легковая и грузовая — с бойцами, двинулись в путь. Шурка смотрел в оба и ветку, оставленную на шоссе, не пропустил, заметил.

Спешившись, бойцы во главе с майором вошли гуськом в лес. Шурка вел, выбирая путь покороче. К болоту подошли без шума, преодолели его. Оцепили со всех сторон ельник, как и полагается, залегли. Постепенно глаза стали различать кусты и кустики. Майор, лейтенант и Шурка подползли к ельнику, вставшему перед ними темной стеной. Командиры думают, а мальчик, тараща глаза, пытается разглядеть то одного, то дру-

гого. Тишина стоит удивительная, только тучками, звеня, кружат комары. Зажмуривается Шурка на секунду-другую, и кажется ему, что ничего серьезного нет, что лежат они на лугу, у костра, где, пофыркивая, пасутся стреноженные колхозные кони.

Отползли. Майор тронул за плечо одного из бойцов и шепотом сказал ему, чтобы проводил мальчика к машинам. На вопросительно-недоуменный взгляд Шурки майор не ответил, скорее всего, не придал ему значения, а может, и вовсе не заметил его. Он только прижал к губам указательный палец. Этим было сказано все. Какие тут могли быть возражения?

— Залезай-ка, хлопчик, в кабину, — сказал все тот же боец-часовой. — Согреешься, вздремнешь часок, пока наши не вернутся. — Теперь он не казался мальчику таким строгим и грозным, как поначалу.

В машине и впрямь было тепло. Но заснуть Шура не мог. Мыслями был там, у ельника. А если диверсанты ушли оттуда? Тогда майор и его бойцы решат, что Шурка брехун, лишивший их ночного отдыха, что доверять таким ни в чем нельзя.

Начало светать. Шура прикрыл глаза...

А между тем события развивались вот как. Майор выделил нескольких бойцов в группу захвата, приказал им скрытно проникнуть в предполагаемую палатку — жилье диверсантов и захватить их. Причем действовать надлежало бесшумно, да так, чтобы никто и не пикнул.

Кольцо сузилось. Зоркий глаз пограничника уже мог отличить маскпалатку среди ельника. Ползли медленно, по-черепашьи.

Подползая все ближе и ближе к палатке, один из бойцов обнаружил на лапнике шнур, а на нем — попарно связанные консервные банки. «Зачем бы?» — подумал он и по цепочке шепотом сообщил о замеченном. Майор догадался, что это примитивная, не бросающаяся в глаза сигнализация, приказал перерезать шнур. Не обнаружь пограничники своевременно эту сигнализацию — задуманная операция сорвалась бы.

Рассвело. Сомкнулось кольцо пограничников. Наконец настал черед действовать группе захвата...

Шура заснул ненадолго, а когда открыл глаза, увидел рядом майора. Вместе с ним мальчик подошел к за-

держанным. Плотного, приземистого среди них не было. Но того, которого Шурка приметил еще в ночи при отблеске пожара, узнал сразу, хотя и был тот без картуза. Только теперь он причинить вреда людям не мог. Руки его за спиной были крепко стянуты красноармейским ремнем.

— Спасибо тебе, сынок, — по-отцовски тепло сказал майор и на прощание взъерошил рыжеватый чуб мальчика.

СИНИЕ КУБИКИ

Гулкие отзвуки далеких разрывов ворвались в тишину июньского рассвета. Разбудили, переполошили всю Асеевку. Люди высыпали на улицу, спрашивали друг друга, что случилось. Никто еще ничего толком не знал. Неведомо было и Шурке, что вот с этого часа ушло навсегда его нехитрое детство, детство деревенского паренька. Но от недобрых предчувствий защемило сердце.

А что это за разрывы, селяне узнали от Ксении — неутомимой и вездесущей женщины из соседней деревни Гатово. После долгого бега едва переведя дух, она закричала срывающимся голосом: «Война! Война, бабоньки!..»

Война... Уже само это слово всколыхнуло людские души, разом перечеркнуло все заботы и планы мирных дней. Все, что до сей минуты могло радовать или огорчать, вмиг утеряло свое прежнее значение. С утра 23 июня из Минска на восток потянулись пока еще робкие, неорганизованные толпы горожан-беженцев. Фашистские стервятники методически, квартал за кварталом, дом за домом начали разрушать город. Над Минском стояло огромное, почти в полнеба зарево, которое виднелось за десятки километров. Горел огромный город.

У каждого, кто пережил войну, навсегда осталось в памяти испытанное и изведанное в первый ее день, 22 июня. Шуре тоже этот день помнился в мельчайших подробностях. Все, что произошло на его глазах в нача-

ле великой военной страды, ясно и отчетливо отложилось в памяти. Так уж получилось, что и первые выстрелы он услышал 22 июня.

Было Шуре тогда одиннадцать лет. В те знойные июньские дни деревенские мальчишки, уже отпущенные на летние каникулы, не предавались своим обычным играм и развлечениям. Даже о лапте забыли. Тревожное ожидание больших и грозных событий, охватившее взрослых, целиком передалось и ребятам.

В ночь на 22 июня в некоторых деревнях вспыхнули пожары — загорелись колхозные усадьбы, жилые дома. И тогда же оборвалась телефонная связь, попадали наземь подпиленные телеграфные столбы. Диверсанты, заброшенные к нам в тыл, всячески пытались вызвать панику у населения, деморализовать его, повергнуть в страх.

Пока родители, наработавшись за день, отдыхали, ребята вместе со стариками добровольно несли дозорную службу, охраняя деревню от всяких подозрительных лиц, часто появлявшихся в тех местах в июньские дни сорок первого. А Шурка и вовсе чувствовал себя настоящим бойцом. Ведь не кому-нибудь, а ему на время ночного дежурства доверили малокалиберку.

Было уже за полночь, когда в деревню прибыла автомашина с высоким крытым кузовом. Такие машины здесь встречали и раньше. На них были радиостанции.

Когда машина остановилась, из кабины вышел командир, на петлицах которого блеснуло по три кубика.

— Это деревня Асеевка? — спросил старший лейтенант.

— Да, Асеевка! — хором ответили ребята.

Вопросов у старшего лейтенанта было немало. В конце он спросил:

— Где тут можно остановиться, чтобы поменьше мозолить глаза? — Так и сказал «мозолить глаза». — Машина у меня, сами видите, непростая, особая. Ей нужно место, где потише.

Посоветовали проехать к колхозному саду. Младший братишка Шуры, Славик, вскочил было на подножку машины, чтоб показывать дорогу, но старший лейтенант грубо оттолкнул его, сказав:

— Сами доедем...

Машина тронулась, а ребята дружно, не отставая, побежали следом. У старых груш машина остановилась. Увидев пацанов, старший лейтенант попросил принести что-нибудь поесть.

— Да побольше! Мы за все заплатим, сколько надо!

Такие слова удивили мальчиков. Бойцов и командиров родной Красной Армии люди угощали не за плату — от души. И они, воины, знали это. А если кто и пытался потом расплатиться, то делал это робко, смущенно, стараясь никого не обидеть. Впрочем, разговор об этом тут же и кончался. Брать деньги за угощение было не в обычае белорусских крестьян.

А вот этот старший лейтенант словно бы впервые попал в здешние края. О плате за еду заявил подчеркнуто громко. У Шуры, как и у всех собравшихся около машины, это вызвало недоумение и удивление, которое усиливалось грубым обращением со Славиком. Ведь это тоже не походило на поведение военных людей, которых здесь встречали всего несколько часов назад. Те с детворой были приветливы, ласковы. Интересовались учебой, спортом, да и просто мальчишеским житьем-бытьем: далеко ли школа, кем хотят быть, умеют ли стрелять? Озадачило Шуру и то, что люди, находившиеся в кузове (он уловил их невнятный, приглушенный говор), из машины не выходили. Только один спрыгнул на землю, плотно прикрыв за собой дверцу. Знаком подозвав старшего лейтенанта, о чем-то пошептался с ним и опять скрылся в кузове.

Тем временем один из пожилых людей, дежуривших с ребятами, — это был дядя Коля — успел принести хлеб, яйца, сыр и бидончик молока. Все думали, что ночные гости прямо здесь, в колхозном саду, начнут подкрепляться. Однако старший лейтенант всю еду отнес в кабину и тут же полез в карман за деньгами.

— Да не нужно нам денег! — остановил его дядя Коля. — Вы только бидончик вернули бы...

— Нет, бидон мы прихватим с собой. Я вам за него заплачу отдельно! Червонца хватит?

До войны десять рублей были большие деньги. За десять рублей можно было купить не один бидончик.

Отсчитывая деньги, старший лейтенант включил карманный фонарик, на какой-то миг осветил свое ли-

цо. Оно было самое обыкновенное, ничем не запоминающееся, без всяких там родинок и сросшихся на переносице бровей. Однако Шура успел заметить такое, отчего внутри у него задрожало. В деревне, может быть, и не каждый разбирался в воинских знаках различия. Но Шура знал, что на петлицах у начсостава Красной Армии эти знаки были алого цвета. А вот у ночного гостя кубики оказались синими. Точно такими, как у Шуриного дяди Степана Михайловича, служившего в милиции.

Что же это получается? Одежда военная, а знаки различия милицейские?.. От такого «открытия» пацан в первую минуту даже растерялся. Но когда «старший лейтенант» стал расспрашивать о дороге на станцию Михановичи, Шура пришел в себя и решил поскорее сообщить о нем кому-нибудь из настоящих военных.

Потихоньку отойдя от «особой машины», мальчик со всех ног припустил к шоссе. Только там можно было ночью встретить военных. И точно, вскоре на шоссе появилась полуторка. Шура кинулся к ней, едва не угодив под колеса. Машина притормозила, из кабины высунулся командир с одной шпалой в петлицах.

— Тебе чего, мальчик?

— Товарищ капитан, у нас в Асеевке машина с радиостанцией, а у ее старшего лейтенанта кубики синие! — выпалил Шура на одном дыхании.

— Какая Асеевка? И какие еще там синие кубики?— сразу и не понял капитан. Но взволнованный голос насторожил его. — А ну залезай в кабину и рассказывай все по порядку.

Стараясь быть по-военному кратким и точным, Шура сообщил обо всем, что его тревожило. Капитан приказал водителю повернуть в Асеевку. Когда подъехали к колхозному саду, крытой машины там уже не было. Но люди еще не разошлись. Они и сообщили, что «старший лейтенант» укатил в Михановичи.

— В Михановичи, быстрей! — приказал водителю капитан, а Шуре велел глядеть в оба, чтобы не прозевать подозрительную машину.

Машину эту нагнали у самых Михановичей. На перекрестке ей преградил путь военный обоз. Остановив свою полуторку рядом с «особой машиной», капитан

расстегнул кобуру и подошел к кричавшему на обозников «старшему лейтенанту».

— Предъявите документы!

— А по какому праву вы их требуете, капитан? — вызывающе громко заявил «старший лейтенант».

— Как старший по званию.

«Старший лейтенант» еще что-то сказал капитану, но тот снова, настойчивее и строже, потребовал документы.

«Старший лейтенант»» наконец протянул капитану удостоверение, однако продолжал возмущаться, да так громко, будто хотел, чтобы его услышали люди, сидевшие в крытом кузове.

— Возьмите себя в руки! — одернул его капитан.

Включив фонарик, он рассмотрел документ, потом осветил лицо его владельца. И тут Шура убедился, что он не обманулся. Кубики на петлицах у «старшего лейтенанта» были и впрямь синие.

Документа капитан «старшему лейтенанту» не вернул, предложил пройти на станцию к военному коменданту. С этого времени события разворачивались быстро и неожиданно. Вспышкой от выстрела осветилось вдруг окошко, темневшее в кузове «особой машины». Грянул выстрел. Капитан покачнулся — пуля задела его плечо. И в тот же миг в руке «старшего лейтенанта» блеснул пистолет. Но выстрелить он не успел. Капитан опередил его, выстрелил первым. Потом еще раз, и еще. Шура не мог понять, как умудрился пальнуть по кузову из своей малокалиберки. Оттуда через заднюю дверцу выскочили четверо в военной форме и бросились в разные стороны. А водитель «особой машины» рванул ее было вперед, пытаясь опрокинуть стоявшую на пути подводу. Но бойцы-ездовые, сообразив, что к чему, открыли огонь по убегающим «военным». Шофер, видя, что дела его плохи, спрыгнул на землю и тоже хотел бежать, но был схвачен красноармейцами. Кроме шофера «особой машины» и «старшего лейтенанта» с синими кубиками, которого ранил капитан, были задержаны еще два диверсанта.

Вот, собственно, и вся история. Некоторые ее детали и поныне не совсем ясны. Скажем, синие кубики. Поче-

му вражеский лазутчик прицепил их, а не те, что полагались для армейской формы? Как допустил он такой просчет?..

ОБОРОТНИ

Фашистские полчища рвались к Минску. Мужественно и стойко в течение нескольких дней город защищали бойцы и командиры 100-й ордена Ленина стрелковой дивизии под командованием генерал-майора Руссиянова. Дивизия отразила многочисленные атаки гитлеровцев.

Наши войска под натиском многократно превосходящих сил врага, не переставая вести тяжелые, чаще всего неравные бои, вынуждены были оставить Минск и отойти на восток.

Гитлеровцы торжествовали, кричали о непобедимости своих войск. Но еще не остыл пепел сожженного Минска, еще фашистские мародеры продолжали грабить уцелевшие дома, когда в городе и его окрестностях зазвучало грозное для захватчиков слово — «партизаны».

Партизаны... Их в первые дни вражеского нашествия было немного. Но ряды мстителей пополнялись и крепли непрерывно. Мелкие группы, сливаясь воедино, образовывали отряды, которые позже, год или полтора спустя, выросли в крупные партизанские соединения, имевшие постоянную — и по радио, и по воздуху — связь с Москвой.

Но, как ни малочисленны были поначалу партизанские группы, силу их ударов фашисты ощутили сразу. В лесах, простиравшихся к юго-востоку от Минска, одной из первых заявила о себе группа старшего лейтенанта Иванова. Поначалу это были всего несколько красноармейцев, оказавшихся со своим ротным командиром во вражеском тылу. Но вскоре к ним присоединились сельские коммунисты и комсомольцы. А уже через месяц под командованием Иванова действовал небольшой отряд с собственным штабом, возглавлял который местный житель Григорий Семенович.

Боевой счет отряда рос день ото дня. Бойцы его разрушали мосты, выводили из строя линии связи, уничто-

жали вражеские обозы. А затем, окрепнув и накопив опыт, отряд Иванова приступил к более крупным операциям. Однажды ночью, укрывшись в лесу, вдоль которого проходило шоссе, партизаны подстерегли колонну фашистской мотопехоты. Удар был настолько ошеломляющим, что не многим гитлеровцам удалось спастись. Сгорели три грузовика, угодила в кювет и перевернулась легковая машина с офицерами.

...Как-то от села к селу, от деревни к деревне понеслась весть, которая многих привела в смятение: партизаны обижают мирных жителей — грабят, бьют, даже убивают. Можно ли было поверить в это? Нет, в такое не верилось. Но страшное известие, походившее на провокационный слух, подтверждалось рассказами очевидцев. Особенно потрясла всех гибель колхозного бригадира. Его, честного, всеми уважаемого человека, партизаны объявили пособником оккупантов и зверски убили на глазах жены и двух сыновей-подростков.

О горе, постигшем Марфу Ивановну и ее сыновей Сережу и Юру, узнали многие. Это казалось чудовищным, невероятным, но соседи колхозного бригадира, к тому же сами ограбленные, приводили в подтверждение все новые и новые подробности. Они говорили: злодеяния учинили не фашисты и не полицаи, а люди, назвавшиеся партизанами. Кто-то еще и заприметил, что оружие у них было наше, советское, а на фуражках — красноармейские звездочки.

Подобные вести не на шутку встревожили старшего лейтенанта Иванова и его бойцов. На их доброе имя была брошена тень. Доверие, с которым относились к ним селяне, могло оказаться подорванным. Иванов и Григорий Семенович не сомневались, что под видом партизан действуют бандиты. Но как убедить в этом местных жителей? Ведь поговорить со всеми, растолковать всем, где правда, а где ложь, невозможно. Значит, оставалось одно: не прекращая разъяснительной работы среди населения, разыскать тех бандитов и уничтожить.

Задача оказалась крайне сложной. Банда появлялась в деревнях внезапно и так же внезапно исчезала. Никто из селян не мог указать, где свила она гнездо. Даже и того, как выглядят бандиты, никто с достаточ-

ной точностью не мог объяснить. Сведения на этот счет поступали противоречивые. Стало лишь известно, что по численности банда невелика — немногим больше десяти человек, вооружена она в основном винтовками и карабинами да парой ППШ, а носят бандиты красноармейскую форму.

Непросто, совсем непросто было напасть на след лжепартизан. По решению Иванова к этому делу привлекли всех связных, всех верных людей. Не остались в стороне и подростки. Каждый из них, завидев незнакомцев, изредка появлявшихся близ деревни, следил за ними, пытался угадать, кто они, не из той ли банды.

Летним тихим вечером старший лейтенант Иванов с тремя бойцами покинул лагерь и скрылся в сосновом бору, окутанном сумерками. Шли партизаны молча. Но мысли каждого были об одном — о встрече, ради которой отправились они в неблизкий опасный путь.

А встретиться партизаны решили с вдовой бригадира Марфой Ивановной. Так Иванову посоветовал Григорий Семенович. «Уж кто-кто, — сказал он, — а эта женщина должна помнить в лицо бандитов, убивших ее мужа». Но и сам Иванов, и его спутники понимали: разговор в осиротевшем доме будет нелегким. Гибель мужа потрясла Марфу Ивановну, женщина точно окаменела: замкнулась, ушла в себя. Даже на расспросы сочувствовавших ее горю соседей ничего не отвечала. На каждого, кто заглядывал в ее дом, смотрела со страхом. Далеко за полночь партизаны подошли к хате Марфы Ивановны. Осторожно постучали в дверь. В ответ — молчание. Постучали снова, прислушались. За дверью скрипнули половицы. Лишь после третьего удара дверь приоткрылась, и партизаны увидели женщину в черной косынке.

— Кого вам?

— Вас, Марфа Ивановна, — прошептал Иванов.

Не проронив ни слова, женщина провела партизан на кухню. Зажгла коптилку и, прислонившись к бревенчатой стене, замерла в ожидании. Даже при тусклом свете можно было разглядеть мертвенную бледность ее лица и седые пряди, выбившиеся из-под косынки.

Минуту, а то и более длилось тягостное молчание. Первым его нарушил Иванов.

— Мы — партизаны, — сказал он. — И пришли к вам, чтобы...

— Партизаны? — перебила его Марфа Ивановна. — А какие? Партизаны, оказывается, всякие бывают... Есть, что и людей безвинных убивают.

— То не партизаны были! Поймите это, Марфа Ивановна! То были бандиты, самые настоящие бандиты, а может, и того хуже — переодетые фашисты.

— Кто их знает... Зачем же тогда они на фуражки звездочки нацепили?

— А это чтобы себя за партизан выдавать, — ответил Иванов. — И чтобы вас, мирных людей, в заблуждение вводить. А может, звездочки они еще для какой цели наделили?.. Вот этого мы в точности пока не знаем. Но должны узнать! А главное — должны найти бандитов и рассчитаться с ними за весь их разбой.

Сделав паузу, Иванов, подчеркивая каждое слово, произнес:

— В этом очень важном деле мы и надеемся на вашу помощь, именно на вашу.

В хате стало тихо. Марфа Ивановна чуть подалась вперед, ближе к коптилке. В глазах женщины все еще таились испуг и недоверие, но вместе с тем появились искорки заинтересованности словами ночных гостей. До конца она еще не верила им...

— Да, только вы можете помочь нам расправиться с той бандой, — повторил Иванов.

— А вы... Вы и в самом деле партизаны? — спросила Марфа Ивановна, и в голосе ее зазвучала надежда, вера в то, что в поздний час в ее дом действительно пришли свои, советские люди. Люди, которых она ждала, на помощь которых надеялась. Для нее это не просто советские партизаны, это сама Советская власть.

— Да, партизаны! — ответил старший лейтенант. — А чтобы вы больше не сомневались, покажу вам то, что дороже мне всего на свете.

С этими словами Иванов расстегнул нагрудный карман своей поношенной, но аккуратно заштопанной гимнастерки и достал оттуда небольшую книжицу. Это был партийный билет. Взглянув на этот документ, женщина наконец свободно вздохнула, посветлела лицом.

— Верю вам, родные, — тихо проговорила она. — И помочь рада. Только вот чем? Если продуктами — в

погребе еще бульбы немножко сохранилось. Возьмите. Мы-то сами как-нибудь перебьемся.

— Нет, продовольствия нам пока не надо, — ответил Иванов. — Нам иная помощь требуется...

Со всей откровенностью старший лейтенант рассказал Марфе Ивановне о поисках бандитов, выдающих себя за партизан, о том, что поиски эти успеха пока не имеют. Банда действует нагло и в то же время осторожно, налеты совершает внезапно. А куда потом уходит, где скрывается и где устроила себе логово, неизвестно. Никто не может сказать, как бандиты выглядят.

— Может быть, вам, Марфа Ивановна, что-нибудь запомнилось? — спросил старший лейтенант.

Женщина задумалась, глаза ее затуманились слезами.

— Нет... — приглушенно проговорила она. — Ничего припомнить не могу. Все было, как в самом страшном сне. Ворвались они в хату и сразу — к моему мужу. Схватили его, стали бить, пугать, даже фашистским наймитом обозвали... Я кинулась было мужу на помощь, но тут же один из них — длинный такой, в командирской фуражке со звездой — сбил меня с ног. Другие потащили мужа в сени. Я услышала выстрел. Выбежала в сени, а он уже мертв.

Марфа Ивановна говорить больше не могла. Когда она немного успокоилась, Иванов задумчиво произнес:

— Длинный, значит. И в фуражке... Да-а, не густо, совсем не густо... По таким приметам бандита не скоро найдешь.

Старший лейтенант поднялся из-за стола, собираясь уходить. Но Марфа Ивановна остановила его:

— Погодите! Не уходите... Вот я сейчас ребятишек своих подниму — Сережу и Юрика... Вы с ними потолкуйте. Они ведь тоже все это видели. Может, им еще что-то запомнилось. Память-то их, сами понимаете, покрепче моей будет.

Разбуженные среди ночи, ребятишки не сразу взяли в толк, что от них требовалось. Зато, когда уразумели, о чем шла речь, заговорили наперебой, рассказали все, что привелось увидеть им в тот страшный час.

— Их в хату сначала вошло трое, — сказал Сережа, — потом еще двое. А еще трое в погреб забрались, всё там перевернули...

— А тех, кто первыми к вам вошли, запомнил? — спросил мальчика старший лейтенант.

— Ага. Запомнил. Тот, что первый вошел, высокий был такой. В фуражке... Потом еще один — в пилотке.

— А у того, кто папу схватил, пальца нет, — перебил Сережу его младший братишка Юра.

— Пальца? Какого?

— Вот такого. — Юра поднял указательный палец правой руки. — Я это увидел, когда ему в руку вцепился.

— А еще у него щека порезана, — добавил Сережа. — Только не тогда, а еще раньше. След такой остался. От губы до уха.

— Точно, до уха, — подтвердил Юра. — Губа у него вот тут рассечена. — Мальчик показал на краешек своей верхней губы. Рассечена так, что аж зубы видны желтые...

Словесный портрет, нарисованный мальчуганами, впечатлял, хорошо запоминался.

— Со шрамом на щеке, да еще беспалый! — произнес Иванов удовлетворенно. — Ничего себе красавчик! Видать, из уголовников... Такого и отыскать нетрудно.

— Вы вот что, хлопчики, — обратился старший лейтенант к Сереже и Юре. — О нашей встрече — молчок, никому ни словечка. А о том, какие собой те бандюги, как выглядят, особенно тот, что без пальца, — не таитесь. Рассказывайте об этом всем: и приятелям своим, и взрослым. Пусть об этом узнает побольше людей. А главное — выяснить, где у этих гадов гнездо свито. Ведь должно же быть где-то их логово!

Печальное, жуткое зрелище являл собой Червенский базар в те дни, когда в Минске хозяйничали фашисты. Ничто тут даже отдаленно не напоминало колхозный рынок довоенной поры. Не было прилавков, заваленных всевозможной снедью, не было и магазинов, предлагавших сельским жителям необходимые им товары. На месте прежнего рынка была толкучка. Сотни людей, исхудавших, пообносившихся, тащили сюда остатки своего имущества в надежде выменять их на хлеб или картошку. Самый же большой спрос был на соль. На обыкновенную соль, о которой прежде и не думали.

Впрочем, не все люди, появлявшиеся на Червенском базаре, выглядели изголодавшимися и обнищавшими. Попадались здесь и личности в добротной одежде, лоснящиеся от сытости. То были спекулянты, пытавшиеся нажиться на народном бедствии. И еще — прислужники оккупантов, получавшие подачки за свое предательство, а при удобном случае обкрадывавшие хозяев. Уж они-то приносили на толкучку не обноски, а вещи гораздо более ценные. У них можно было купить или выменять даже соль.

Именно ради соли, ради того, чтобы добыть хотя бы несколько щепоток, Шура и оказался жарким августовским полднем на базаре. С торбой на спине, куда мать сложила для обмена свеклу и морковь, он с утра отшагал километров пятнадцать — почти прямиком от своей Асеевки до Минска. Гитлеровские посты удалось миновать благополучно. Немцы и полицаи пацана просто не замечали. Наверное, потому, что ростом он не больно удался.

Попав в людскую толчею, мальчишка поначалу растерялся. Голова шла кругом. Но, оглядевшись, нырнул в толпу, принялся искать, нет ли у кого на продажу или обмен соли. И вдруг в лицо ему ударил солнечный зайчик. Шурка зажмурился. Когда приоткрыл глаза, то в нескольких шагах от себя увидел блестящую металлическую вещичку, болтавшуюся на длинной цепочке. Цепочку эту держал плотный мужчина, одетый в черный сюртук и перепоясанный широким корнчиевым ремнем. Мальчик протиснулся поближе к владельцу блестящей вещицы, не сводя с нее глаз. То были карманные часы. Серебряные или из какого-то другого металла — этого он, понятно, определить не мог. Только слышал, что хозяин называл эти часы «Павел Буре».

Насмотревшись на столь диковинную для деревенского мальчишки вещь, Шурка невольно перевел взгляд на руку, в которой она была. Грудь мальцу как камнем сдавило. На руке той не хватало пальца. И какого? Указательного!..

Лица этого человека Шура не видел, его заслонял дядька, прицеиявшийся к часам. Тогда мальчик зашел с другой стороны, взглянул — и словно к земле прирос. В глаза бросились и оскал желтых прокуренных зубов, обнаженных из-за рассеченной губы, и шрам через всю

щеку... Он! От страха Шурка лишился способности двигаться. Из состояния полного оцепенения его вывел дядька, торговавшийся с беспалым. Бросив в Шуркину сторону настороженный взгляд, он прикрикнул:

— А ну-ка, пацан, чеши отсюда! А то в полицию сдам, воришка чертов!

Отбежав в сторону, мальчик спрятался за деревянный щит, на котором вывешивались приказы и объявления оккупационных властей. Перевел дух и, отыскав щель, стал наблюдать за беспалым. Тот еще долго стоял с покупателем часов. Наконец купля-продажа совершилась. Запрятав во внутренний карман сюртука пачку оккупационных марок, беспалый, небрежно расталкивая встречных, двинулся к выходу с рынка.

«Уйдет! — встревожился Шурка. — А ведь это тот самый... Из банды!» Забыв и про соль, и про все на свете, Шура поспешил к выходу вслед за беспалым. Пробираясь сквозь толпу, получал пинки и подзатыльники. Однако черную спину беспалого из виду не терял. А тот продолжал идти, не оглядываясь. Выйдя с рынка, зашагал быстрее. Он даже походкой своей отличался от других прохожих. Шел уверенно, так, будто ему лично никто не угрожал в городе, захваченном врагом.

На перекрестке беспалому повстречались полицаи. Двое, с карабинами за спиной. Но они не остановили его, лишь обменялись с ним кивками. На мальчика, шедшего следом, один из них посмотрел угрожающе. Хорошо, что напарник жестом одернул его: охота, мол, задерживаться из-за какого-то мальца?

Беспалый тем временем свернул на улицу Оранского. На ту самую, по которой минчане ходили тогда с опаской. Там в трехэтажном доме обосновалась полиция. Люди, попав на улицу Оранского и еще издали завидев серый дом, спешили перейти на противоположную сторону, невольно ускоряли шаг. А беспалый повел себя иначе, направился именно к страшному дому. Идя следом (только, разумеется, по другой стороне), Шурка видел, как он приблизился к полицаю-часовому, закурил с ним и потом спокойно, уверенно, будто к себе домой, вошел в подъезд.

Неблизким был обратный путь мальчика в родную деревню. Но он одолел его, не отдыхая. Сама мысль о том, что теперь известно, где обитает беспалый, а вме-

сте с ним, возможно, и вся шайка, подхлестывала Шуру, заставляла прибавить шагу.

— Уже вернулся, сынок? Что-то больно рано! Соль-то достал? — встретила его мать.

— Соль? — Тут только вспомнил Шура, зачем ходил на базар. — Нет, мама, соли не достал.

Увидев, как огорчилась мать, мальчик пообещал еще раз сходить в город. Но ему явно было не до соли. Думал, как бы скорее добраться до деревни Кайково и увидеться там с Лидой Деинскевич или с ее старшей сестрой и рассказать обо всем, что увидел, поделиться наблюдениями.

Рассвело. Мать, привыкшая вставать спозаранку, еще не поднялась, когда Шура, тихонько выскользнув из хаты, подался в Кайково.

Лиде без утайки выложил все, что увидел и пережил, побывав в Минске на Червенском базаре. Шура не сомневался, что сведения о человеке с рассеченной щекой будут переданы по назначению, партизанам.

Итак, выяснилось: бандиты, выдававшие себя за партизан, или по меньшей мере один из них, обитали не где-нибудь в далеком и глухом месте, а в Минске, да еще в том самом здании, что стало главным пристанищем полицаев. Эта весть без промедления, как позже стало известно, переданная Деинскевич партизанам, позволила старшему лейтенанту Иванову немного приблизиться к разрешению той задачи, о которой думали они уже не одну неделю. То, что раньше лишь предполагалось, теперь стало очевидным. Совсем не случайно, а с коварным умыслом рядились бандиты под партизан. Иванов уверился в том, что шайка состояла на службе у гитлеровцев и своим разбоем в деревнях пыталась настроить местное население против партизан, лишить их помощи и поддержки.

— Сейчас самая важная задача — покончить с бандой, — сказал Иванов товарищам. — Хорошо бы накрыть ее всю разом. Так, чтобы ни один мерзавец не ускользнул.

— Как же это сделать? — вслух рассуждал Григорий Семенович. — В город с таким делом не сунешься. Значит, остается одно: подстеречь банду, когда она будет в пути. Но где проляжет ее путь?

— Верно, — согласился Иванов. — Только засадой бандитов и возьмешь. Давайте обмозгуем, когда и где устраивать засаду.

О времени договорились быстро. В этом вопросе мнение у всех было единое. Налеты банда чаще всего совершала на рассвете, значит, из города, выезжала затемно, вероятнее всего, после полуночи. А дорог, ведущих к селам и деревням из города, было множество. Какую взять под наблюдение? Вопрос этот оказался сложнее сложного.

— Давайте сначала припомним, в каких местах банда уже появлялась, — предложил Григорий Семенович. — Так вот, их в расчет брать не будем. Все внимание сосредоточим на дорогах к деревням, в которых бандиты еще не были.

Но и таких дорог оказалось несколько. Устроить засады одновременно на всех было невозможно: у партизан на это пока не хватало сил. Решили для начала взять под наблюдение шоссейную дорогу, к которой примыкало больше населенных пунктов. Три ночи подряд Иванов с группой бойцов просидел в засаде, и всё безрезультатно. А тем временем пришло известие о новом налете банды. На этот раз ее жертвами оказались жители деревни, находившейся вдалеке от больших, оживленных дорог.

— Сдается, что мы промашку сделали, — сказал Иванов Григорию Семеновичу. — Не ту дорогу для засад выбрали. Вот я как себе это представляю. Еще отправляясь из города, бандиты начинают входить в роль — «работать» под партизан. Вначале они смело едут в крытой машине по городу, потом сворачивают на одну из магистралей и, наконец, на каком-то участке дороги окончательно «перевоплощаются». С этого времени начинают избегать встреч и с немцами, и с партизанами. А станут ли партизаны, пусть даже ночью, двигаться в открытую по шоссе, где всегда можно столкнуться с фашистами? Нет, они должны выбирать дорогу поукромнее. Потому, полагаю, банду надо поджидать, скорее всего, где-то здесь.

Старший лейтенант указал на лесной проселок, помеченный на карте тонкой линией. Проселок тот для засад оказался подходящим: лес к нему подступал вплотную, с одной стороны совсем рядом было болото,

— Верится мне, что уж теперь-то дождемся «гостей», — сказал командир.

В своих предчувствиях Иванов не обманулся. Правда, и в ту ночь не один час прошел в томительном ожидании. Кое-кто из бойцов уже стал терять веру в успех. И вдруг партизаны услышали рокот мотора. По проселку шла машина со стороны Минска. Иванов весь подобрался. Мысль его работала напряженно. Что за машина в такой час? Немцы? Не может того быть: они вряд ли отважатся разъезжать по лесному проселку в ночную пору. Тогда кто же? Возможно, те самые бандиты, которые выдают себя за партизан. На машине, с комфортом едут, сволочи, творить свое подлое дело!

— Приготовиться к бою! — пошла команда по цепи, от бойца к бойцу.

Шум мотора нарастал. Меж стволов деревьев замелькали огоньки затемненных фар. А вот и сама машина. Крытый грузовик. Движется медленно — на ухабах и рытвинах не больно-то разгонишься.

Иванов вскинул автомат, целясь, насколько это было возможно, в кабину. Палец его привычно лег на спусковой крючок. И все же на какой-то миг Иванов заколебался. А вдруг в машине совсем не те, кого партизаны подстерегают уже не первую ночь?

Однако отменять команду было поздно. Выждав еще две-три секунды, старший лейтенант нажал на спуск. В гулкую очередь его автомата сразу же вплелись выстрелы винтовок и карабинов партизан. Машина, словно столкнувшись с незримой преградой, резко отвалила в сторону, радиатором уткнулась в разлапистую ель. Из крытого брезентом кузова через задний борт горохом посыпались вооруженные люди. Послышались крики, стоны раненых. Кто-то, припав к заднему колесу, застрочил из автомата. Еще двое или трое попытались отстреливаться, но огонь партизан был дружнее и прицельнее. Автоматчик умолк, припав к колесу плечом. Остальные бросились было бежать по проселку, однако старший лейтенант предусмотрел и это: на случай отступления банды метрах в пятидесяти от основной группы бойцов в укрытии находился пулеметчик.

Угодив в огневой мешок, люди, выпрыгнувшие из грузовика, залегли, стали отползать подальше от дороги. Случись все это глубокой ночью, некоторым, навер-

ное, удалось бы скрыться. Но уже развиднелось, и старший лейтенант заметил, что все попавшие в засаду устремились именно в тот лес, что спускался к болоту.

— Вперед! За мной! — скомандовал Иванов.

Группа, заранее выделенная Ивановым, проследовала к разбитой машине, а остальные партизаны, не задерживаясь, пересекли проселок и затем цепью, стараясь не упускать друг друга из виду, вошли в лес.

И на этот раз все вышло удачно, как планировал старший лейтенант. Беспорядочно отстреливаясь, бандиты отходили все дальше от проселка, еще не ведая, что их прижимают к болоту.

Лес поредел. Меж стволов сосен проглянулась поляна, а за ней кустарник, окаймлявший болотную топь. В тот кустарник и сунулись бандиты. До партизан донеслись ругательства: видно, кто-то из гитлеровских холуев угодил в трясину.

А затем наступила тишина. Казалось, что в кустарнике нет никого. Но Иванов заметил, как колышутся нижние ветки, и понял: бандиты залегли там, пытаясь отбиться. И верно, вскоре опять завязалась перестрелка, но и на этот раз недолгая. Расстреляв не более чем по обойме, бандиты замолкли. Это обеспокоило Иванова. Что они еще затевают? Вдруг кусты снова всколыхнулись, и оттуда кто-то громко, хотя и хрипловато, выкрикнул:

— Эй, хлопцы, вы ошалели, что ли? Зачем по своим бьете? Мы ведь тоже партизаны. В Минске были. Там и машину у фрицев увели!

— Прекратить огонь! — приказал старший лейтенант. И уже потише добавил: — Эти гады от нас теперь не уйдут. Мы их живьем возьмем. — И снова, не выходя из-за укрытия, обратился к тем, кто залег в кустарнике: — Если вы партизаны — выходите! Партизану с партизаном воевать негоже. Заодно и познакомимся.

— Может, вам еще и документики представить? Так они у нас тоже имеются! — раздался все тот же хриплый голос.

И следом другой — визгливый, истеричный:

— Вам доказательства требуются, да? А это что? Не доказательство? Поглядите, в кого стреляете!

В тот же миг над кустами приподнялся один из укрытия, сорвал с себя головной убор и что было сил бросил его в сторону ивановцев.

Что-то темное, описав крутую траекторию, мягко, без шума упало неподалеку от старшего лейтенанта. Один из бойцов поднял брошенное, передал командиру.

Это была красноармейская пилотка. Не новая — изрядно поношенная. У Иванова застучало в висках от назойливой мысли: а вдруг и впрямь произошла ошибка? Вдруг он и его бойцы столкнулись не с бандитами, а со своими людьми, такими же партизанами? Ведь вот же — пилотка... Она точно такая, какую и теперь носят многие в его отряде. И звездочка на ней такая же! Хотя нет, не совсем такая... Сама пилотка потрепана и замусолена, а звездочка новенькая, без единой царапинки. Ишь как поблескивает эмаль! Такую ныне, пожалуй, нигде не отыщешь. Большая редкость.

— Ну что, братки? — опять донеслось из кустов. — Аль не видите, что по своим вдарили?

— Выходите! — крикнул Иванов.

— Как же нам — да без оружия? Вы тогда нас зараз всех уложите! Оружие потом возьмете.

— А чего вам бояться? Вы же говорите, что свои. А в своих мы стрелять не станем. Разберемся и отпустим, чайку вместе попьем.

Еще некоторое время из кустов доносился шепот. Но вот показалась долговязая фигура человека в фуражке с черным бархатным, как у таксистов, околышем. Осторожно, словно ступая по тонкому льду, пошел он к взгорку, за которым находился старший лейтенант.

— Ну что же? Шагай смелее! — подбодрил долговязого один из партизан. А Иванов незаметно дал бойцам знак, по которому те взяли долговязого на мушку.

За долговязым вышел еще один, в серой куртке, перепоясанной командирским ремнем. Затем появился и третий — этот шел прихрамывая.

«Сколько же их всего?» — подумал старший лейтенант. Он всматривался в лица людей, выходивших из кустов и попадавших под неяркие лучи утреннего солнца. А в памяти Иванова всплывали другие лица — детские, с округлившимися от страха и горя глазами. Те самые, что увидел он при свете коптилки, зажженной глубокой ночью в осиротевшем доме. Не этих ли людей

запомнили Сережа и Юра в тот страшный час? Не эти ли люди, что сейчас так робко, с опаской выходят из кустов, убивали их отца, грабили селян?

За хромым показался четвертый, с вихрастой головой. «Навериое, это ои пилотку иам бросил», — подумал Иванов. И тут же крикнул:

— Стой! А ну брось револьвер!

Эта команда относилась уже к пятому. Иваиов заметил, как оттопыривался карман его брюк. Тот, вздрогнув, поспешно бросил припрятаиный револьвер.

А за пятым выбрались из кустов еще двое. Эти уже старались доказать свою безоружность, пошли с поднятыми руками.

— Все, что ли? — спросил Иванов.

— Все, все! — с готовностью подтвердил долговязый, возглавлявший это иеобычное шествие. — Всего семеро нас осталось...

Последние слова Иванов словно бы не расслышал, он прямо-таки впился глазами в того, кто шел последиим. В первый миг старшему лейтеианту почудилось, будто ои улыбался, что было совсем неуместно в столь иапряженной обстановке. Но, приглядевшись к иему, понял: ие улыбка то была, а оскал из-за рассечеиной губы, от которой багровый рубец тянулся до самого уха. Иванов глянул и на руки человека со шрамом: на правой не было указательиого пальца.

Ои! Тот самый, о котором рассказывали сыновья убитого бригадира. Вот и встретились. «Теперь пришла пора рассчитываться», — подумал Иваиов, ио ие успел отдать каких-либо распоряжений, как над его головой пролетела граиата и метрах в пяти шлепиулась в высокую траву.

— Ложись! Огоиь! — успел крикнуть Иваиов и быстро откатился в сторону.

Слово «огоиь» слилось с залпами партизанских виитовок. Четверо бандитов рухиули замертво. Трое — беспалый, долговязый и тот, что шел последним, — бросились было обратно к кустам, ио партизаиы иастигли всех. И тогда предатели, упав на колени, стали вымаливать себе пощаду.

К Иванову подбежал кто-то из партизаи:

— Светло, товарищ старший лейтенант. Пора отходить!

Инструктируя своих наймитов, гауптштурмфюрер Клазен выбором дипломатических выражений отнюдь не утруждал себя. С цинизмом, присущим фашистам, Клазен наставлял «подопечных»:

— В каждом населенном пункте, куда мы вас направим, вы должны грабить, убивать, насиловать...

Разъясняя смысл и цель такого задания, гестаповец говорил:

— Надо, чтобы само слово «партизан» вызывало у местных жителей страх и ненависть. Тогда партизаны не будут иметь никакой поддержки у населения. А мы быстрее выявим лиц, желающих помогать оккупационным властям.

Задание, полученное от гестаповцев, пришлось по вкусу головорезам, избравшим грабежи и насилия своей профессией. Они словно бы только и ждали этого часа. Разместившись в трехэтажном доме на улице Оранского, эти насильники посматривали на своих соседей, «простых» полицаев, свысока. Ведь они подчинялись не кому-нибудь, а гестапо, выполняли задания гестаповцев... В дневное время бандюги отсыпались и только ночью, ближе к рассвету, на грузовой машине выезжали из города к заранее намеченной деревне, в лесу сходили на землю и, как воры, крались к домам ничего не подозревавших селян. А потом, сотворив злодеяние, торопились с награбленным к условленному месту, где их ждала машина.

Каждый выезд спецкоманды на разбой планировал Клазен. Он же время от времени проверял экипировку бандитов, следил, чтобы у каждого была красноармейская звездочка или алая партизанская ленточка, чтобы каждый не забывал погромче выкрикивать партизанские лозунги.

Словом, все было продумано до мелочей. И поначалу даже казалось, что акция осуществляется успешно. Однако не вышла, сорвалась она! Звериный оскал фашистских палачей никакой маской скрыть не удалось. Оборотней выследили, разоблачили и уничтожили. Сделали это народные мстители, которым помогали все местные жители — от мала до велика.

КОСТЫЛЬ

История эта началась в один из майских дней 1942 года.

Гитлеровцы нагрянули внезапно. Однако повели себя на сей раз не так, как в прежние наезды. Не убивали, не грабили, а пошли по хатам и переписали мальчишек и девчонок в возрасте одиннадцати — пятнадцати лет. Жителям было объявлено, что все подростки обязаны работать на торфоразработках. За уклонение — смертная казнь для всей семьи, имущество подлежит сожжению.

В тот черный список попал и Шура — ему тогда шел двенадцатый год. Утром следующего дня ребят под конвоем пригнали на торфоразработки, что находились близ станции Михановичи.

Было по-летнему тепло. Но ничто — ни яркое солнце, ни безоблачное небо — не радовало ребят. Перед ними простиралось огромное болото. У края его возвышалась похожая на экскаватор торфорежущая машина с двумя транспортерами — малым и большим, метров на сто.

Машиной управлял колченогий немец. Мальчиков поставил с лопатами у малого транспортера, а девочек — у большого. Вскоре прибыло пополнение — гитлеровцы пригнали ребятишек из Михановичей, Березины и других сел. Всего набралось двадцать хлопцев и девчат. Из Асеевки вместе с Шурой пришли соседские девочки Женя Кондруцкая и Нина Галечик.

В восемь часов на торфоразработки прибыл майор Функ — он был здесь главным по заготовке топлива для немецких паровозов.

Брезгливо скривив губы, Функ оглядел всех и начал свою речь на русском языке, которым неплохо владел. Объявил, что отныне все являются командой по добыче торфа для нужд германской армии. Рабочий день — с восьми утра до восьми вечера. Обед — сорок минут. Выходных не полагается.

— Хороший хозяин отдыхает зимой, — пояснил Функ.

А в конце речи сообщил, что для «безопасности» работающих здесь же будет находиться вооруженный

солдат. Его приказания должны исполняться немедленно и точно. Кто ослушается, будет строго наказан.

Все это Функ объявил с таким видом, будто оказал большую милость и честь, за которые нужно благодарить лично его. О собственной персоне он был самого высокого мнения. Тщательно заботился о своей внешности. Даже при легком дуновении ветерка от этого напомаженного и набриолиненного майора исходил запах духов. Болото, резкая вонь торфяной массы — это было явно не для майора. Но, очевидно, Функу казалось сподручней копаться в болоте, чем рисковать головой на фронте.

Еще раз напомнив, что нужно работать «как следовайт», Функ удалился в Михановичи, в свой особняк. Машинист завел мотор, и транспортер потянул в чрево машины бесформенные комья торфа, которые подростки кидали лопатами.

Работали до изнеможения. Рядом ходил гитлеровец с автоматом и плетью. Стоило кому-нибудь замешкаться, как плеть, впиваясь в рубашку во всю длину худенькой спины, огнем прожигала кожу. И багровел, наливаясь кровью, рубец. Нестерпимая боль отдавалась во всем теле. А Курт — так звали этого палача-надсмотрщика, — посмеиваясь, как бы повизгивая от удовольствия, приговаривал:

— Шнелль, шнелль! Бистро, бистро!

Курта сменил другой охранник — Ганс. Был он тоже с автоматом и плеткой.

Копали торф до вечера. Когда транспортер наконец остановился, у ребят едва хватило сил вылезти из карьера и дойти до дому.

Утром — опять болото и опять Курт и Ганс со своей плеткой.

Лента транспортера шла безостановочно. Люди выбивались из сил, а Функ, время от времени наезжавший проверить, как идет работа, ругался, кипел от дикой злобы. Для паровозов не хватало топлива, воды. Прикрывая нос надушенным платочком, майор кричал, что торфа дают мало, что «делать» его надо больше. Грозил расстрелом и виселицей.

Наоравшись до хрипоты, Функ убывал в Михановичи. Там в особняке коротал он свое свободное от служебных дел время. Чем занимался и как развлекался —

того никто не ведал. Даже охранников не допускал Функ близко до своей особы. Ключи от личных покоев всегда держал при себе. И не только от покоев. Еще до начала торфоразработок Функ велел солдатам соорудить для него персональный туалет. Ключ от будки, где он помещался, никому не доверял.

...На болоте торфорежущая машина тарахтела не умолкая. И с каждым днем все больше становилось исполосованных плетьми детских спин. Силы ребят таяли, даже пустая лопата клонила к земле. Они не видели ни неба, ни лесных далей. Перед глазами была только лента транспортера, казавшаяся чудовищем, выжимающим последние силы, да тяжеленная лопата. Голод, постоянные издевательства, побои, каторжный труд изнашивал детские организмы.

«Хоть бы эта проклятая машина когда-нибудь сломалась!» — такая мысль все чаще приходила Шуре в голову. Да, наверное, и другие думали о том же — у каждого на спине были Куртовы и Гансовы отметины. Однажды, вернувшись домой, Шура без помощи матери не смог снять изрезанную плеткой рубаху — она присохла к кровавым рубцам. Спал на животе. Проснулся чуть свет. И как же он обрадовался, узнав, что за ночь мама сшила новую рубашку — из куска брезента.

«Надо что-то сделать, чтобы машина остановилась», — думал Шура. Вдруг на глаза ему попалась коряга. Мальчик тут же втоптал ее в торф, кинул на транспортер и стал ждать, что будет дальше. Мысленно видел, как коряга подъезжала к бункеру, заклинивала цепь. Но проходили секунды, а машина все работала. И вдруг она заскрежетала, лента транспортера дернулась и — остановилась. Курт кинулся к бункеру, где уже суетился машинист. Пока фрицы, переругиваясь, копались в машине, все отдыхали. Без малого полчаса.

Итак, первая диверсия удалась. Охранник и машинист никого не заподозрили, решили, что коряга угодила в машину случайно. А Шура думал: что бы еще сделать? Подкинуть вторую корягу? Нет, не годится, гитлеровцы насторожатся, поймут, что кто-то им вредит. Вспомнил, что дома есть ржавая гайка, вот бы ее подбросить в машину. Но как?

Весь следующий день работал Шура, храня в кармане гайку. Чувствовал ее постоянно, она даже натерла бедро. Но достать ее и подкинуть на транспортер не смог: Курт не спускал с детей глаз.

Лишь на следующий день удалось осуществить мальчику замысел. Для этого он еще дома слегка подпорол карман, а во время работы черенком лопаты выдавил гайку в прореху, и она упала к ногам. Шура тут же подхватил ее на лопату и вместе с торфом бросил на транспортер.

Никем не замеченная гайка доехала до бункера. И уж тут машину дернуло так, что колченогий едва не свалился с сиденья. Цепь разорвало вдребезги.

Эта маленькая гайка наделала много шума. К поломавшейся машине прибыл сам Фуик. Гайку извлекли, обследовали. Фашисты и на этот раз никого не заподозрили в диверсии. Но то, что машина вторично вышла из строя, привело их в бешенство. Без разбора хлестали они спины ребят.

Ободренный удачей с гайкой, Шура решил в следующий раз подкинуть в машину вещицу посолиднее — костыль, что забивают в шпалы.

Костыль — не гайка. В кармане его не спрячешь. Тем более что конвоиры после второй аварии стали чаще обыскивать всех. Как-то до начала работы Шура незаметно обошел машину и загнал костыль, захваченный из дому, в одну из кочек. Кочку эту он хорошенько заприметил и во время работы из виду не терял.

День начался как обычно. Прежде чем запустить машину, Курт и Ганс каждого ощупали, проверили карманы. Утро выдалось пасмурное, дождливое. Оттого, должно быть, Курт был особенно свиреп. Плеть то и дело мелькала в его руке. А Шурины мысли были об одном — как бы не прозевать кочку с костылем.

Время шло. «Заветная» кочка приближалась. Вот она совсем рядом. Шура поглубже копнул лопатой; кинув кочку на транспортер, положил на лопату новую порцию торфа. А сам все прикидывал расстояние до бункера. Дойдет ли до него костыль? Секунды казались вечностью. И вдруг раздался пронзительный скрежет железа о железо. Машина накренилась, задрожала и замерла. Внезапно наступила тишина. Как будто и мотор не работал, не скрипели металлические кольца под

лентой транспортера. Нарушили тишину крики конвоиров и колченогого немца. Загнав всех в яму, наполненную болотной жижей, Курт послал Ганса за Функом. Тот прибыл с целой сворой охранников. Стали осматривать машину. Оказалось, что цепь разлетелась так, что ни склепать ее, ни сварить.

Функ пришел в ярость. Охранников ругал самыми скверными словами, грозил отправить на восточный фронт. Потом с несколькими солдатами поехал в Минск за новой цепью.

Гитлеровцы долго держали людей в яме. И только поздно вечером, промокших и продрогших, отпустили домой. Шуру тоже била дрожь, но не столько от озноба, сколько от возбуждения, от радости: проклятая машина, резавшая торф для вражеских паровозов, выведена из строя. И уже не на час — на день, а может, и больше.

Но Шуре тогда невдомек было, что не только он старался навредить гитлеровцам, что был еще хлопчик, который ради этого рисковал не меньше его.

О тех событиях стало известно позже. Вот как они развивались.

Узнав об отъезде Функа в Минск, Ваня, тихий и молчаливый паренек из беженцев (его родители погибли в Минске во время бомбежки), тайком пробрался в особняк майора. У туалетной будки замаскировал гранату, к кольцу предохранительной чеки прикрепил тонкую стальную проволочку, второй ее конец незаметно приладил к двери.

Утром Функ и солдаты доставили новую цепь. На установку ее, на отладку машины времени ушло немало. Но и после дело у машиниста не больно клеилось. Это выводило Функа из себя. Он кричал на Курта и Ганса и опять грозил им отправкой на фронт. Но когда приблизилось время обеда, пунктуальный майор уехал в Михановичи. А пару часов спустя на торфоразработки прибежал солдат. Из его слов Курт и Ганс сначала ничего не могли понять; поняв же, всполошились, снова согнали всех в яму. Из разговора конвоиров было ясно, что с Функом что-то произошло. Вскоре всем велели разойтись по домам.

А было все удивительно просто. Открывая дверь туалетной будки, Функ выдернул чеку из Ваниной гранаты. Произошел взрыв...

В Михановичи были стянуты наличные силы немцев и полицаев. Но этого начальству показалось недостаточно, и для расследования «дела Функа» прибыли сотрудники абвера. Они организовали поиск партизан (никто не мог предположить, что эта тонкая работа проделана робким пареньком), но хитро задуманная фашистами операция результатов не дала и дать не могла.

А в дальнейший ход событий действительно вмешались партизаны. Однажды, когда ночь вступила в свои права, партизанские подрывники вышли к болоту, незаметно подползли к дремавшему часовому, связали его и оттащили в сторону. Потом заложили в торфорежущую машину изрядную порцию тола. Раздался взрыв, да такой сильный, что эхо его услышали в Михановичах и окрестных деревнях.

Машину разнесло на куски. Так закончило свое существование «предприятие» майора Функа.

ПАРТИЗАНСКИЙ ПАРАД

Поначалу это известие показалось всем чинам жандармерии и даже кое-кому из абвера неправдоподобным. А было так. Сынок одного из недобитых белогвардейцев вместе с оккупантами прибыл в Советскую Россию. Еще в 1937 году он продался абверовцам, решив расквитаться с большевиками, которые лишили помещиков, и в том числе его отца, земель. Приехав в «свое российское имение», он увидел лишь одиноко торчащие обгорелые трубы да каменные стены, развороченные бомбами, которые сбросили фашистские летчики. Однако времени на проливание слез у него не было: везли его совсем для другой цели.

Осмотревшись, он приступил к непосредственному исполнению своих обязанностей. Вот его первое донесение: «7 ноября 1942 года в деревне Горелец Пуховичского района Минской области должен состояться парад 2-й Минской партизанской бригады, а также демонстрация жителей окрестных деревень по случаю 25-й годовщины их революции. *Примак*».

Один из главарей абвера фон Пукс гадал:

— «Что это? Дезинформация? Очередная партизанская шутка? Агент Примак проверен многократно еще

в Германии: успешно выполнял задания по русской эмигрантской колонии во Франции. Теперь удачно, под видом красноармейца-окруженца, легализовался — осел у здешней молодухи — и вот уже более года в деревне: всех знает, завел нужные связи, указал абверу активистов Советской власти, а также причастных к подполью. Оснований не верить вроде бы нет. Ну а если все, о чем доложил агент, соответствует действительности?»

Фон Пукс хорошо помнит, как отмечался праздник 1 Мая. Тогда во многих селах, деревнях и городах были вывешены красные флаги, и снять их оказалось делом рискованным, — сначала пришлось снимать мины. Ждали саперных подразделений, а красные полотнища флагов нежно трепал майский ветерок. Прохожие поднимали головы, и радостью переполнялись их сердца: Советский Союз живет, Советский Союз борется и победит!

Но то были только флаги... А тут парад и демонстрация. Как в Москве. «И это в сорок втором году в глубоком немецком тылу, — раскаляясь от бессилия, недоумевал фон Пукс, — когда войска рейха вышли к Волге, ведут бои в Сталинграде!..»

Пуксу, как и другим чванливым гитлеровским воякам, захватившим пол-Европы, казалось, что с Россией будет так, как было с Австрией, Чехословакией и Польшей, с Данией и Норвегией, Нидерландами, Бельгией и Люксембургом, с Францией, наконец! Вот это была война!

Прихватив листок с донесением агента, он поспешил уведомить начальство.

Не только в небольших белорусских городах, но и в самом Минске фашисты подняли переполох. Они даже вообразить не могли, что совсем недалеко от Минска, среди немецких войск, гарнизонов, всевозможных укреплений партизаны и население сел и деревень Горелец, Песчанка, Липское, Заболотье, Пристань, Липияки и других выйдут на праздничную демонстрацию.

Все охранные батальоны, полевая жандармерия, а заодно и некоторые части дивизии СС «Мертвая голова», недавно переброшенной в Белоруссию из Польши, были приведены в боевую готовность.

...У памятника партизанам 2-й Минской бригады, низко склонив головы, стоят ее бывшие командиры и комиссары, разведчики и связные. Вспоминают бойцов, геройски в битвах павших. Здесь стоят и те, кого связной Шура проводил через вражеские посты, встречал в условленных местах после выполнения задания.

Время бессильно перед памятью тех, кто в лихую годину чужеземного нашествия по зову Коммунистической партии, по велению сердца вступил в ряды народных мстителей, чтобы в глубоком вражеском тылу сражаться за Советскую Родину, отстаивать завоевания Октября.

И по сей день в мельчайших деталях помнят ветераны, как отмечали они 25-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Теперь, спустя не одно десятилетие, многое из пережитого и выстраданного поражает. Но ведь все это было, было! И парад, и демонстрация, поднявшие дух людей, укрепившие их веру в нашу победу, придавшие силу в борьбе с оккупантами. Партизанский парад был равнозначен выигранному крупному сражению с фашистами.

А потом — бой, упорный, ожесточенный, смертельный бой, завершившийся прорывом вражеского кольца.

У здания школы торжественными колоннами выстроились бойцы партизанской бригады. Рядом со школой — трибуна, и не какая-нибудь, а загодя и добротно сколоченная местными плотниками. Над трибуной портреты Ленина и Сталина, длинное кумачовое полотнище, на котором начертано: «Да здравствует 25-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!» А чуть дальше, призывно и грозно, — «Смерть фашистским захватчикам!».

Вся деревня Горелец в праздничном убранстве. Флаги над каждым домом. И не беда, что они не так ярки, как настоящий кумач. Жители изготовили их из домотканого полотна, окрашенного шелухой репчатого лука.

Вспоминая то время, отчетливо представляешь себе, с каким трудом, а порою и риском добывался кусок красной ткани. Попадешься с ним в лапы гестаповцу или просто полицаю — живым вряд ли вырвешься: кумачовый лоскут расценивался как винтовка или граната.

День 7 ноября 1942 года выдался ясный, слегка морозный. Встав по стойке «смирно», затаив дыхание, партизаны слушали голос Москвы. По радио передавали приказ народного комиссара обороны, и в далекое белорусское село неслись волнующие слова: «Будет и на нашей улице праздник!» Каждому слову из приказа с трепетом внимали и женщины, дети, старики, пришедшие на парад и демонстрацию со всей округи.

А потом начался митинг. На трибуне — партизанские командиры и комиссары, председатель сельского Совета, председатели колхозов, активисты. Речи их кратки, но взволнованны и проникновенны.

И вот наступает самая торжественная минута — командир бригады Сергей Николаевич Иванов принимает рапорт от командующего парадом начальника штаба Ивана Никифоровича Тищенко о готовности бойцов к параду. Звучит команда: «К торжественному маршу!..»

Не было у партизан ни барабанов, ни фанфар. Зато был баян. И под его звуки печатали шаг народные мстители. Рота за ротой перед трибуной шли партизанские отряды. Шли автоматчики, пулеметчики, минометчики, шли бесстрашные подрывники-разведчики, петеэровцы... Их вели боевые командиры, комиссары, начальники штабов: Доможиров Василий Андреевич, Тарасевич Кузьма Кузьмич, Матевосян Хачик Агаджанович, Адамович Владимир Петрович, Довнар Сергей Казимирович, Шкутко Николай Васильевич, Сагальчик Василий Кузьмич, Михайлов Алексей Михайлович.

Когда перед трибуной прошла последняя колонна бойцов, баян не смолк — началась демонстрация. Как и в счастливое мирное время, первыми шли дети. Пионеры в алых галстуках, комсомольцы. За ребятами пошли их матери, сестры, деды — колхозники и колхозницы. С песнями о Родине, о Москве, о непобедимой Красной Армии.

Песни не смолкали и после демонстрации — на поляне за деревней начался концерт художественной самодеятельности.

Однако завершить праздник, как было задумано, не удалось. В ночь на 8 ноября, когда торжества были в разгаре, связные доложили начальнику штаба бригады, что в двадцати километрах от деревни Горелец замечено интенсивное движение фашистских войск с танками,

артиллерией, минометами, огнеметами. Партизанские разведчики и подпольщики подтвердили, что в районе дислокации 2-й Минской бригады фашисты сконцентрировали тысячи солдат и офицеров. Наблюдается передвижение вражеских карательных колонн из Шацка и Руденска. Можно было с уверенностью сказать: враг предпринимает что-то важное.

Прозвучал сигнал тревоги. Командир бригады решил готовиться к бою. В деревне Горелец заняли оборону два отряда. Здесь же расположились штаб бригады, взвод разведки и взвод снабжения. Другие отряды находились в окрестных деревнях. Имущество бригады предписывалось держать на базах в лесу. При необходимости его надлежало эвакуировать или уничтожить. Все было спланировано таким образом, чтобы, во-первых, враг не смог внезапно блокировать бригаду и, во-вторых, в случае нападения карателей нанести ему максимальный урон. И все же бригада оказалась во вражеском кольце...

Но ни 8-го, ни 9-го, ни даже 10 ноября гитлеровцы нападать на партизан не рискнули. Трусили? Да, именно так! Боясь, что будут разбиты партизанами, гитлеровцы стали наращивать силы.

Только 11 ноября, рано утром, началась фашистская карательная экспедиция под кодовым названием «Альберт-2». В ней гитлеровцы задействовали войска численностью до пятнадцати тысяч человек под командованием фон Бах-Залевски.

Двигаясь по болоту со стороны деревин Заречье к переправе у деревни Янка Купала, фашисты неожиданно для командования бригады нанесли удар в направлении Песчаники и Горельца. Партизанские отряды имени Суворова и Кутузова интенсивным огнем встретили врага. Он попятился назад. Атаки и контратаки продолжались до глубокой ночи. Карателям удалось поджечь обе деревни.

Эсэсовцы и командиры воинских подразделений потирали руки, предвкушая долгожданный успех. Они не сомневались, что уж на этот-то раз 2-й Минской бригаде не вырваться из кольца окружения.

Партизаны понимали сложность своего положения, знали, что схватка предстоит неравная, что у врага артиллерия, танки, самоходки, что на каждого бойца

бригады приходится до пятнадцати вражеских солдат. И тем не менее народные мстители были полны решимости дать врагу бой. «Мы верили в свои силы, в себя, — говорил позже Тарасевич. — Мы верили в успех, и каждый стремился уничтожить побольше фашистов».

После передислокации бригада вышла к реке Птичь. Ее отряды заняли оборону, окопались.

В тот час партизаны еще не знали, что каратели заходят к ним в тыл, пытаясь отсечь их от крупного лесного массива.

Первая и вторая попытки гитлеровцев с ходу переправиться через Птичь закончились для них безуспешно. Тогда каратели решили тоже занять оборону. К берегу реки они подтягивали танки, артиллерию, бронетранспортеры.

Под покровом сгустившихся сумерек несколько головорезов из дивизии СС «Мертвая голова» попытались на надувных лодках преодолеть Птичь и пробраться в тыл к партизанам до подхода своих основных сил. Но не тут-то было! Пулеметный расчет Николая Огородникова, несмотря на темноту, стрелял отлично, ни одной пули мимо цели не послал.

Взбешенные неудачей, гитлеровцы открыли огонь из пушек. Вокруг окопа пулеметчиков вздыбилась земля от разрывов снарядов, но Огородников и его товарищи успели отойти на запасную позицию. Вот тут-то сказали свое веское слово бойцы-петеэровцы: почти одновременно запылали танк и два бронетранспортера противника.

Бой продолжался около суток. Как ни пытался враг переправиться на тот берег, в расположение партизан, всякий раз он откатывался назад, неся потери.

Прежде боец бригады Саша Кондаков слыл бесстрашным подрывником-разведчиком. А в этом бою показал себя и снайпером отличным. Из простой трехлинейки он брал на мушку гитлеровцев. Стоило командиру вражеской танковой роты выглянуть из люка своей бронированной машины, как его уложила пуля, посланная Кондаковым.

В паре с Сашей действовал Петрусь Алексеенко. У этого бойца, признанного снайпера, было железное правило: на каждого фашиста — по одному патрону.

больше не полагалось, боеприпасы требовалось экономить.

В ответственную минуту боя партизанские разведчики, прикрывавшие фланг бригады, заметили, что двум вражеским солдатам все же удалось перебраться через реку. Вели они себя довольно странно: не крались, но и не стреляли; заметив партизан, сорвали с себя погоны, бросили оружие и подняли руки.

Солдат доставили в штаб, и там они назвали себя. Оба — Иржи и Франтишек — оказались словаками. Мобилизованы в гитлеровскую армию по принуждению. Шесть месяцев служили в охранном батальоне и все это время ждали удобного случая, чтобы перейти к партизанам. И еще Иржи и Франтишек сообщили: «Не позднее как к утру в тыл бригады должны выйти части дивизии СС «Мертвая голова». Это грозило партизанам полным окружением.

Командование разрешило словакам остаться в бригаде, с оружием в руках бороться против иноседавших фашистов.

Много часов подряд держала бригада оборону. Потом на берегу остался один взвод — Василия Милованова. Рассредоточившись по окопам, бойцы отстреливались, создавая видимость, будто бригада продолжает обороняться, удерживать свой рубеж. А тем временем в прибрежном лесу сосредоточились отряды. Развернулись в цепи автоматчики и пулеметчики, а впереди них, бесшумно снимая фашистских часовых, двигались разведчики.

Бригада шла на прорыв...

ДВА МГНОВЕНИЯ — НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Память детских лет... Поистине удивительна ее сила! Порой мы долго и напряженно припоминаем, что было с нами месяц и даже неделю назад. А вот какой-нибудь случай из далекой поры детства помним во всех красках и оттенках. Для этого достаточно одного толчка. Самого малого, самого легкого...

Некоторые склонны объяснять силу памяти детских лет только тем, что само детство — золотая пора, в ко-

торую весь мир видится ясным вешним утром. Не берусь оспаривать это, но и согласиться тоже не могу: мир нашего детства не был безоблачным и безмятежным, его опалила война, и нам крепче аромата лугов, лесов и полей запомнилась пороховая гарь...

Когда в Белоруссию вторглись вражеские полчища, Шура только окончил четвертый класс Гатовской начальной сельской школы. И сразу же незнакомое прежде понятие «оккупация» стало повседневной реальностью, сполна познаваемой во всех ее ужасах. И уж чего-чего, а того, что довелось пережить в ту тяжкую пору, не забыть вовек.

Теперь даже не верится, что было такое с пареньком из белорусской деревни. Однако было это, было!

В его край фашисты пришли в начале июля 1941 года. И сразу появились их приказы с предупреждениями о расстрелах. Смертная казнь грозила за все, и в первую очередь — за хранение оружия, в том числе охотничьего. А Шура с братом Славиком как раз только тем тогда и занимались, что собирали оружие. Вечерами тайком выходили из деревни и на местах недавних боев отыскивали винтовки, пистолеты, патроны, тщательно их прятали. Делали это поначалу для себя — оружие все же, а потом осознанно — для партизан: они очень скоро появились в тех местах.

Шура и сам мечтал вступить в отряд народных мстителей. Однако у партизан, время от времени приходивших в деревню, на все его настойчивые, даже слезные просьбы ответ был один: мал слишком, подрасти! И еще больше года мальчишка оставался, как тогда считал, в стороне от настоящих дел. Ну а то, что ему иной раз поручали к кому-нибудь сбегать и что-то передать, за дело не считал: с тем и любая девчонка могла справиться. Вот если бы его взяли в партизаны, тогда другое дело! Разве он в школе даром получил значок «Юный ворошиловский стрелок»? Этот значок казался ему свидетельством боевой зрелости.

Но в отряд Шуру не брали. И только осенью сорок второго года ему наконец доверили первое боевое задание. Дал его Василий Митрофанович Ермилов, ставший вскоре политруком одной из рот партизанского отряда, действовавшего в Пуховичском районе. И прежде чем

повести разговор о деле, он счел нужным предупредить Шуру самым строгим образом:

— Язык за зубами держать умеешь?

— Умею! — выпалил Шура.

— А ты не спеши, подумай да представь, что будет, если попадешь в лапы гестаповцам. Ведь бить станут, пытать... Как тогда? Выдержишь?

— Выдержу. Ничего не скажу.

— Ну смотри же... Помни о своем слове!

Только после такого предупреждения Василий Митрофанович растолковал, что от Шуры требовалось. Последним препятствием на пути, по которому доставлялись в отряд боеприпасы, горючее, продовольствие и медикаменты, был в те дни переезд через железную дорогу, называвшийся Асеевским. Он охранялся почти круглые сутки. Каждый человек, каждая повозка тут останавливались и обыскивались. Пропускались через переезд лишь те, кто имел при себе аусвайсы, выдававшиеся немецкой комендатурой.

Кроме солдат-охранников на переезде дежурил будочник, ревностно прислуживавший захватчикам. Когда гитлеровцы отходили от переезда (недалеко, метров за двести — триста), чтобы осмотреть железнодорожный путь, то за всеми проходящими и проезжающими доглядывал этот тип.

— Дело твое такое, — сказал Шуре Ермилов. — Будешь следить за переездом. И как только там ни солдат, ни будочника не окажется — сразу дай сигнал Вале Марковской. Ты ведь ее знаешь? Так это она поедет в отряд с подводой.

Валю Шура знал. Был знаком и с будочником: еще раньше Ермилов велел мальчику «подружиться» с ним. «Это может очень пригодиться», — сказал он тогда. И Шура, чтобы войти в доверие к хитрому и обозленному на всех селян человеку, старался всячески услужить ему: носил воду, колол и таскал дрова, топил в будке печь, на которой сторож иногда варил себе еду. И что вы думаете? Понемногу будочник проникся к мальчишке доверием, стал считать «своим». Потому-то Шуре и не возбранялось появляться на Асеевском переезде.

И вот слоняется Шура у переезда будто так, без всякой цели, а между тем посматривает то на железную дорогу — вправо и влево, то на кусты, где уже притан-

лась Марковская с подводой. Посматривает да еще раз прикидывает: от кустов, где укрылась Валя, до леса, что за переездом, метров четыреста. Лошадь с груженой повозкой такой путь может одолеть за три-четыре минуты. Значит, нужно подавать Вале сигнал только при уверенности, что именно на такой срок переезд остается без охранников.

А охранники — ни с места. Хорошо, что нет будочника — он занялся приготовлением обеда. Но сколько же будут сидеть у шлагбаума два немецких солдата?

Наконец, надвинув каски на самые глаза, охранники поднимаются, идут проверять путь. Еще немного, и их уже не видно — они скрываются за поворотом. Шура подает условный сигнал. Валя тотчас выезжает из-за кустов. И вдруг — на тебе: из-за поворота, за которым только что скрылись охранники, выкатывается дрезина с механическим приводом. На ней два автоматчика. Еще мгновение — и они увидят нашу подводу, остановят, обыщут. А в подводе — Шура это знал — бензин, ружейное масло, оружие, медикаменты. Всего понемногу.

Что делать? Как уберечь Валю с ее опасным грузом? Дрезину она еще не видит. Да и в кусты ей поворачивать поздно — не успеет. И мальчик решает привлечь внимание фашистов к себе. Выскакивает на переезд, бежит вдоль железнодорожного полотна на виду у солдат.

— Хальт! — несется вдогонку.

Но мальчик не останавливается, бежит быстрее.

— Хальт! Хальт! Хенде хох! — еще громче несется вслед.

Гитлеровцы соскочили с дрезины, гонятся за мальчишкой, на ходу вскидывая автоматы. «Вот и все, — мелькает у Шуры мысль. — Сейчас дадут очередь и уложат...»

— Та-та-та-тах! — оглушающе раздается за спиной.

У виска свистят пули, под ноги падают срезанные ими ветки. Шура, словно споткнувшись, останавливается...

Испытывал ли мальчик страх в то мгновение? Скорее всего, тогда страха не было. Он пришел позже. А в то мгновение Шуре казалось, что все происходит не с ним, что огонь фашистов вызвал на себя не он, а кто-то другой.

Убегать от гитлеровцев Шура не замышлял, старался лишь подольше задержать их внимание на себе. И потому остановился, поднял руки. Фашисты схватили его, притащили в будку, стали бить и обыскивать. А тут, на его счастье, подоспел будочник. По-немецки говорил он свободно, стал солдатам что-то доказывать, кивая на мальчика. Те сначала с ним спорили, а потом, дав еще пару зуботычин, вышвырнули из будки.

Весь избитый, пришел Шура домой. День или два спустя с ним встретился Ермилов. Похвалил, сказал, что мальчик может с полным правом считать себя партизанским связным.

Шурка гордился таким доверием, старался и в дальнейшем точно выполнять каждое задание. Чаще всего поручали ему распространять листовки со сводками Совинформбюро среди жителей окрестных деревень. Это было не так и сложно. Главное — не попадаться на глаза полицаям да фашистам. А люди наши встречали его радостно — как почтальона, принесшего добрые весточки с Большой земли.

Со временем Шуре стали доверять дела потруднее. Те же листовки он должен был уже расклеивать в людных местах. А это было сопряжено с немалым риском. Попадись он в руки фашисту да опознай тот его — смертной казни не миновать бы ни Шурке, ни его родным.

И вот однажды мальчик едва не попался. А случилось это так.

Майским днем 1943 года он отправился на станцию Михановичи, чтобы разбросать на вокзале листовки. Когда Шура пришел на станцию, то случайно узнал, что ожидается прибытие эшелона с эсэсовцами. Что делать? Уйти, не выполнив задания? Ни за что!

Не спеша вышел на привокзальную площадь, увидел нескольких старух и стариков. Шура остановился подле двух старушек, осмотрелся и направился в зал ожидания. Потолкался там и незаметно бросил на скамейку листовки. Все шло хорошо, но, когда попытался одну листовку приклеить на дверь, почувствовал, что кто-то схватил его за воротник пиджачка. Обернулся и увидел верзилу с усиками «под фюрера». Карабин у него в положении «на ремень», на левом рукаве — белая повязка.

— Это что у тебя?

— Не знаю. Сейчас нашел.

— Ах, нашел? Идем-ка, щенок, со мной.

Полицай улыбался, торжествуя. Еще бы! Для него мальчик — добыча, за которую можно ждать награду. А что ждет Шурку? Страшно представить... И откуда он взялся, этот полицай?

Шура попытался вырваться, но полицай держал его крепко, хотя и одной рукой, — другой сдирал листовку, осторожно, чтобы не порвать и представить начальству как вещественное доказательство.

Полицай вывел Шурку на перрон, в конце которого маячила черная фигура жандарма. По рельсам, набирая ход, двигался товарняк. Стучали колеса, стучало Шуркино сердце, стучала кровь в висках. И вдруг мальчик заметил, что пиджачок на нем распахнут.

Ну а дальше все произошло в одно мгновение. Откинув руки назад, Шурка что было силы вырвался из собственного пиджака, оставляя его в руках полицая, и тут же кинулся под вагон идущего поезда. Успел перед самым колесом перевалиться через рельс и прижаться к шпалам. Над ним проплывал один вагон за другим. И как только промелькнули колеса передней оси, Шура снова перевалился через рельс, но только на другую сторону.

А полицай метался по перрону, орал, заглядывая под вагоны:

— Стой, пристрелю!

Поднявшись, бросился Шурка от дороги. Побежал огородами в лес. Вдогонку ему гремели выстрелы.

Да, велика сила памяти детских лет. Много разных событий запечатлелось в ней...

ПЕРЕДНИЙ КРАЙ

Миновав вражеские заслоны, Шура добрался наконец до деревни Кайково. Уже вечерело, а куда дальше идти — не знал. Прежде всего надо было найти тётю Настю, женщину смекалистую, которая могла указать путь в деревню Озеричино — там начиналась партизанская зона.

Неторопливо шагая по улице, Шурка вспомиил, как отец однажды сказал, что лучше пройти медленно раз, чем два раза быстро. Вспомиились эти слова ие случайно. Хату тети Насти надо было иайти с первого захода, так как в чужой деревне всякий незнакомец мог привлечь внимание.

Мальчик зиал, что сыи тети Насти, Леия, партизанит и, хотя люди, жившие по соседству с ией, были истинными патриотами, осторожность и тут ие повредила бы. Тем более что в деревне располагался вражеский гарниизои. Гитлеровцы рыскали всюду, терроризируя селян, мысль о возможной встрече с ними как бы подхлестывала мальчика.

К счастью, хата оказалась поблизости. Встретила тетя Настя Шурку ие больно-то ласково. Сначала учинила допрос по всей форме: куда, зачем и от кого идет, знают ли о том его родители? Каждый ответ вызывал новый вопрос. Шурка заявил, что идет к партизанам по заданию и что все, кому надо знать об этом, в курсе дела.

После такого ответа тетя Настя обстоятельно рассказала о деревнях, лесах и речках, которые предстояло пройти или обойти стороной. Предупредила о фашистских гарнизонах и постах, посоветовала, с какого боку заходить, что отвечать при встречах с людьми иа расспросы.

— Если в дороге встретишься с антихристами, то скажи им, что, мол, из одной деревни идешь в другую к бабке Дуне. Только ие называй деревень, которые прошел, и ту, в которую идешь. Спрашивать тебе несподручно. Записывать тоже нельзя, так что запоминай все хорошенько, — напутствовала хозяйка.

Утро было хмурое. Хлестал по окнам холодный мартовский дождь, свирепо выл в трубе ветер. Тетя Настя накормила мальчика да еще собрала торбочку с едой в дорогу. Потом вывела за ворота, молча простилась.

Втяиув голову в плечи и засунув руки в карманы, Шурка отправился в свой далекий путь. Деревню прошел благополучно и, миновав гарнизон, вышел на дорогу, которая вела к опушке леса.

В мальчишеской отчаяниой голове все было ясио, спокойно, даже радостно, хотя по-прежнему лил ледяной дождь, покалывая лицо, и сквозь иизко иависшие

тучи никак не могло пробиться солнце. Силу и бодрость придавала Шурке мысль о том, что идет он в партизанский отряд и станет наконец настоящим бойцом. «Как бы там ни было, из отряда меня обратно не отправят. А если станут сомневаться, скажу, что умею стрелять, обращаться с гранатой, винтовкой, хорошо знаю противогаз, что дома, в потайных местах, у меня закопаны патроны, гранаты, противогазы. Примут», — думал он и веселее шагал вперед.

Далеко позади осталась деревня Кайково, когда из-за поворота вдруг показался полицейский. За спиной у него — винтовка, под мышкой — узел с ворованным крестьянским добром. Защемило в Шуркиной груди, к спине прилипла рубашка, но деваться было некуда, и он продолжал шагать, плотнее прижимая к себе торбочку.

Полицай, как показалось Шурке, сначала вздрогнул. Сообразив, что перед ним мальчишка, попытался перебросить из-за спины винтовку, но тут же едва не уронил в лужу свой узел.

Оглядевшись, полицай остановился, поманил мальчика. Когда тот подошел, фашистский холуй, обдав его перегаром, спросил:

— Куда идешь?

— Туда, — показал Шурка на поворот. — Там бабка моя помирает.

— Ну ладно, проваливай, — сказал полицай. — Хотя тебя прихлопнуть следовало бы...

Оттолкнув мальчишку, он пьяно, широко расставляя ноги, пошел в Кайково. Шурка еще некоторое время не мог сдвинуться с места, ноги его обмякли, сделались ватными. «Пронесло», — подумал он и направился к лесу.

В лесу было тихо. Лишь тяжело и грустно стонали сосны. Сколько Шура прошел — определить вряд ли мог. Обходил деревни и наезженные дороги, шел лесными тропами...

Снова наступил вечер. Стало подмораживать. Бурки у мальчика промокли, пальтишко покрылось ледяной коркой. Силы иссякли, настроение упало. Тяжелой теперь казалась торбочка. Хотелось посидеть, передохнуть.

Вдали обозначились блеклые редкие огоньки. Что это? Откуда? Еще деревня? Шура понял, что сбился с

ути. И, не разбирая дороги, по насту пошел на огоньки. Казалось, что они совсем близко. Но мальчик шел, и огоньки словно бы убегали от него.

И вдруг на фоне ночного неба Шура разглядел очертания церкви и нескольких домов.

На улице темно и тихо. Безлюдно. Ничего подозрительного. Мальчик подходит к ближайшему дому, легонько стучит в дверь. На его стук выходит женщина.

— Чего тебе, мальчик?

— Как пройти в Озеричино?

Женщина испуганно оглянулась, плотнее притворила за собой дверь и тихо, чуть ли не шепотом, сказала, что здесь, в Седчах, полно фашистов, вон и в ее доме их с десяток. Женщина спустилась с крыльца, вывела Шурку за сарай и объяснила, как пройти в Озеричино.

В это время рядом скрипнула калитка, но тут же снова все затихло. Тревога овладела мальчиком. На лбу выступила испарина. Он понял, что едва не попал в лапы фашистам.

Выскочив из-за сарая, побежал к забору, затем все дальше и дальше от «того» дома в сторону леса... Вдруг окрик по-немецки. «Патруль», — мелькнуло в голове мальчика. Раздался выстрел. Через несколько минут в домах поднялся переполох. Послышались крики, лязг затворов. От двора к двору понеслось:

— Партизан! Партизан!

Из домов выскакивали гитлеровцы и бежали в сторону леса.

Самый короткий путь к лесу был для Шурки отрезан. Там гремели выстрелы, звучали какие-то команды. Фашисты, очевидно, готовились к отражению атаки партизан.

Пробираясь полем, падая и снова поднимаясь, потеряв торбочку с едой, к которой так и не притронулся, мальчик еле добрался до леса, зная, что туда фашисты ночью не полезут. Побоятся.

Присев на пенек, Шурка наконец перевел дух, собрался с мыслями. Вспомнная только что пережитое, понял, отчего у фашистов такой переполох. Скорее всего, какой-то не добитый партизанами подонок подслушал его разговор с женщиной, уловил вопрос о том, как пройти в Озеричино. Ведь при одном только упоминании об этой деревне фашисты, их наймиты приходи-

ли в ярость. Озеричино — партизанская зона, а значит, там Советская власть.

При мысли, что только что был на краю гибели, Шурке сделалось не по себе. На глаза навернулись слезы. Но тут же подумалось: «Какой я партизан, если от страха готов заплакать? Ведь в отряде будет не легче. Там, сражаясь с фашистами, бойцы выдерживают и не такие испытания».

Стыдно стало мальчику за свое малодушие. Захотелось немедля, не теряя ни секунды, идти в Озеричино. Припомнив все, что сказала женщина о дороге, он поднялся и зашагал дальше, отыскивая в темноте верный путь.

Лес кончился, началось поле. Потом Шура прошел через деревню, дотла сожженную карателями, и снова попал в лес, такой же мрачный и дремучий, как и прежний.

Лишь когда заялся рассвет, показался луг, по которому вилась река, окаймленная кустарником. Неужели это и есть Птичь — граница партизанской зоны, куда не осмеливались наведываться ни фашисты, ни их прислужники — полицаи?

Да, это был последний рубеж, который предстояло Шурке преодолеть на долгом и опасном пути к желанной цели. На противоположном берегу виднелась деревня. Это и было Озеричино. Но как туда попасть? Мостов через Птичь нет. Да и быть не могло, об этом Шурку еще тетя Настя предупреждала. Но должна быть переправа. Не вброд же перебираются партизаны, тем более в такое ненастье, распутицу. Это ведь не лето.

Пройдя немного по берегу, Шура увидел торчащие над водой колья, вбитые в дно реки, по которым парами, подобно рельсам, уложены жерди. К их концам привязаны веревки, протянувшиеся к кустарнику, что рос на том берегу. Для чего служили такие веревки — этого Шура тогда не понял. Лишь позже узнал, что с их помощью партизаны оттаскивали жерди, завидев непрошеных гостей.

Осмотрев жерди, мальчик сообразил: это и есть переправа, которой пользуются партизаны, уходя в разведку. Значит, ему удастся перейти Птичь по этим жер-

дям. Но легко сказать — перейти! Жерди под тяжестью тела прогибаются, хотя до воды и не достают. А самое страшное — они сплошь оледенели, стали скользкими. Как по таким идти? Может, ползти? Нет, лучше идти — осторожно, медленно, шажок за шажком, разведя в стороны руки, чтобы сохранить равновесие, на каждом шагу рискуя сорваться в реку. Путь мальчику казался бесконечным, а, между тем, ширина реки не превышает и тридцати метров.

Но вот партизанский берег уже совсем близко — рукой подать. Еще шаг, другой и... Потеряв равновесие, Шурка поскользнулся, упал в воду. В последний миг успел все же схватиться за жердь. Ледяная вода мгновенно сковала тело, остановила дыхание. Руки занемели, перестали слушаться. Неужели это конец? Неужели вот так просто, почти достигнув заветной цели, можно погибнуть? Преодолев путь в полсотни километров, ежеминутно рискуя, угодить в лапы гитлеровцам?

Шура не знал, конечно, что все это время за ним наблюдали. Эти-то люди и пришли мальчику на помощь, вытащили на берег. Придя в себя после мартовского «купания», Шурка увидел двух парней с автоматами ППШ. На шапках красные ленточки. «Свои... Партизаны...» — догадался он и вновь впал в забытье.

Очнулся в доме, на кровати, укутанный полушубками. Хата была полна людей. Среди них жена партизанского разведчика Ладутько и Лидия Николаевна Денискевич, которых Шурка хорошо знал.

Отогревшись, мальчик рассказал собравшимся в хате партизанам, как шел к ним, что довелось испытать в пути. Слушали с интересом — ведь Шурка пробрался сюда почти из-под самого Минска. Но когда парнишка попросил принять его в отряд бойцом, мнения партизан разошлись. Одни высказывались за то, чтобы уважить просьбу хлопчика, с таким трудом добравшегося до партизан. Другие противились этому. И Шуре стало особенно обидно, что в числе последних были как раз те, кто лучше других знал его, кто тайком наведывался в его родную хату, поручал ему, как связному, важные задания.

Разумеется, вопрос о дальнейшей Шуриной судьбе на голосование не ставился. Спустя несколько дней, ко-

гда мальчик окреп и подкормился, Ладутько сообщил, что решено отправить его домой.

— Здесь, в отряде, бойцов хватает. А вот в Асеевке, рядом с железной дорогой, да к тому же недалеко от Минска, нам очень важно иметь своего человека. Там, Шурка, где кругом враги, куда опаснее, чем тут, в партизанской зоне. Там и должен быть твой передний край.

Обратный путь Шурка прошел без приключений. Ночью вместе с группой партизан вернулся домой.

ВИНТОВКА

На краю Асеевки, у самого леса, стояла хата Ушакевичей — людей, которых и поныне здешние жители поминают добрым словом. Вблизи этой хаты пролегло Михановичское шоссе. Другой край Асеевки тоже упирался в шоссе, но с железнодорожным переездом. И вот летом сорок третьего года нередко бывало так: с одной стороны деревни фашисты, с другой — партизаны. А то и так: в одну дверь входят партизаны, в другую выходят фашисты. Словом, Асеевка служила как бы мостом: через нее проходили народные мстители, отправляясь на боевое задание, сюда же часто «наведывались» и гитлеровцы.

Жителям Асеевки было нелегко. Пребывали они в постоянной тревоге. Каждый новый день мог оказаться для них последним. И все же многие, рискуя жизнью, помогали народным мстителям. Перебросить повозку с солью, оружием, бензином, керосином, а то и провести группу горожан-патриотов к партизанам — все это требовало от асеевских связных немало находчивости и смекалки.

Бывали очень острые ситуации, а случалось и такое, что сердце леденело. Но делать надо было, и делали.

Ряды партизан росли. Потому постоянно ощущалась нехватка оружия. Людей, не имевших оружия, в отряд принимали неохотно. Большая земля не могла дать столько оружия, чтобы полностью удовлетворить потребности. Тогда приходилось добывать его у врага. Били оккупантов их же оружием.

Однажды Шура возвращался из Чуриловичей домой. В елочках, что узкой полоской тянулись вдоль шоссе,

заметил трех мальчуганов семи—девяти лет. Место для детских игр было явно не подходящее, опасное. Остановился. Ребята его заметили, насторожились, привстали. А Шуру любопытство разбирало: чем они там занимаются? Но только он сделал несколько шагов, как мальчишки сорвались с места и скрылись в высокой ржи. Подойдя к елочкам, увидел хорошо сохранившуюся винтовку. Она была только что вынута из тряпок, густо смазана. Тут же лежал затвор, а рядом дырявый чугунок с тавотом. И еще груда камней.

Летом сорок третьего оружие валялось в лесу редко. Его еще раньше подобрали партизаны и местные жители. Вот почему Шуре такую находку выпустить из рук было бы непростительно. Нести же винтовку в открытую — опасно. По шоссе, хотя и не часто, гитлеровцы разъезжали на машинах, мотоциклах, а то и просто на лошадях, в фургонах. Шура решил взять с собой только затвор, винтовку оставить здесь — мальчишки унесут, спрячут. Шура чувствовал, что они где-то рядом, наблюдают за ним, ждут не дождутся, когда он уйдет. Несколько раз позвал их, но в ответ — только легкий шум колосившейся ржи.

Затвор положил в карман, винтовку завернул в тряпье и перепрятал в тех же елочках. Правда, чуть подальше. Сам же укрылся в придорожных кустах.

Три русые головы показались во ржи — мальчишки ползли к винтовке. Шурка решил пугнуть пацанов, чтобы винтовка осталась у него. Прежде всего осмотрелся. Шоссе было безлюдным. И когда мальчишки почти уже подползли к елочкам, он выскочил из-за кустов и крикнул. Все трое бросились врассыпную. Дали такого деру, что только пятки засверкали. Для большей острастки Шура несколько метров пробежал за ними. Не теряя времени, подхватил винтовку и скрылся в ельнике. Отнес подальше от этого места и спрятал.

На другой день, как всегда, Шура заглянул к Ушакевичам.

Все они поддерживали связь с партизанами, выполняли различные задания. Особенно этим отличались братья: старший — Александр, младший — Евгений. Все их называли просто Сашей и Женей. Несмотря на разницу в возрасте, Шура дружил со старшим, хотя и младший был старше Шурки лет на шесть. До войны

Саша работал в Минском депо. Слесарь он был — золотые руки. К тому же удивительно добрый и отзывчивый человек.

К Шуре Ушакевичи относились как к своему. Братья, да и сам Иосиф Андреевич, отец их, не любопытничали. Никогда не задавали вопросов, связанных с партизанскими делами, умели молчать. И все верили друг другу и сохранили веру, взаимную любовь не только до конца войны, но и потом, в мирное время.

В то утро Александр, как всегда, что-то мастерил у амбара. Женя занимался другими хозяйственными делами. Накануне Шурка обнаружил, что у затвора сломан боек, и вот теперь решил показать его Александру. Тот удивленно вскинул брови, подтвердил, что боек сломан недавно. «Вчера, наверное», — предположил Шура.

К амбару подошел Женя, спокойный, уравновешенный парень. С виду даже несколько стеснительный, но цепкий, наблюдательный.

— Твой, что ли? — спросил он у Шурки.

— Мой!

— Что так неаккуратно с ним обращаешься?

— Да это не я, мальчишки. Те, у которых отнял затвор.

— Разобрать пытались, — догадался Женя. — О камень били. Видишь, заусеницы остались. А не боишься хранить эту штуковину?

— Боюсь, — признался Шура. — Потому и не держу дома.

— Наверное, и винтовка сохранилась? — осматривая сломанный боек, допытывался Женя.

— Винтовка тоже имеется. Целенькая, в тавоте. Полгода в воде может пролежать, и хоть бы что.

— Так-то оно так, но зачем? — И уже обращаясь к брату: — Такая нужная вещь, а пропадает из-за бойка.

— Боек можно выточить. У меня есть стальной стержень. Думаю, подойдет. Дня два надо, — сказал Александр.

К указанному времени боек был готов. Оба брата убеждали Шуру, что винтовка ему не нужна. Однако мальчик хотел передать ее Ладутько. Василий Емелья-

нович не раз говорил, что любое оружие в партизанском хозяйстве найдет свое место. Но Ушакевичам отказать Шурка не смог. Винтовку из рук в руки передал Жене.

Зайдя к Ушакевичам через два дня, мальчик Женю дома не застал. Старший брат по-прежнему что-то мастерил. Иосиф Андреевич занимался хозяйственными делами. Где Женя, они не сказали.

Позже Шура узнал, что Евгений Ушакевич стал бойцом партизанского отряда имени Кутузова. В отряде Женю приняли хорошо. Для него началась долгожданная партизанская жизнь, полная тревог и лишений, романтики и активных боевых действий. Вскоре Евгений и его товарищи уничтожили машину с гитлеровцами. А через некоторое время командование 2-й Минской партизанской бригады перевело Ушакевича как опытного (а опыт приобретался в двух-трех операциях), обстрелянного бойца в новый партизанский отряд — имени Пономаренко.

Враг был жесток и коварен. Вот что сообщалось, например, в газете «Правда» 29 апреля 1943 года:

«Гитлеровцы бросили против партизан крупные соединения с танками, артиллерией, огнеметами, самолетами. Однако все походы карателей против партизан провалились один за другим. После ряда неудач и поражений в борьбе с партизанами немцы пустили в ход свое излюбленное оружие — провокацию».

Далее в «Правде» говорилось, что гитлеровцы состряпали листовку и разбросали ее в некоторых районах Украины и Белоруссии. В этой листовке, якобы от имени советских военных властей, партизанам предлагалось прекратить действия в одиночку и мелкими отрядами, объединиться в крупные отряды и ждать приказа о совместном выступлении с регулярными частями Красной Армии. Этот приказ, говорилось в гитлеровской фальшивке, последует, «как только урожай будет в амбарах, а реки и озера снова покроются льдом». Цель этой провокации очевидна. «Правда» объясняла ее так: накануне решающих весенне-летних боев немцы пытались приостановить действия партизан. Однако среди народных мстителей не нашлось простаков, которые бы поверили этой провокации. Партизаны быстро раскусили, кто является автором фальшивки...

Советская земля горела под ногами захватчиков. Ни днем ни ночью в казармах и блиндажах, дотах и дзотах вооруженные до зубов оккупанты не находили себе покоя от партизан.

Командование партизанского отряда имени Пономаренко требовало от бойцов организовывать больше диверсий на железных дорогах. Группы подрывников возвращались в отряд, чтобы получить новое задание, пополнить боеприпасы, и снова уходили на задание за десятки километров от базы.

Только одна группа из четырех-пяти подрывников, куда входил и Женя Ушакевич, за короткое время пустила под откос два вражеских эшелона, а 1 февраля 1944 года подорвала вагон на станции Коляднчи (в результате взрыва погибло тридцать семь гитлеровских офицеров).

12 ноября 1943 года группа, в составе которой действовал Женя Ушакевич, под покровом ночи вышла к железной дороге на участке Осиповичи — Слуцк. Мела поземка, снежинки покалывали лицо.

...Завернувшись в маскхалаты, четверо партизан вот уже два часа наблюдают за охраной железной дороги: вдоль полотна идут гитлеровцы со специально натренированными овчарками. У партизан мерзнут руки, деревенеют ноги. Нельзя ни шагу ступить, ни повернуться. Даже дышать надо умеючи, чтобы собаки не учуяли.

Рассвет с каждым часом приближается. До смены охранников остается десять — пятнадцать минут и столько же пройдет, пока смена выйдет на линию. Всего двадцать — тридцать минут. Не густо. Но надо успеть, надо уложиться. Эти минуты решают успех операции.

Партизаны по-пластунски подползли к насыпи. Расчеты заняли боевые позиции: двое в прикрытии, двое ставят мину.

Время не ждет, оно словно бежит. У будки путевого обходчика уже слышатся голоса немцев. «Скорее, скорее!» — сам себя подгоняет Ушакевич. В шахту закладывают мину, закрепляют, устанавливают взрыватель, к чеке привязывают шнур. Осторожно засыпают шахту песком. В полах маскхалата товарищ Жени уже держит снег, чтобы присыпать свежий песок и шнур. Кажется,

сама природа приходит на помощь: ветер наметает и раздувает снег.

Женя подает условный сигнал: «Готово!» Отходят быстро. И снова ожидание, настороженность: не заметит ли охрана, не учуют ли овчарки? Когда пройдет вражеский поезд?

Все слышнее голоса охранников, все заметнее их тени... Партизаны замерзли, не мигая смотрят в одну точку — на мину. Наконец облегчение — прошли фрицы. Без слов пожимают товарищи Женину руку.

К небу свечой взвилась ракета. Партизаны плотнее прижались к холодной земле, прислушались. Сначала легонько вздрогнула земля, потом все сильнее и сильнее — приближался поезд. Бойцы перекинулись двумя-тремя фразами, осмотрели шнур, который ветром бросало из стороны в сторону.

Женя знает: надо пропустить первую платформу с балластом и рвануть мину под второй. Поезд идет медленно. Когда вторая платформа наехала на мину, Женя ровно и сильно дернул шнур, но паровоз, пыхтя, ушел дальше. Все недоуменно глядели на Ушакевича, а он — на них и туда, на насыпь. В голове теснились вопросы: почему? отчего? что случилось? Ведь шнур был опробован. Пеньковый, крепкий, он и быка выдержит.

Ночь пошла на убыль. Обратно шагали охранники. Теперь они переговаривались громче и веселее. На душе у бойцов кошки заскребли. Хоть и в спешке, но все сделано аккуратно, и вдруг — осечка.

И вновь четыре бойца ползут вдоль шнура к насыпи. Метров за восемьдесят от железной дороги обнаруживают обрыв. Опять гудит земля — где-то далеко движется поезд. Каждый подрывник знает по опыту: второй эшелон для гитлеровцев наверняка представляет наибольшую ценность.

Партизаны, разгребая снег, в темноте ищут другой конец шнура. Проходят минуты, а результатов все нет. Уже отчетливо слышится шум приближающегося поезда. И вдруг Ушакевич от радости чуть не крикнул: есть второй конец! А вот и причина ЧП: шнур лежал на острие вмерзшей в грунт косы.

Для раздумий нет ни секунды. Партизаны быстро связывают шнур, но добежать до прежнего места не успевают, залегают. Женя пропускает первую платформу с балластом, под второй дергает шнур... Сноп огня и — приглушенный взрыв. Оба паровоза, круша шпалы и рельсы, разворачивая насыпь, валятся набок. За ними, наползая один на другой, летят под откос вагоны.

Четверка партизан уходит к чернеющему вдали лесу. Ушакевич отстает: он вывихнул ногу. От помощи товарищей отказывается. «Пройдет». Но боль усиливается, ступать просто нет сил. А тут со всех сторон затрещали автоматы, пулеметы. В небо разом взвилось множество ракет. Фашисты открыли ураганный огонь. Шальные пули, посвистывая, проносились над самой головой. К этим звукам прибавился лай собак — видно, гитлеровцы начали преследование партизан.

Женя, инстинктивно обернувшись, увидел, как прямо на него летела овчарка с раскрытой пастью. В доли секунды щелкнул предохранитель затвора и грохнул выстрел. Собака прыгнула и замертво упала на землю. Ласково, как о человеке, Женя подумал о винтовке, которая безотказно многие месяцы разила врага. Он подумал и о тех русоголовых мальчишках, благодаря смекалке, находчивости которых досталась ему эта винтовка, о родном брате, смастерившем новый боек.

От боли потемнело в глазах, но Женя все полз и полз. Вдруг он заметил долговязого фашиста, который обходил его с правой стороны, задумав отрезать путь к лесу. Гитлеровец не стрелял: почуял, видно, что партизан ранен и его можно взять живым.

«Да, от такого не уйдешь с поврежденной ногой. Разве что сразить этого паразита? Немедля, первым выстрелом. На второй времени не будет. Ну, винтовка, не подведи!» — И Ушакевич нажал на спусковой крючок...

Еще много раз Евгений Иосифович Ушакевич вместе со своими боевыми товарищами пускал под откос вражеские эшелоны, громил банды карателей, спасал от гибели мирных жителей. Удерживал переправу через реку Птичь до подхода частей Красной Армии. И ни в одном бою его не подвела винтовка.

КАБЕЛЬ

Встреча была назначена не где-нибудь, а в Березинском лесу. Теперь, с высоты прожитых лет, изумляешься дерзости этого решения. Ведь лес был невелик. Да к тому же его окружали фашистские гарнизоны, разместившиеся в Михановичах, Мачулищах, Кайкове и других населенных пунктах. Но, видно, в том-то и заключалось искусство партизанской конспирации, чтобы действовать именно там, где враг менее всего ожидает этого.

И вот ясным июньским утром, одевшись пастушком, Шура отправился на встречу с партизанами.

Лес он знал хорошо и чувствовал в нем себя уверенно. Еще до войны облазил все окрестные чащобы. Но как же переменились пущи и рощицы в годы чужеземного нашествия! Кто бывал в ту пору в белорусских лесах, тот, наверное, не сможет забыть их суровости, их настороженной тишины. Все там казалось вымершим — ни человека, ни зверя. Кругом лишь буйные травы, а в них — грибы да ягоды.

Углубившись в лес, Шура еще несколько раз, как учил его политрук Ермилов, проверил: не следит ли кто? И, лишь убедившись, что никого поблизости нет, вышел к условленному месту.

Василий Митрофанович уже ждал мальчика. Он появился внезапно, выйдя из-за кустарника, где остался сопровождавший его боец-партизан.

Ермилов поздоровался с Шурой, как со взрослым, — крепко пожал руку. Да при том еще отметил, что Шура подрос, возмужал. Мальчик, конечно, обрадовался, хотя и понимал, что Василий Митрофанович преувеличивает, желая подбодрить его. Ростом-то Шура как раз не удался, а потому выглядел даже младше своих тринадцати.

— Ну а теперь давай потолкуем о деле, — сказал политрук. — Оно непростое...

Экономя время, Ермилов изложил самую суть. Сказал, что аэродром, устроенный фашистами под Минском, имеет телефонную связь со складом в Гатовском лесу.

— Твоя, Сашко, задача выяснить, где проходит телефонная линия, кем и как охраняется. Справишься?

— Постараюсь!

— Но помни: спешка ни к чему хорошему не приведет. Надо все как следует обдумать, взвесить. В нашем деле ошибка, брат, может стоить жизни. — Василий Митрофанович чуть помолчал. — Вот, допустим, ты уже разведал, где проходит линия. А как узнаешь про охрану? Сколько ее и как она действует?

— А что, если обрезать кабель? — предложил Шура. — Связь у фашистов нарушится, они всполошатся, выйдут на линию...

— Верно, Сашко! — ответил Василий Митрофанович. — Только это опасно очень. Тут недолго и фашистам в лапы угодить. Давай все как следует обмозгуем. Правда, времени у нас в обрез, а дел — целая Европа. Прежде всего решим вопрос о напарнике, одному тебе с задачей не справиться. Кого возьмешь в помощники?

— Славика возьму, братишку своего, — ответил Шура без колебаний. — Он хлопец надежный, понятливый.

— Согласен. Только, хоть он и братишка, лишнего ему не говори. А теперь давай подумаем, как кабель будешь обрезать. До него же дотянуться надо! Залезешь на столб? Тут ты, я знаю, мастак — по деревьям лазишь ловко. Но на это время потеряешь. А надо-то как? Все в один миг! Ведь как может получиться: только ты кабель обрежешь — фашисты сразу обрыв обнаружат и тотчас на линию. И не пешком, а на мотоциклах или велосипедах. Успеешь ли скрыться?

Помолчали. Шура все не мог придумать, как быстро добраться до кабеля, подвешенного на телеграфных столбах. Зато у Василия Митрофановича уже созрело решение.

— Может, стоит багор прихватить? — рассуждал он вслух. — Нет, не годится. Тяжел, да и больно заметен. Надо что-то полегче.

— А что, если я возьму тонкий и длинный шест — у нас под стрехой их полно — и на конце его вобью гвоздь?

— Это дело! — одобрил политрук. — Если гвоздь всадить покрепче, а еще лучше, если закрепить острый нож, то почище багра будет. Им и режь линию. Если сможешь — побольше. А кабель не бросай, припрячь — он в отряде пригодится.

— Постараемся срезать его побольше, — пообещал Шура. — Может, даже всю линию снимем.

— Ну, это ты через край хватил, — рассмеялся Василий Митрофанович. — Дело тебе поручено, можно сказать, лотерейное. Ведь кто угадает, когда фашистам потребуется связь? Может, сразу, а может, в течение двадцати — тридцати минут. А если целый час связь со складом им не потребуется, то, считай, фортуна тебе улыбнулась. Кумекаешь?

Шуру так и подмывало спросить у Ермилова, кто же эта «фортуна» и почему она улыбнулась. Но он промолчал, боясь показаться неучем.

— Обо всем, что разведаешь и сделаешь, сообщи Лиде Денискевич, — сказал напоследок Василий Митрофанович.

Вернувшись домой, Шура позвал во двор Славика, коротко рассказал, какую от него ждет помощь. Славик такому доверию обрадовался, но о лишнем расспрашивать не стал, сам сообразил, что к чему. Понял, что дело и рискованное, и очень важное.

Сборы были недолги. Чтобы уход в Гатовский лес ни у кого не вызвал подозрений, ребята прихватили с собой косу и постилки — домотканые холсты, в которых белорусские крестьяне переносят скошенную траву, солому.

Железнодорожный переезд, где часто торчали фашистские автоматчики и почти всегда дежурил их прислужник будочник, миновали благополучно. И вот уже зашагали по шоссейной дороге, что стрелой рассекала Гатовский бор. Рядом с дорогой тянулась к лесу цепь телеграфных столбов.

Столбы расходились в разные стороны: одни — вдоль шоссе, другие — в лес. Ребята решили сначала обследовать «лесную» линию — она казалась им подозрительнее. Но, не пройдя и полукилометра, увидели, что провода оборваны, а один столб перебит снарядом.

Поняв, что эта линия давно бездействует, вернулись на шоссе. Там-то на столбах приметили новенький кабель, без обрывов. И тянулся он как раз в сторону аэродрома.

Первая часть задания была выполнена. Быстренько накосив травы, братья увязали ее в постилки и, взвалив ношу на плечи, направились домой. На переезде повстречали будочника. Тот стал донимать расспросами: зачем, дескать, так далеко ходили? Не лучше ли косить

траву поближе, у болота? Ребята ответили, что у болота много осоки, а у леса — сочный клевер. Объяснение вроде бы успокоило будочника, он согласно закивал, и братья пошли своей дорогой.

Дома они втайне от матери подготовились к завтрашнему походу. В укромном месте положили шест с ножом, косу и мешки для кабеля. Долго не могли уснуть в ту ночь. Перешептывались, обсуждали, как вести себя, если встретятся с фашистами или полицаями. Ведь гитлеровцы почти в каждом белорусе видели партизана, что, в общем-то, было не столь уж далеко от истины.

Утром мальчики снова были у переезда. Вместе с вереницей крестьянских повозок проскочили его, не привлекая внимания гитлеровцев, их прислужников. Добравшись до Гатовского леса, накосили несколько охапок сена и приступили к выполнению задания.

Дорога была пустынная, лес по-прежнему казался вымершим. И Шура смело взялся за шест... Кабель обрывался с первого же удара. Братья бегали от столба к столбу, причем Славик едва поспевал за Шурой. Мешки были почти полны кабеля, а ребята, войдя в азарт, старались нарезать его как можно больше. Страха, который еще недавно таился в глубине души, теперь совсем не было.

Конечно, страх бойца не красит, его делу вредит. Но вот осмотрительность и осторожность партизану необходимы. А мальчики до того увлеклись, что обо всем на свете забыли, обратно шли не таясь. Только при выходе из леса потуже затянули мешки, а шест, переломив, забросили подальше в кусты.

Мешки придавили ребячьи плечи. На подгибающихся от тяжкой ноши ногах братья подошли к переезду. Охранников не было. Но будочник заметил мальчиков и снова стал расспрашивать: сочная ли трава в лесу и много ли ее?

Отойдя от переезда, Шура оглянулся. Сторож все еще стоял у будки и провожал мальчиков цепким взглядом. Шурке стало не по себе, в сердце закралось недоброе предчувствие. И перво-наперво, вернувшись домой, он уговорил маму и сестренку пойти к Ушакевичам. Потом ушел к родственникам в Пятевщину и Славик. Шура остался один. Спрятал мешки с кабелем в по-

греб, подошел к окну, из которого был виден переезд: ведь именно оттуда грозила опасность.

Дурные предчувствия не обманули мальчика. К переезду подъехали на велосипедах гитлеровцы, стали о чем-то толковать с будочником. И вдруг тот протянул руку, показывая на Шуркин дом. «Что делать? Бежать? — думал мальчик. — А если сейчас вернутся мама и сестренка? Фашисты их не пощадят, найдя в погребе кабель».

Пока Шура раздумывал, гитлеровцы подкатили к дому: их было четверо — офицер и три солдата.

— Ты есть Шурка? — спросил офицер, ткнув мальчика в грудь стволом автомата.

Получив утвердительный ответ, он стал о чем-то спрашивать. Немецкого языка Шурка не знал, разбирал лишь отдельные слова. Понял, что ищут именно кабель и приехали не случайно. К тому же офицер несколько раз произнес слово «кабель», правда, в его устах оно преобразилось в «кабуль». Отпираться было бессмысленно, но Шурка все же рискнул, повернув дело так, будто речь шла о кобуре.

— Никс кобур, — ответил Шурка офицеру.

Но тот уже ничего не слушал. По его команде солдаты учинили в доме и во дворе обыск: обшарили кладовую, кухню, хлев, один полез на чердак... С замиранием сердца ждал Шурка результата. И тут во дворе появилась его мама. Гитлеровцы, как псы, накинулись на нее с расспросами. Даже тот, что залез на чердак, поспешил спуститься, так как не обнаружил кабеля.

Женщина стояла во дворе растерянная, не понимая, какой «кабуль» требуют у нее офицер и солдаты. И сын ничем ей не мог помочь. Один из гитлеровцев взял мальчика на мушку и не опускал автомата ни на секунду. Сознавая безвыходность своего положения, Шурка совсем перестал испытывать страх. Ему почему-то вспомнилась «фортуна», о которой помянул Василий Митрофанович. «Нет, не улыбнулась мне она, фортуна эта», — решил тогда мальчик.

А офицер не унимался, все требовал свой «кабуль». И вдруг Шурку осенило. Взгляд его упал на догнивавшую стреху. Под ней, в повети, виднелись обрезки кабеля, которым солома крепилась к латам. «Вот оно, спасение», — мелькнула в голове мальчика мысль, и он

тут же, дернув фашистского офицера за рукав, показал на обрезки кабеля:

— Вам это нужно? Да?

Офицер обрадовался, закивал:

— Я! Я!

Тогда мальчик, показывая на кобуру его пистолета, сказал, что сначала не понял, чего от него хотят. Думал, что кобуру. Так кобуры нет. А кабель имеется, его заготовили для новой стрехи.

Трудно сказать, все ли понял фашист из этого объяснения. Войдя в роль простака-несмышленыша, мальчик направился в погреб, вынес оттуда мешки с мотками кабеля и, развязав его, положил перед немцем. Тот даже опешил от такого поворота дела. Двое солдат кинулись к мешкам. А третий...

Сильный удар в спину свалил Шурку на землю. Он попытался подняться, но тут же острая боль пронзила затылок. Удары сыпались со всех сторон: били прикладами, пинали сапогами. Боли мальчик уже не чувствовал, лишь сердце защемило, когда услышал крик матери. Она бросилась к сыну, пытаясь защитить, но фашисты оттащили ее и принялись избивать связками кабеля. Потом сознание оставило мальчика...

Очнувшись, Шурка увидел маму. С кружкой в руке она склонилась над сыном, смачивала водой его ссадины, запекшиеся от крови губы. Было тихо. Гитлеровцы, забрав кабель, уехали. Видно, спешили восстановить линию связи.

И все же оставаться дома было опасно. Гитлеровские связисты непременно сообщат об этом в жандармерию. Надо уходить, и поскорее. Приложив к ранам листья подорожника и перевязав их тряпками, подался Шурка в Чуриловичи, к родственникам. А маму попросил обо всем, что случилось, сообщить Лиде Денискевич. И еще: чтобы пустила слух, будто сыновей ее, Шуру и Славика, забрала полиция.

Поздно вечером в дом нагрянули гитлеровцы. Они застали женщину одну, лежащую с перевязанными ранами и в бреду повторяющую одно и то же: «Где мои дети, где мои сыновья?»

Фашисты облазили весь дом и двор, вызвали соседку. Та сообщила им, что мальчиков уже забрала полиция. Гитлеровцы постояли, постояли и ушли ни с чем.

Была уже полночь, когда Шурка наконец добрался до Чуриловичей. Кружилась голова, ломило виски. Его не оставляло ощущение той духоты, что бывает перед грозой.

А гроза в эту безоблачную ночь и впрямь разразилась. Да такая, что все окрест ходуном заходило: это советские летчики наносили удары по вражеским эшелонам, скопившимся на Минском железнодорожном узле, бомбили склад боеприпасов. Шурка узнал об этом позже. И тогда же подумал: может, тому, что вражеский склад боеприпасов взлетел на воздух, помогла (пусть даже в самой малой степени) и операция «Кабель»?

А еще некоторое время спустя, когда слово «фортуна» перестало быть для него загадкой, вспомнив пережитое, он решил, что напрасно послал ей проклятия. Ведь что ни говори, а вред мальчишки гитлеровцам все-таки причинили, да при том сами уцелели. Значит, фортуна улыбнулась им. Пусть слегка, лишь краешками губ, но все же улыбнулась.

САМОКРУТКА

Задание, которое командир отряда поручил группе Николая Ивановича, было для партизан-подрывников привычным. На железной дороге в районе Смолярни предстояло совершить диверсию. Место для такой операции выбрали подходящее — глухое, безлюдное. А главное, насыпь, по которой тянулось полотно железной дороги, была высокая. Если мина сработает как надо и вражеский эшелон будет следовать с большой скоростью, все вагоны полетят под откос.

— Только будьте осторожней, — предупредил Николая Ивановича командир отряда. — Все тщательно разведайте, изучите систему охраны этого участка дороги. А в случае чего отходите к ближайшей деревне, там у нас связной. Парнишка подходы к железной дороге знает.

В отряде Николай Иванович слыл бывалым подрывником, его группа пустила под откос уже не один вражеский эшелон, взорвала не один десяток фашистских машин. На сей раз с оружием и толом партизанам пред-

стояло за две ночи отмахать почти пятьдесят километров по лесным тропам, обходя вражеские посты, гарнизоны, и выйти в район, где гитлеровцев кишмя кишело.

В группу свою, созданную шесть месяцев назад, Николай Иванович из большого числа желающих отобрал самых крепких и стойких парней. Каждый из них мог выдержать неравный поединок, сражаться до предпоследнего патрона, оставляя последний для себя. Каждый хорошо знал местность, умел ориентироваться в чащобах, которых много в окрестностях Минска.

Свою боевую зрелость, партизанскую сметку подрывники сполна проявили и на этот раз. Пробираясь по лесам и болотам, лавируя среди вражеских постов и гарнизонов, они одолели полсотни километров и вышли к железной дороге в районе Смолярни.

Высокая трава, росшая на опушке леса, надежно укрыла партизан. Тут можно бы и передохнуть, но времени на это не оставалось. Требовалось засветло провести разведку, наметить пути подхода к «железке» и отхода к лесу после взрыва, а также в случае каких-либо неожиданностей.

Долго и терпеливо наблюдали подрывники за железной дорогой, зорким глазом прощупывали каждую кочку, каждый кустик на пути к насыпи. Ничего подозрительного не обнаружили.

Близились сумерки. По сигналу Николая Ивановича партизаны один за другим по-пластунски поползли к насыпи. Первым двигался Леня Матрунчик — самый молодой и самый зоркий. За ним, не отставая, ползли Володя и сам Николай Иванович. Замыкающим был боец Чубик.

Тихо. Кругом ни души. Ничто не говорило об опасности. И вдруг Леня заметил поблескивающую стальную паутинку, а пальцы осторожно коснулись ее. Проволока? Откуда ей быть здесь, в некошеной траве?

По сигналу, поданному Леонидом, все замерли, вперед пополз лишь командир. Осмотрев замеченную Леней проволоку, он осторожно примял вокруг нее траву. Стало ясно, что стальная нить — не простой обрывок, она прикреплена к чеке мины натяжного действия.

Осмотрев саму мину, Николай Иванович определил:

поставлена она недавно, не более двух недель назад. Ведь раньше на этом участке осуществили диверсию подрывники из соседнего партизанского отряда. «Ты, Леонид, в рубашке родился!» — подумал Николай Иванович, восхищаясь зоркостью и бдительностью молодого бойца. Это же непросто — заметить в такой густой траве тонкую, как нить, проволоку!

А сколько здесь еще мин? В каком порядке они заложены? Разве в этом успеешь разобраться? Летняя ночь коротка. Да и как преодолеть в сумерках поле, где на каждом шагу — смертоносные сюрпризы?

Велико было желание партизан пустить тут под откос вражеский эшелон. Но, тщательно взвесив все, Николай Иванович приказал группе отходить. А мину, обнаруженную в траве, подрывники не оставили. Леня Матрунчик, осторожно вывернув запал, выкопал ее и захватил с собой. В партизанском хозяйстве такая вещица всегда пользовалась повышеным спросом.

Вернувшись в лес, группа сделала короткий привал. Посоветовавшись с бойцами, Николай Иванович решил выйти к дому связного. Вести группу он поручил Матрунчику, который уже бывал в этой деревне и не раз встречался с парнишкой-связным.

До деревни партизаны добрались уже за полночь. Осмотрели дом, где собирались укрыться, проверили соседние дворы. И только тогда подошли к двери, постучали.

Услыхав стук в дверь, Шура приподнялся и замер. Вокруг дома тишина. А может, почудилось, что стучат? Стук, однако, повторился. Кто это? Фашисты или полицаи тихо не стучат. Они колотят вовсю, до остервенения, бьют в двери прикладами. А этот стук осторожный, такой, что и ближайшие соседи не услышат.

Тихонько подойдя к двери, Шура спросил: «Кто там?» Не отвечают. Тогда мальчик решился, открыл дверь и различил силуэты людей.

— Свои мы, Шурка, — поспешил предупредить тот, кто вошел в дом первым.

Шурка по голосу узнал Леню Матрунчика.

— Кто дома? Чужих нет?

— Нет, — ответил мальчик. — Только мама и сестренка.

В сенях темно — хоть глаз выколи. Закрыв плотнее дверь, Леня пару раз мигнул карманным фонариком. Шура увидел перед собой немолодого мужчину с наганом на боку и угадал в нем старшего группы.

— Ты — Шурка? — спросил он. — Тогда давай знакомиться. Меня зовут Николай Иванович. Леню ты знаешь. А эти двое, — мужчина указал на стоявших рядом молодых партизан, — Володя и Чубик.

Когда из сеней прошли в горницу, Шуркина мать, Анна Иосифовна, уже поднялась, начала собирать на стол. И вдруг все замерли, прислушиваясь. По железной дороге, проходившей близ дома, промчался поезд. На восток, в сторону Осиповичей. Из окна можно было разглядеть лишь вереницу груженых платформ.

— Эх, если бы не то минное поле, полетели бы они все вверх тормашками, — проговорил Леня.

— Ладно, зато другой эшелон станет «нашим», — успокоил его Николай Иванович.

Анна Иосифовна предупредила партизан, чтобы они береглись: фашисты, охранявшие железнодорожный путь, взяли за правило после прохождения состава прочесывать деревню.

Николай Иванович стал расспрашивать женщину, где и как укрыться, чтобы переждать остаток ночи и весь завтрашний день. Неожиданно постучали в окно. Это Володя, который еще раньше занял пост у дома, подал знак об опасности.

— Бегите на ток, — сказал Шурка партизанам. — Там солома и сено. А Леня знает, как оттуда выбраться.

Николай Иванович и его бойцы бесшумно вышли из хаты и скрылись в темноте. Анна Иосифовна убрала со стола хлеб и картошку, которыми хотела угостить партизан. С улицы доносились топот сапог, громкий стук в соседнюю хату. Потом вновь наступила тишина. Но ненадолго: спустя несколько минут опять раздались топот и громкий стук. Только Анна Иосифовна открыла дверь — в хату ворвалась орава фашистов. Ослепленные ярким светом их фонарей, мать и сын плотнее прижались к стене. А гитлеровцы открыли шкаф и принялись шарить в сундуках. Потом один из них, с нашивками фельдфебеля, спросил Шуркину мать:

— Партизан никс?

— Никс партизан, — ответила женщина.

Фашист еще раз осветил фонарем стены, потолок, потом направил луч на пол. А там лежала недокуренная самокрутка, впопыхах брошенная Чубиком.

Подняв окурок, фельдфебель осмотрел его и, торжествуя, положил на стол.

— Эту цигарок кто куриль? — спросил он и, наведя на Шуркину мать автомат, заорал: — Отвечайт, где партизан, который куриль?

Шура подбежал к маме, встал рядом. Анна Иосифовна ответила, что никаких партизан она не видела. Тогда фельдфебель отбросил Шурку в сторону, сильно ударив в лицо. Мальчик отлетел к стене, из носа хлынула кровь, но вновь поднялся и, не помня себя, вновь кинулся к маме, закричав:

— Это моя цигарка! Это я курил! Я!

Фельдфебель сначала даже опешил. А потом, схватив Шуру за ворот рубашки, стал трясти и переспрашивать:

— Ты есть курильщик? Такой маленький?! Где твой махорок, какой ты куриль?

Махорка у Шуры имелась — осталась после дедушки, умершего весной этого же, сорок третьего года. Ее пацан и подал фельдфебелю. Тот зачем-то понюхал самосад и, вернув, Шурке, сказал:

— Кури. А мы будем посмотреть.

В отличие от многих деревенских мальчишек Шура никогда не баловался куревом. Крутить цигарку, правда, умел. Научился этому для дедушки, который, болея, настолько ослаб, что едва шевелил пальцами.

Под пристальным взглядом гитлеровца Шура, с трудом сдерживая дрожь в руках, скрутил цигарку. Получилось это у него сносно. Однако фельдфебель не унялся. Щелкнул зажигалкой, поднес огонь, едва не опалив мальчику лицо.

Прикуривая, Шурка думал только об одном: не закашляться, не поперхнуться бы! Иначе фашисты разгадают его уловку. И тогда... Страшно было даже представить, что будет тогда! Обыск в доме и во дворе, облава в деревне. Арест всей семьи, побои, пытки. И самое ужасное, партизаны, вынужденные принять неравный бой, не смогут выполнить свое задание.

Впервые в жизни затянувшись дымом самосада, Шурка почувствовал, как закружилась голова, как пе-

рехватило дыхание. Кашель, сдерживаемый неимоверными усилиями, раздирал горло и грудь. По вискам застучали молоточки. А фельдфебель не сводил с мальчика настороженных глаз, следил за каждым его движением. Но именно этот злобный вражий взгляд заставил Шурку собрать все силы, всю выдержку. Сделав несколько затяжек, он осмелел, выпустил струю дыма прямо в него, своего мучителя. А тот, отвесив ему еще пару оплеух, вдруг рассмеялся. Загоготали и солдаты. Им, должно быть, показался забавным худенький парнишка, лихо, как взрослый, раскуривающий самокрутку.

Взглянув на часы, фельдфебель что-то приказал охранникам. Те, следуя за ним, вышли из хаты и поспешили к железной дороге.

Когда опасность миновала, Шурка дал волю кашлю. Его трясло, тошнило. Казалось, он летит в бездонную пропасть.

Лишь под утро пришел в себя. К тому времени его мама наварила свежей картошки, набрала в огороде овощей и налила полную бутыль молока. Все это вместе с ломтями хлеба сложила в кошелку и, велев Шурке отнести еду хлопцам, укрывшимся на току, сама осталась во дворе «на карауле».

С нетерпением ждали мальчика партизаны. Он рассказал о визите гитлеровцев, о самокрутке. Николай Иванович похвалил Шурку, но тут же сделал выговор Чубику, заметив, что негоже бойцу-партизану допускать подобные промашки. Чубик виновато посмотрел на командира и опустил голову. Он глубоко переживал случившееся.

— А теперь потолкуем о деле. — И командир группы изложил свой план.

В плане этом отводилась роль и Шурке. Он должен был разведать подходы к «железке» на участке Мачулищи — Михановичи.

— Если сделаешь это, — сказал Николай Иванович, — то взорванный эшелон запишем и на твой счет.

От этих слов у мальчика дух перехватило. Он был готов сразу же отправиться в разведку. Но Николай Иванович, положив руку ему на плечо, сказал:

— Давай присядем...

Он подробно расспросил об охране дороги, о том, как выглядит местность на участке, избранном для осуществления диверсии. А потом последовал самый главный вопрос: как же Шура будет вести разведку, как проверит, не заминированы ли подходы к полотну? Вот тут мальчику пришлось крепко задуматься. В самом деле, как быть? Ведь он не минер...

Перебрав все возможные варианты, решил, что к «железке» пойдет Черна — корова, на которую ни фашисты, ни полицаи тогда еще не позарились из-за неказистого ее вида.

— Корову — в разведчицы! — изумился Леня. — Такого еще не было!

Защищая свой план, Шура пояснил:

— В лощине у железной дороги трава густая, сочная. Там Черна попасется вволю. Если с ней ничего не стрясется, значит, мин опасаться не следует. К тому же я, находясь неподалеку от коровы, до поры до времени скрываясь в кустах, многое сумею высмотреть.

— А если нарвешься на фашистов? — спросил Николай Иванович.

— Скажу, что корова сбежала и я ее ищу.

— Так тому и быть! — решил командир.

Замысел удался. Ни Черну, ни мальчика гитлеровцы, к счастью, не заметили. Очевидно, в это время поблизости их просто не было. Шура тщательно осмотрел траву, кусты, канавки и даже подобрался к откосу. Мин здесь не было.

Наступила ночь. Следуя за мальчиком, Николай Иванович и его бойцы незаметно пересекли шоссе и спустились в лощину, где днем паслась Черна. Накрапывал дождь. Ночное мглистое небо то и дело прорезали ракеты, посылаемые фашистскими охранниками. К насыпи Николай Иванович Шуру не допустил, велел возвращаться домой.

— Свое дело ты сделал, — сказал он. — Теперь жди взрыва. Да передай привет и наше спасибо Анне Иосифовне.

Ох как не хотелось мальчику расставаться с партизанами! Но Николай Иванович торопил. И Шурка вернулся домой. Заснуть же, понятно, не мог. Ждал взрыва.

И взрыв грянул. Да такой, что стены хаты задрожали. А потом еще один — это, должно быть, взорвался котел паровоза.

И верно: едва рассвело, гитлеровцы начали сгонять жителей окрестных деревень на расчистку железнодорожных путей. Мина, заложенная партизанами, сработала как надо. Под откос угодили бронепаровоз с двумя броневагонами и две платформы с балластом. Шуре трудно было скрыть от чужих глаз свою радость, свое торжество. Ведь что ни говори, а в эту победу и он внес маленький вклад.

ВСТРЕЧА

Жизнь была не в радость после трех лет фашистской оккупации. Дни и ночи с нетерпением, трепетом ждали люди часа своего освобождения.

Вскоре стало ясно, что с немцем творится что-то неладное. Может быть, по законам военного искусства отступать надо скрытно, незаметно. Да уж, видно, не до того было. Тысячи и тысячи фашистских солдат, офицеров, их наймитов с танками, артиллерией, огромным обозом с награбленным добром, сжигая все на своем пути, хлынули в направлении Минска.

В этой невообразимой суматохе трудно было некоторым селянам и горожанам устоять, не поддаться паническому страху. Спасаясь от верной гибели, женщины, дети и старики из деревень уходили в леса, из городов, наоборот, бежали в деревни. Каждый думал, что там, на неведомом месте, будет безопаснее, а значит, лучше.

Тяжело было людям бросать свое добро, особенно тогда, когда фашисты, сжатые со всех сторон Красной Армией, едва уносили ноги. «Как же оставить все это — хату, хлев? — рассуждали крестьяне. — А может, пронесет окаянного злодея?»

Рано утром 3 июля 1944 года, как и в предыдущие два дня, не переставая, катились, скрежеща гусеницами, ревя моторами, танки. Обессиленно хрипя, замертво падали загнанные лошади. Огрызаясь, на запад откатывались фашистские орды.

Устроившись на опушке леса, так, чтобы в случае опасности можно было нырнуть в густой лес, укрыться, спрятаться, Ваня Марков, Саша Ушакевич и Шура, взяв оружие на изготовку, по очереди наблюдали в трофейный бинокль, как улепетывали фашисты. С нетерпением ожидали появления войск родной Красной Армии. Спорили между собой, стараясь показать свои полководческие познания, определить, откуда могли появиться красноармейцы. Низко-низко, чуть не задевая макушки сосен, с каким-то напевом пролетели снаряды. Такого мелодичного гула раньше никто не слышал. Первый залп пришелся по болоту. Густо задымили мох, осока, кое-где пламя лизало низенькие березки. Второй залп резанул вдоль шоссе аккурат по колонне вражеских танков, артиллерии, обозу. С остервенением гитлеровцы разворачивали башни танков, занимали позиции, делали несколько залпов и так же спешно сворачивали их в походное положение.

Завертелась, застонала, задрожала земля. На какой-то миг наступила мертвая, непривычная тишина. Затем снова раздались орудийные выстрелы. Низко-низко над землей пролетело несколько звеньев наших самолетов, густо поливая из крупнокалиберных пулеметов свинцом вражеские колонны, а высоко в небе гудел наш самолет-разведчик. Опять все закружилось, загудела земля, зазвенел воздух. Откуда-то издалека била дальнобойная артиллерия, поближе, как потом узнали ребята, — «катюши», и где-то рядом танки. Снаряды рвались не густо, но прицельно — вдоль шоссе.

Саша Ушакевич в бинокль видел, как снаряд разворотил тяжелое немецкое орудие и как танк спихивал его в кювет, освобождая дорогу.

Все отчетливее слышался гул и лязг танков. Казалось, вот-вот они вынырнут из-за лесочка и сплошной стеной пойдут на вражеские колонны.

Гитлеровцы это почувствовали, гусеницами «тигров» и «пантер» давили своих же зазевавшихся солдат, лошадей, крошили повозки и фуры. Только юркие мотоциклисты, лавируя в этом нескончаемом потоке, на предельной скорости неслись к Слуцку, обходя стороной Минск.

Минутное затишье — и вновь, рассекая воздух, заговорили орудия, понеслись стаями снаряды. Разрывы

слышались за горой, где шоссе круто спускалось в низину. В бинокль было хорошо видно, как фашисты прямо на дорогу бросали награбленное и налегке бежали в сторону леса. Пареньки смотрели и не верили своим глазам: вчера фашисты как огня боялись леса, а сегодня искали в нем спасения. Пожилой партизан рассказывал, что теперь эти мерзавцы при встречах с народными мстителями моментально бросают оружие, поднимают руки и кричат: «Гитлер капут!»

Из-за лесочка, из-за горы в клубах пыли, гари и дыма показались наши танки. Их орудия на ходу выплескивали языки пламени, уничтожая врага.

Гитлеровцы развернули танки и орудия прямо на шоссе, заняли позиции. Разгорелся бой. Недолгий, в несколько минут. Завертелся на одном месте наш танк с перебитой гусеницей, но орудие его не умолкало. Подоспевшие на помощь тридцатьчетверки прямой наводкой били по фашистским танкам и орудиям. Даже паренькам было ясно, что фрицы бой проиграли, но некоторые из них продолжали сопротивляться, стреляли. Большинство же бежало, не ведая куда, не зная, где конец той дороги. А конца не было. Был минский котел, куда попала более чем стотысячная группировка фашистских войск, и ходу из него — никакого. Только потом осознали, что это значит: сто тысяч гитлеровцев, со всех сторон зажатых на сравнительно небольшой площади. Тогда же все партизанские отряды, бригады, группы по указанию Белорусского штаба партизанского движения, командования 1-го Прибалтийского, 3, 2 и 1-го Белорусских фронтов вышли со своих баз с задачей: полностью парализовать отступление вражеских войск по железным и шоссейным дорогам, занять и удерживать до подхода частей Красной Армии переправы, станции, крупные железнодорожные узлы, сковывать и уничтожать живую силу и технику противника.

...Группа пареньков, в которой был и Шура, бежала к шоссе. Тридцатьчетверки проносились мимо, все дальше и дальше на запад. Казалось, ребят никто не замечает, хотя они изо всех сил махали поднятыми над головами трофейными автоматами и карабинами, приветствуя советских танкистов. Но вот несколько танков свернули к Асеевке. Вслед за ними, вернее, за сплош-

ной завесой пыли, пареньки пробежали несколько метров. Танки, не останавливаясь, прошли в другой конец деревни.

Ушакевич побрел к своей хате, Ваня — к хате дяди, а Шура остался у дымившихся головешек своего бывшего дома. Поодаль догорал погреб. Мальчик смотрел на пепелище, на одиноко торчащую печную трубу и мысленно искал место, где когда-то стояли продолговатый дощатый стол, кушетка, отцовский деревянный стул с высокой резной спинкой и отполированными подлокотниками. Ничего этого не было теперь, и от горечи, от тоски сжималось его сердце.

Проскочив из одного конца деревушки в другой, танки возвращались к шоссе, по которому громыхая, шли тридцатьчетверки и самоходки. Недалеко от Шуры остановился головной танк. Из его люков вылезли два танкиста и легко спрыгнули на пыльную дорогу. Робея и радуясь, мальчик подошел к ним. Танкисты с любопытством рассматривали его вооружение. Как только ноги держали его? Прямо-таки ходячий арсенал: на груди шмайсер, на животе, на отвисшем ремне, две гранаты с длинными деревянными ручками, карманы набиты лимонками. Поглядывали танкисты и на его ноги: босые, исколотые, поцарапанные, давно не мытые.

Танкист с обгорелой щекой похлопал мальчика по плечу, спросил, как звать.

— Шурка, — сказал тот.

— А я командир роты, лейтенант. Давно воюешь?

— Да не очень. В общем-то, я только помогаю воевать.

— Ну а где сейчас фрицы, знаешь?

— Как только наши танки вырвались на шоссе, они в лес драпанули.

— А почему ты босиком? Ходить ведь больно, особенно в лесу.

— Из дома бежать пришлось, не до обуви было, а теперь, сами видите, все сгорело.

— Да, немножно опоздали, — проговорил лейтенант. — Чуть раньше — и деревня б[illegible]

Командир роты спр[illegible]
пальцем по карте. Заст[illegible]
ния товарищам, легк[illegible]

Взревели моторы, и танки, обходя головной на малой скорости, вышли к шоссе. Когда притих гул, лейтенант спросил Шуру о родителях: живы ли и где они? Ответить мальчик не мог, так как сам ничего не знал.

— Если живы, должны прийти к хате, — все же выдавил он.

Офицер, немного подумав, предложил:

— А хочешь с нами? Вместе будем добивать фашистов. В танке место найдется.

— Хочу, — обрадовался мальчик и протянул командиру руку. Легкий рывок — и Шура оказался на горячей и пыльной броне танка, рядом с лейтенантом, потом вслед за ним влез в башню. Рванув с места, танк понесся, догоняя ушедшую колонну.

В танке было темновато, хотя и горели лампочки. Роту догнали у Дергаев. Лейтенант молчал: видимо, решал, что делать с мальчишкой. Изредка отдавал приказания, переговаривался с командирами взводов, принимал доклады.

После долгих размышлений решил-таки командир, что не дело брать с собой мальчика. Он нагнулся, пошарил внизу, поднял вещмешок и, положив его себе на колени, достал оттуда буханку хлеба, несколько банок консервов, горсть кускового сахара и все протянул Шуре, заметив: «Это тебе за смелость», — и весело подмигнул.

Паренек несказанно обрадовался такому богатству, но не знал, куда его положить. Тогда лейтенант молча расстегнул верхние пуговицы Шуриной куртки и стал укладывать за пазуху свой НЗ. Танк остановился, и лейтенант быстро открыл верхний люк, вылез из башни, помог выбраться и мальчику.

Стояла удивительная тишина. Небо было чистое, ослепительно светило солнце. Не верилось, что какихнибудь тридцать минут назад здесь была война, кромешный ад. Об этом напоминали лишь разбитые орудия, повозки, покореженные танки, убитые лошади и люди, лежащие на шоссе и обочинах.

Шурка стоя[...]дом с лейтенантом, смотрел в его

[...] и сказал на проща-
[...]ул мальчика. Долго-

долго махал подросток рукой вслед уходящему краснозвездному танку.

Трудно сейчас сказать, как бы сложилась Шуркина судьба, доведись ему остаться с танкистами, пройти вместе с ними боевыми путями-дорогами. Может, стал бы и он танкистом, может, дошел бы до Берлина. Как воевала танковая рота лейтенанта, как воевал сам командир, жив ли он и его экипаж или погибли они геройски в бою — ничего этого Александр не узнал, хотя с годами все чаще и чаще вспоминал ту первую встречу с офицером Красной Армии. Было это 3 июля 1944 года.

СОДЕРЖАНИЕ

45 к

АЛЕКСАНДР ПОДОБЕД

НА ВСЮ ЖИЗНЬ